PG 3337
.P503
1856

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Pisemskiĭ, Alekseĭ Feofilakto-
Ocherki iz krestiānskago byta.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА.

А. Ф. Писемскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1856.

PG3337
.P5O3
1856

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 9 января, 1856 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.

164425

2L 7 May 73

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА.

I.

ПИТЕРЩИКЪ.

I.

Чухломскій уѣздъ рѣзко отличается, напримѣръ, отъ Нерехтскаго, Кинешемскаго, Юрьевецкаго и другихъ *, —это вы замѣтите, въѣхавши въ первую его деревню. Положительно можно сказать, что въ каждой изъ нихъ вамъ кинется въ глаза большой домъ, изукрашенный разными разностями: узорными размалеванными карнизами, узорными подоконниками, какими-то маленькими балкончиками, Богъ вѣсть для чего устроенными, потому что на нихъ ни откуда нѣтъ выхода, разрисованными ставнями и воротами, на которыхъ иногда попадаются довольно странные предметы, именно: летящая слава съ трубой; счастье, катящееся на колесѣ, съ завязанными глазами; амуръ какого-то особеннаго темнаго цвѣта, и проч.

---

* Костромской губерніи.

Если такихъ домовъ два или три, то прихоти въ украшеніяхъ еще болѣе усиливаются, какъ будто домохозяева стараются перещеголять въ этомъ случаѣ одинъ другаго; и когда вы, проѣзжая лѣтомъ деревню, спросите попавшуюся вамъ навстрѣчу бабу: «чей это, голубушка, домъ?» она вамъ сначала учтиво поклонится и навѣрно скажетъ: «богачей, сударь.» А этотъ другой чей? «А это другихъ богачей.» Произношеніе женщины, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя ваше вниманіе: представьте себѣ Московское нарѣчіе нѣсколько на *а* и усильте его до невѣроятной степени, такъ что, говоря на немъ, надобно, какъ и для англійскаго языка, дѣлать изъ лица гримасу. Я сказалъ, что вы встрѣтите женщину, на томъ основаніи, что лѣтомъ вы ужъ конечно не увидите ни одного мужика, а если и протащится по перегородкѣ какой-нибудь въ нитяной понёвѣ, нечесаный и въ разбитыхъ лаптяхъ, то вы, вѣроятно, догадаетесь, что это работникъ,—и это дѣйствительно работникъ и непремѣнно *Леменецъ* *.

Зима другое дѣло; зимой мужиковъ много появляется. У Богоявленія, что на горѣ, съ которой видно на тридцать верстъ кругомъ, въ Крещенье храмовой праздникъ: съ ранняго еще утра, стоятъ кругомъ всей ограды лошади въ пошевняхъ. Такой нарядной сбруи я въ другихъ мѣстахъ нигдѣ

---

* Вологодской губерніи волость.

и не видывалъ. На уздѣ, напримѣръ, навязано по крайней мѣрѣ съ десятокъ бубенцовъ, на шлеѣ мѣдной наборъ сплошь — вѣсомъ въ полпуда, а дуга, по золотому фону, расписана розанами. Войдите въ церковь: народъ стоитъ удивительно чистый, лица умныя, благообразныя, на всѣхъ, почти, синіе кафтаны; а вонъ напереди стоятъ одна лисья и двѣ енотовыя шубы—это-то и есть самые богачи: они изъ Терентьева, да ихъ и много; вонъ въ синемъ кафтанѣ, рублей по восьмнадцати сукно,—это изъ Овсянова; заѣзжайте къ нему въ гости: увѣряю, что безъ цымлянскаго не уѣдете! Въ сѣрой поддевкѣ, рыжая борода, тоже богачь изъ Маслова; однимъ словомъ, очень много, всѣхъ и не перечтешь!

Все это объяснится для читателя, если я скажу, что весь тамошній народъ ходитъ на чужую сторону, то есть, въ Москву, или въ Петербургъ; — а есть и такіе, которые забираются и въ Гельсингфорсъ, и даже въ Одессу, и промышляютъ тамъ: по столярному, стекольному, слесарному мастерству. Очень трудной работы каменной, плотничной, кузнечной, чухломецъ не любитъ.

Жизнь почти каждаго изъ нихъ проходитъ однимъ обычнымъ порядкомъ: приходитъ къ барину крестьянка — полустаруха: «что скажешь, Михайловна?» спрашиваетъ тотъ.

— Къ вамъ, сударь, — парнишку съ Анофревскимъ Веденеемъ Иванычемъ сговорила.

— А по какой это части?

— По стекольной, батюшка, части.

— Что это у васъ все стекольщики?.. Хоть бы кто-нибудь изъ васъ въ колесники въ Макарово отдалъ? а то по деревнѣ колеса некому сдѣлать.

— Гдѣ ужъ, батюшка, мнѣ это затѣвать, дѣло вдовье, непривычное, а тутъ все на знакомствѣ-съ.

— На сколько же лѣтъ?

— На пять-съ лѣтъ, а по выходѣ отъ хозяина сто рублей, да синій кафтанъ-съ съ обувкой.

— Ну, что же? Хорошо, съ Богомъ!

И отправляютъ парнишку съ Веденеемъ Иванычемъ, и бѣгаетъ онъ по Петербургу, или по Москвѣ, съ ногъ до головы перепачканный: щелчками да тасканьемъ не обходятъ — нечего сказать—уму-разуму учатъ. Но вотъ прошло пять лѣтъ: парень изъ ученья вышелъ, подросъ совсѣмъ, получилъ отъ хозяина синій кафтанъ съ обувкой и сто рублей денегъ, и сходитъ въ деревню. Матка первое время какъ посмотритъ на него, такъ и зареветъ отъ радости на всю избу, а потомъ идутъ къ барину.

— Кто тамъ? кричитъ тотъ изъ кабинета.

— Афимья съ своимъ питерцемъ пришла, отвѣчаютъ ему изъ дѣвичьей, съ любопытствомъ оглядывая новичка.

— А, хорошо! Войдите.

Входитъ питерецъ: волосы приглажены, кафтанъ подпоясанъ съ форсомъ, сапоги свѣтятся и скрыпятъ; кланяется барину и кладетъ ему на

столъ или рыбу, или яблоковъ, или просто полтинникъ.

— Полно, братецъ, не надобно, замѣчаетъ баринъ.

— Пожалуйте *, отвѣчаетъ питерецъ, встряхнувъ головой.

— Молодецъ выросъ, а мастерству выучился ли?

— Про себя, сударь, говорить нельзя, а все могимъ сдѣлать, что̀ отъ хозяина было показано.

— Это хорошо: жениться теперь пора, да и въ тягло. — Парень, слегка покраснѣвъ, улыбается.

— Не оставьте ужъ, батюшка, отвѣчаетъ за него мать, и при этомъ случаѣ опять прослезится.

— А у кого же думаете взять? спрашиваетъ помѣщикъ.

— У кого ваше приказанье будетъ, а мы, по нашему сирочеству, никого не обѣгаемъ, отвѣчаетъ мать.

— Какое же мое приказанье: вы знаете, я въ этомъ случаѣ не приказываю,—сходитесь по себѣ, полюбовно.

— На томъ благодаримъ, батюшка, покорно, отвѣчаетъ все мать: коли милость ваша будетъ, такъ у Ефья Петровича дѣвушку желаемъ взять.

---

* Это значитъ—примите.

— У Ефья, такъ у Ефья, ваше дѣло, — только, чтобы съ той стороны не было сопротивленья.

— Сопротивленья не полагаемъ, разговоръ ужъ объ этомъ былъ.

— А тебѣ она нравится ли? — относится баринъ къ парню.

— Нравится, сударь, — дѣвушку похулить нечѣмъ, какъ быть слѣдуетъ.

И женятъ такимъ образомъ парня въ мясоѣдъ, между Рождествомъ и масляницей. Но какъ пришелъ великій постъ, такъ и начали молодаго въ Питеръ сбирать: прибрали попутчиковъ, привязалъ онъ къ спинѣ котомку и пошелъ, а тамъ, мѣсяца черезъ два, и поопишетъ что-нибудь, въ родѣ того:

«Милостивѣющая государыня матушка Афимья Михайловна и дражайшая сожительница Катерина Ефьевна, просимъ вашего родительскаго благословенія и на вѣки нерушимо; о себѣ увѣдомляю, что проживаю по теперичe у Веденея Иваныча за триста рублевъ въ лѣто, и при семъ прилагаю десять цѣлковыхъ на подушную, чего и вамъ желаю.

Крестьянинъ, вашъ сынъ такой-то.»

На Петровъ день и барину оброкъ выслалъ, а къ Новому году и остальную половину, и самъ сошелъ въ деревню. Такъ онъ ходитъ каждый годъ, а тамъ, какъ Богъ посчастливитъ, такъ и хозяйство заведетъ: смотришь — и домъ съ белен-

дрясами вытянулъ... Все это хорошо, когда хорошо идетъ, а бываетъ и другое.

Лѣтомъ, въ 184..., пріѣхалъ я въ Чухломскую деревню Наволоки, и, зная отчасти мѣстность, вовсе не удивился, когда на крикъ моего ямщика: «эй, десятской, подь сюда?» вышла молоденькая и прехорошенькая собой баба.

— Ты, голубушка, десятской? спросилъ я ее.

Она улыбнулась.

— Я, сударь.

— А какъ тебя зовутъ?

— Марьей.

— А строга ли ты?

— Да съ чего мнѣ строгой-то быть? Что за строгость такая, я и не знаю.

— Можно ли мнѣ остановиться въ этомъ большомъ домѣ?

— Для чего не остановиться... Погодите, я поспрашаю, отвѣчала десятской — Марья, и начала стучать въ окошко большаго дома.

— Клементій Матвѣичъ, а, Клементій Матвѣичъ! вона баринъ пріѣхалъ, на фатеру къ тебѣ позывается!

Въ окно выставилось мужское лицо.

— Позволь мнѣ, мужичекъ, остановиться въ твоемъ домѣ, я пріѣхалъ по службѣ, сказалъ я.

— Сдѣлайте милость, батюшка, отвѣчалъ тотъ проворно... Не больно приглядно у насъ... Дарья Михайловна, уберите тамъ въ горницѣ, что не надо, — услышалъ я его голосъ въ избѣ, а че-

резъ нѣсколько минутъ онъ и самъ показался на улицѣ. Это былъ лѣтъ тридцати пяти, видный собой мужикъ, волосы русые, борода клиномъ; на лбу нѣсколько морщинъ, взглядъ умный, лицо истощенное.

— Пожалуйте сюда на лѣсенку, отнесся онъ ко мнѣ: ужъ извините на этотъ случай, что въ такомъ нарядѣ васъ принимаемъ, дѣло деревенское... На немъ была, наскоро накинутая, значительно поношенная купеческая сибирка. «Ты, любезный, возьми кругомъ, тамъ подъ навѣсомъ и поставишь, прибавилъ онъ извощику, а то тутъ въ ворота не пройдешь; нашъ экипажъ — телѣга не громоздка, въ калитку продернуть можно.

Въ сѣняхъ, у окошка, сидѣла худая сгорбленная старуха и что-то ворчала, замахиваясь клюкой на пятилѣтняго мальчишку, который къ ней то подскакивалъ, то отскакивалъ.

— Ѳедька, перестань баушку дразнить! что ты? крикнулъ на него Клементій.

— Она сама начинаетъ.

— Я тебѣ дамъ, сама начинаетъ!.. Вотъ ужъ пословица справедлива: старой, что малой, цѣлой день у нихъ этакія баталіи идутъ... Въ горенку пожалуйте, сюда налѣво, говорилъ хозяинъ, провожая меня. Я вошелъ, и, осмотрѣвшись, тотчасъ же догадался, что я у питерщика. Комната вся была оклеена сборными обоями: нѣсколько полосокъ французскихъ атласныхъ, нѣсколько хорошихъ русскихъ и наконецъ нѣсколько деше-

венькихъ; штукатурный потолокъ былъ весь расписанъ букетами, такъ что глазамъ было больно смотрѣть на него, въ переднемъ углу стояла краснаго дерева кіота съ образами и столъ, на которомъ были нарисованы тарелки, а на нихъ— разрѣзанные фрукты, а около — серебряные ножи и вилки; лавокъ не было, ихъ замѣняли деревянные стулья, выкрашенные, какъ будто бы подъ орѣхъ. Въ заднемъ углу стояла кровать съ ситцевыми занавѣсками, къ которой Клементій бросился тотчасъ, какъ мы вошли, и началъ выкидывать оттуда различную дрянь, говоря: «экъ у нихъ тутъ навалено! что это за баба необрядная, все ей не въ замѣтку!..» «Извините ужъ, батюшка,» прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: «въ чемъ застали, въ томъ и судите, не чаяли вашей милости.»

Я просилъ его не хлопотать, а велѣть, если у него есть, согрѣть мнѣ самоваръ.

— Какъ, сударь, не быть этого заведенья, не тѣ нынче времена и не такія здѣсь мѣста, чтобы не быть... Дарья Михайловна! крикнулъ онъ въ дверь, поживѣе самоваръ, да приготовьте тамъ чайникъ и чашки—все, какъ слѣдуетъ,—главная причина, перемойте почище.

— Славной у тебя домъ, сказалъ я.

— Живетъ, батюшка, по деревнѣ.

— Самъ строилъ, или еще старикъ?

— Нѣтъ, ужъ самъ выводилъ; лѣсъ какъ-то

нынче не противъ старины: крѣпости и ядрености никакой не имѣетъ.

— А эти цвѣты на потолкѣ не самъ ли рисовалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: чужіе по найму мазали.

— Да ты питерщикъ?

— Питерщикъ былъ-съ.

— А по какому мастерству?

— Да тоже вотъ по этой, по малярной части.

— Въ домахъ что ли расписывалъ?

— Всяко-съ: и по наружности занимались, и внутру отдѣлку брали.

— То есть какъ же?

— Да, то есть, стѣны и потолки по трафарету расписывали, и асторическую живопись тоже немного маракуемъ.

— Все тоже по трафарету?

— Все по трафарету, нечего хвастать: отъ руки все какъ-то не доходимъ. Хвастались-было нѣкоторые изъ нашихъ, да не выходитъ, по тому случаю, что мужику противъ Ахадемика не быть, ученья такого мы не имѣемъ. Наше, сударь, доложу вамъ, мастерство такое, что и конца ему нѣтъ: крыши, да заборы, да стѣны красить особъ статья; а, напримѣръ, полы подъ паркетъ выводить, или тамъ, дверь и косяки подъ слоновую кость отдѣлать, — это выходитъ вторая статья; экипажная часть тоже по себѣ, мебельное дѣло другаго требуетъ, а комнатная живопись настоящая опять другое, а названье у всѣхъ одно: ма-

ляръ, да и баста, а кто дѣло разберетъ, такъ маляръ маляру рознь — кто до чего дошелъ.

Понятно, что Клементій былъ мужикъ бывалый—неглупый, должно быть, оборотливый и не много резонеръ, потому что, какъ видно, любилъ обо всемъ поразсудить и потолковать.

— Какое ремесло самое выгодное? спросилъ я, желая снова вызвать его на разговоръ.

— Какъ вамъ, сударь, сказать, — все это въ зависимости отъ самого человѣка. Конечно, по хозяйской части, какъ и въ купеческомъ дѣлѣ, много и глупаго счастья бываетъ, а если на счетъ работниковъ взять, такъ все едино—единственно, зависитъ отъ того, кто какъ ремесло въ толкъ взялъ; а другая, главная пружина состоитъ и въ томъ: каковъ ты и въ поведеніи, особенно нонече, потому что народъ, годъ отъ году, сталъ баловатѣе, иной парень бываетъ по мастерству и не такъ расторопенъ, да поведенія смирнаго, такъ онъ для хозяина нужнѣй первѣйшаго работника. Матеріалу, напримѣръ, временемъ нужно закупить, за рабочими присмотрѣть, артель тамъ гдѣ нибудь за глаза раздѣлать,—онъ его сейчасъ въ эвто дѣло и употребитъ — и у насъ эдакіе люди рублей по семисотъ въ лѣто получаютъ, — такъ оно что нибудь значитъ!..

— Не по всѣмъ же мастерствамъ дается жалованье равное?

— Жалованье идетъ разное, про это кто говоритъ, только въ карманѣ выходитъ одно и то же.

На что ужъ, кажись, по жалованью, лучше кузнечнаго дѣла! Послѣдній работникъ получаетъ четыреста, а которой поискуснѣе, и холодную тамъ подковку знаетъ, такъ и четыреста на серебро хватитъ, а много ли богачей? Ни одного! Отъ малаго до большаго, что въ недѣлю заработалъ, то на праздникъ въ харчевнѣ и спустилъ; а теперичe, если взять и другую линію: портной, сапожникъ и гравировщикъ, — у насъ считается на что есть хуже изъ всѣхъ: у нихъ, съ позволенья сказать, зимой, въ субботу, въ баню надобно сходить, такъ старшій подмастерье выпроситъ у дворника рукавицы, надѣнетъ ихъ, вмѣсто сапогъ, на ноги, да такъ и отваляетъ, а и по этому дѣлу выходятъ въ люди... Недалеко взять: у нашего барина дворовой человѣкъ сначала тоже въ Москвѣ поучился портняжничать, тутъ вернулся въ губернію, и теперь первый сталъ во всемъ городѣ портной,—и значитъ, что все человѣкомъ выходитъ.

— Неужели же портные менѣе прочихъ получаютъ жалованья?

— Жалованье жалованьемъ... имъ, точно, и жалованья меньше идетъ противъ прочихъ, но главная вещь: присмотру за нимъ никакого нѣтъ. Проживаютъ они больше по Нѣмцамъ, а Нѣмцу что̀?.. Платитъ онъ ему поштучно, спрашиваетъ въ работѣ чистоты — и только: расчитаютъ, что слѣдуетъ, а тамъ и распоряжайся жалованьемъ своимъ, какъ знаешь: хочешь, оброкъ высылай,

а нѣтъ, такъ и пропей, пожалуй; у нихъ хозяину еще барышъ, какъ работникъ загуляетъ: онъ ему въ глухую пору каждый день въ рубль серебра поставитъ, а намъ, хозяевамъ, этого дѣлать нельзя: у насъ, если парень загуляетъ, такъ его надобно остановить, чтобы было чѣмъ барина въ оброкѣ удовлетворить, да и въ домъ тоже выслать, потому что здѣсь все дѣло сосѣдское, все на знати; а Нѣмецъ ничего этого во вниманіе не беретъ...

Вошла хозяйка съ самоваромъ—женщина еще молодая, но очень непріятной наружности, рыжеватая, въ веснушкахъ, съ приплюснутымъ носомъ, узенькими глазами и вообще съ выраженіемъ лица ничего невыражающимъ. Не даромъ Клементій говоритъ: «эка баба необрядная...» Достаточно было взглянуть на ея полинялый ситцевой сарафанъ и грязную рубашку, чтобъ вполнѣ съ нимъ согласиться. «Нѣтъ, это не чухломка,» подумалъ я... Чухломка къ постороннему человѣку, а тѣмъ болѣе къ барину, никогда бы въ такомъ нарядѣ не пришла.. Хозяйка между тѣмъ, поставивъ самоваръ, сходила за чашками. Клементій смотрѣлъ на нее, какъ мнѣ показалось, съ какимъ-то затаеннымъ чувствомъ досады...

— Хоть бы ты, Дарья Михайловна, для гостей-то умылась, произнесъ онъ и покачалъ головой.

— Ну, батюшка, проговорила баба, поклонилась и ушла.

Я пригласилъ Клементія напиться съ собою чаю и сѣсть; то и другое онъ принялъ съ большимъ удовольствіемъ. Разговоръ между нами опять завязался, именно: объ табакѣ, потому что я закурилъ въ это время трубку.

— Вы трубку изволите курить? спросилъ меня Клементій.

— Да—трубку,—а что же?

— Такъ, сударь: нынче господа къ сигарамъ больше пристрастія имѣютъ, и какъ еще эти—проклятыя—вотъ и названье-то забылъ—тоненькія такія.

— Папиросы?

— Именно папиросы: на удивленье, вѣдь, по первоначалу было: бумагу вздумали курить, бѣдность такая пришла, точно, вотъ, какъ иные мужики у насъ по деревнѣ: курить-то охотникъ, а табаку нѣтъ, денегъ тоже не бывало, такъ онъ моху этого лѣснаго насушитъ, накладетъ въ трубку и запалитъ точно настоящій табакъ, и поодурманитъ себя немножко, будто какъ и курилъ.

— А самъ ты куришь, или нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, сударь, по здѣшнимъ мѣстамъ отсталъ, а въ Питерѣ всего было: пуда съ три пережегъ этого добра... и здѣсь-было, правду сказать, начиналъ, да старуха бранится, такъ и бросилъ... Не стаканъ ли для чаю-то прикажете подать?

— Нѣтъ; а что же?

— Да мы, вотъ тоже, по чужой сторонѣ, ви-

дали, что господа нынче больше въ стаканахъ употребляютъ.

— Мнѣ все равно... У васъ здѣсь по чужой сторонѣ промышляютъ?

— Всѣ-съ. По нашимъ мѣстамъ, мужику проживать въ деревнѣ все равно, что чорту ладонъ.

— Отчего же это?

— Выгодъ, сударь, здѣсь нѣтъ никакихъ: мужику копѣйки здѣсь не на что заработать: земля все илякъ и слѣдственно хлѣбопашество самое скудное; сплавовъ лѣсныхъ, какъ примѣрно по Макарьеву, Ветлугѣ и другимъ прочимъ мѣстамъ, не бывало; фабрикъ по близности тоже нѣтъ, — чѣмъ мужику промышлять?... За-неволю пойдетъ на чужую сторону, и это, надо полагать, что какой нибудь впервые баринъ выдумалъ: проживалъ, можетъ быть, самъ въ Питерѣ, видитъ, что тамъ работы хорошія, выписалъ изъ имѣнья, такъ сказать, нѣсколько мальчиковъ, обучилъ ихъ, жалованье они стали получать хорошее... Другіе видятъ, что это идетъ въ пользу, и пошли по ихъ слѣду.

— Стало-быть, это недавно началось?

— Давно или нѣтъ, я ужъ не знаю, а только былъ, сударь, у меня дѣдъ, померъ онъ на сто седьмомъ году, я еще тогда былъ почти малой ребенокъ; однакоже помню, какъ онъ разсказывалъ, что еще при Петрѣ-Государѣ первые ходаки отсюдова пошли: вотъ когда еще это началось! А теперь ужъ насъ, прямо сказать, отъ

этого промысла не отучишь. Съ малаго будемъ говорить: тамъ мы всѣ не то, что хозяева или прикащики, а даже артельные, — всѣ содержаніе имѣемъ отличное, потому самому, что, хоть бы взять въ нашемъ ремеслѣ, отпусти-ка въ артельную кашу мало масла, такъ онъ тебѣ, красимши, на одну половицу масла за цѣлой годъ выльетъ, — и мы въ этомъ, хозяева, никогда не стоимъ, кормимъ на-убой, только, чтобы въ работѣ не зѣвали, да проворили; а здѣсь не очень разкуражишься: швыряй, пожалуй, молоко, а мы, признаться сказать, не очень къ нему привычны. Мнѣ такъ вотъ даромъ его не надобно!.. когда даже бабы ѣдятъ, такъ просто моторитъ *, а на счетъ того же чаю, мы — питерцы — къ нему большое пристрастіе имѣемъ... Тамъ какой-нибудь, съ позволенья доложить, лядащій мальчишка, завелся у него гривенникъ и бѣжитъ въ трактиръ, и сидитъ бариномъ, и туда же еще командуетъ: а въ деревнѣ самоваровъ не наставишься, прокладки ужъ этой и нѣтъ.

— А главное, я думаю, вамъ не нравится полевая работа.

— Есть и это... отвыкнемъ очень... не велика, кажется, хитрость орать, а меня, хоть зарѣжь, такъ косули по настоящему не уставить... косить тоже не ловокъ: машу, машу, а дѣло не

---

* Тошнитъ.

прибываетъ... руки выломаешь, голову тебѣ распечетъ на солнцѣ, словно дуракъ какой-нибудь... и все бы это ничего, и къ этому мы бы дѣлу попривыкли, потому что здѣсь народъ все расторопной, старательной, да тутъ есть, пожалуй, другая штука...

— Какая же это?

— А вотъ какая-съ: здѣсь, я вамъ доложу, мы всѣ бахвалы, именно, такъ сказать, бахвалы наголо: — сойдетъ мужикъ изъ Питера, или изъ Москвы и начнетъ гнуть штуки: — я-да-я, мы-да-мы, а бабы, да дѣвки сидятъ да слушаютъ, разиня ротъ, а намъ это и повадно, и куражимся... А какъ по деревнѣ-то живешь, такъ нечего прибавить: все на виду... Не дальше, какъ въ этой комнатѣ, было у меня эдакое дѣло, на Никольшинѣ: есть здѣсь мужичекъ, верстахъ въ трехъ отсюда живетъ, старикъ простой, смирный, а денежный; на чужую сторону онъ не ходитъ, а занимается около дома торговлей: саломъ, солью, мясомъ и прочимъ эдакимъ товаромъ перебиваетъ; сидитъ онъ у меня въ гостяхъ, и другіе тоже кое-кто былъ, народъ все хорошій, — вдругъ приходитъ нашей деревни мужиченка — Гришка, питерецъ коренной, но человѣкъ, то есть, никуда не годный. Не взираючи ни на кого и ни на что, *шастъ* прямо въ передній уголъ, сѣлъ и началъ хвастать: и денегъ, говоритъ, у него много, и анараловъ тамъ всѣхъ знаетъ, и во дворцѣ бывалъ, то есть, я вамъ скажу, такую

понесъ околесную, хоть Святыхъ выноси вонъ. Деревенскій этотъ мужичекъ слушалъ, слушалъ, да и говоритъ: полно, говоритъ, Гриша, не высоко ли берешь?... Что же, сударь, какъ вы думаете?... Этотъ шельма — Гришка — оборвалъ старика, на чемъ свѣтъ стоитъ! И толоконное, говоритъ, ты брюхо! и лѣсная кочерга!... просто сказать, раскастилъ, а тотъ только смолчалъ, дѣлать нечего, на чужой сторонѣ не бывалъ, разсуждать объ этомъ много не можетъ... Вотъ вѣдь, у насъ какая здѣсь практика заведена, такъ и не больно манитъ проживать около дома! а все лестно, нельзя ли какъ-нибудь въ Питеръ или Москву... Это, батюшка, полагаю, и въ вашемъ званіи бываетъ: вотъ молодые господа изъ Питера съѣзжаютъ, такъ большой тоже форсъ держатъ. Къ нашему барину пріѣзжалъ оттедова двоюродный братъ: мы, какъ его по Питеру знаемъ, такъ господинъ очень непыратый: на службѣ нигдѣ не состоитъ, капиталовъ за собой никакихъ не имѣетъ, а только что, примѣрно, по Питерски сказать, тортуары тамъ гранитъ; а подите-ка: какъ пріѣхалъ сюда, какой тонъ повелъ! у нашего помѣщика въ усадьбѣ все расхаялъ: и домъ безъ скусу, и скотные дворы выстроены не по плану... Я тутъ невдалекѣ слушалъ, какъ они объ этомъ разговаривали, и только самъ съ собой подумалъ: «у тебя-то, думаю, выжига питерская, какія тамъ палаты разстроены!»

Клементій остановился.

— Отчего же ты самъ нынче не въ Питерѣ? спросилъ я его вдругъ.

Клементій весь вспыхнулъ

— Какъ вамъ сказать, сударь, началъ онъ послѣ минутнаго молчанія, почесавъ въ головѣ и вздохнувъ слегка: линія ужъ такая вышла, что пенья копать дома пришлось.

— Покутилъ, видно?

— То-то и есть, прогорѣлъ маленько: пожару не было, а дымомъ вышло... мужикъ глупъ: какъ бы намъ не деревня, такъ бы мы и Бога забыли.

— Баринъ что ли тебя не пускаетъ?

— Да оно и баринъ, видно, повыдержать немного хочетъ... У насъ господинъ разсудительный, мужицкую натуру знаетъ, какъ свои пять пальцевъ; а другой случай: что на чужой сторонѣ мнѣ почесть, такъ сказать, и быть не у чего... въ работники итти какъ-то зазорно, а хозяйствомъ обзавестись могуты не хватаетъ...

— А ты самъ хозяйствовалъ?

— Тридцать человѣкъ одной артели держалъ-съ, дѣла большія имѣлъ: кабы не своя глупость, такъ деньги бы теперь лопатой загребалъ...

— Отчего же? попивать, видно, началъ?

— Не безъ того... у насъ безъ этого не бываетъ; хотя и то сказать: выпивка рабочему человѣку ничего, она ему, по времени, еще въ пользу идетъ... а то худо, когда мужикъ съ горя

начинаетъ опрокидывать, когда у него на сердцѣ болитъ.

— А у тебя болѣло тоже сердце?

— А такъ, сударь, болѣло, что вотъ я теперича не жиренъ, а напредь сего былъ кожа да кости!... Исторія моя длинная, опечатать ее стоитъ... вотъ какая моя исторія!

Въ это время дверь пріотворилась.

— Клементій Матвѣичъ?... произнесъ женскій голосъ. Это была хозяйка.

— Что тебѣ? отвѣчалъ съ досадою питерщикъ.

— Подь сюда: работникъ вопитъ, запахивать неча... Подь, батько, засѣй загончиковъ хоть пятокъ!

— Ну, ладно; изготовь тамъ жито-то... Извините, сударь, въ поле требуютъ... На угощеньи благодаримъ покорно.

— Ты зайди ко мнѣ послѣ.

— Съ большимъ нашимъ удовольствіемъ, если вамъ будетъ не въ тягость... Затѣмъ, наше почтеніе-съ, проговорилъ Клементій и ушелъ.

II.

Оставшись одинъ, отъ нечего дѣлать, я пошелъ въ избу. Хозяйка парила кринки, Ѳедька сидѣлъ на лавкѣ, и, что есть силы, колотилъ по столу

косаремъ; бабушка старуха переправилась изъ сѣней на голбецъ... На меня изъ нихъ никто не обратилъ вниманія.

— Вона, худы валенки-то, — во что обуешься теперь, ворчала старуха, простанывая по временамъ... Не мало толстолобому говорила: купи, да купи, такъ на базарѣ нѣтъ... эка, братъ, и валенокъ про насъ на базарѣ нестало... а сивку... да... продали... не самъ еще заводилъ... ловокъ больно... да... а не говори имъ—и не говорю... Успенье на дворѣ, а еще и паръ не запарили... жди, паря, хлѣба... то-то... порядки какіе... ой, батюшки, тошнехонько!.. Ой, ой, тошнехонько!..

— Чѣмъ мать больна? спросилъ я невѣстку.

— Не знаю: давно ужъ она мозгнетъ, отвѣчала та нехотя.

— Что у тебя, старушка, болитъ? отнесся я къ больной.

— Что болитъ?.. все болитъ, во всей болѣзь ходитъ... рученьки, ноженьки ломитъ, у сердца тошно; съ печи падала не одинъ разъ, пора бока отбить... Не такъ было прежде — жили... да... что станешь дѣлать... не больно нынче матокъ слушаютъ: хоть говори, хоть нѣтъ... третій годъ въ Питерѣ не бывалъ, какое ужъ это дѣло!.. О-о-ой, тошнехонько!..

И мнѣ сдѣлалось тошно отъ болѣзненныхъ стоновъ старухи, а сверхъ того: Дарья ввалила въ кринку огромный, раскаленный камень, и всю избу наполнила паромъ.

— Плохо же житье питерцу, подумалъ я: понятно, что въ семьѣ у него было не очень ладно: жена какая-то рабочая полу-идіотка, мать больная, и, должно быть, старуха блажная; а мальчишка — большой шалунъ, тогда какъ онъ мужикъ умный, и вѣроятно, все понимаетъ. Отчего это онъ, по его выраженію, прогорѣлъ, и почему не въ Питерѣ?..

Съ такого рода размышленіями пошелъ я по деревнѣ. Картины увидѣлъ обыкновенныя: на самой серединѣ улицы стояло цѣлое стадо овецъ, изъ которыхъ одна, при моемъ приближеніи, фыркнула и понеслась маршъ-маршъ въ поле, а за ней—и всѣ прочія; съ одного двора съѣхала верхомъ на лошади лѣтъ четырнадцати дѣвочка; на ободворкѣ пахала баба, по крѣпкому сложенію которой, и по тому, съ какой ловкостью управлялась она съ сохой, и заворачивала лошадь, можно было заключить объ ея не совсѣмъ женской силѣ; нѣсколько подальше, у воротъ, стояла другая женщина и во все горло кричала: телъ, телъ, телъ, телонька, телонька, телъ... По дорогѣ, навстрѣчу мнѣ, шла десятскій — Марья съ ималомъ * и уздой въ рукахъ.

— Что это баба кричитъ? спросилъ я ее.

---

* *Имало* — овесъ въ какой-нибудь чашкѣ или плетушкѣ, которымъ, поднося къ мордѣ лошади, приманиваютъ ее, и такимъ образомъ ловятъ.

— Корову, сударь, выкликаетъ: коровка, должно быть, отстала, отвѣчала она.

— Развѣ у васъ не за пастухами?..

— Нѣтъ, не за пастухами: у насъ пастуху нечего дѣлать. Скотина гуляетъ не па чистаполью, а па лѣсамъ, что тутъ пастухъ сдѣлаетъ? расбредется па кустамъ, такъ и онъ ничего не увидитъ...

— А если украдутъ?

— Николи у насъ не крадутъ, звѣрь такъ обижаетъ, а воровства здѣсь не чуть.

— Волкъ что ли?

— Нѣтъ, не волкъ, медвѣдь: нынѣшнее лѣто, изъ нашей деревни, проклятой, двухъ коровокъ изломалъ.

— Вы бы стрѣляли его?

— Кому у насъ стрѣлять?—былъ въ Терентьевѣ одинъ стрѣлокъ, да и тотъ передъ заговѣньемъ померъ... Тоже, вотъ эдакъ, по веснѣ сѣлъ на лабазъ; медвѣдь-то пришелъ, падалину только обнюхалъ, а его стрясъ съ елки и почалъ ломать,—всю шабалку своротилъ; тѣмъ и померъ — никакъ залечить не могли.

— Ты сама куда ходила?

— Лошадь ловить ходила, да не дается, песъ ее дралъ.

— А развѣ въ домѣ у васъ нѣтъ мужика?

— Нѣтъ, сударь, ни одного нѣтъ-съ: батюшка-тесть и мой-то мужъ—оба въ Питерѣ.

— Отчего же мой хозяинъ дома проживаетъ?

— Клементій Матвѣичъ?

— Ну-да.

— Видно, не больно умно жилъ на чужой сторонѣ, такъ теперь задѣлье и правитъ.

— Загулялъ, что ли онъ?

— Не безъ тово, чай.

— Мнѣ жена его очень не понравилась.

— Она не здѣшняя, отъ Макарья взята.

— Я это догадался: — она ему не пара.

— Извѣстно, что противъ него не будетъ; эдакому мужику надобно бабу покрасивѣе.

— Вотъ бы тебя напримѣръ.

— Да что ему меня, у меня свой не хуже его.

— Будто и не хуже?

— А чѣмъ хуже? только еще человѣкъ молодой, а не хуже.

— Не волочится ли за тобой Клементій? спросилъ я ее вдругъ.

Она вся вспыхнула, потомъ посмотрѣла на меня пристально и улыбнулась.

— Что за волоченье? онъ здѣсь смирно живетъ, произнесла она и потупилась.

— А прежде?

— Прежде я не знаю; мало ли чего у нихъ въ Питерѣ бываетъ? человѣкъ былъ богатый, такъ ужъ, вѣстимо, безъ тово жить не станетъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы подходили къ моей квартирѣ. Насъ нагналъ Клементій, который уже возвращался съ поля.

— Хоть бы вы, сударь, нашего хожалаго по-

стращали, а то онъ ничего своей должности не исполняетъ, сказалъ Клементій, указавъ головою на Марью.

— Что меня стращать: не мнѣ бы, а тебѣ, длинноносому, надобно эту должность исправлять, отвѣчала та съ улыбкой.

— Нѣтъ ужъ я, тетка, въ сотскіе буду проситься, чтобы ты у меня подъ началомъ была.

— Что же тебѣ такое въ подначальствѣ моемъ?

— Извѣстно что... Ахъ, ты, голубка, ноги тонкія, бока звонкія! проговорилъ Клементій, ударивъ ее слегка по плечу.

— Перестань болтать-то: мало тебѣ въ Питерѣ бока назвонили.

Этотъ быстрый разговоръ и нѣсколько взглядовъ, которыми перебросились Клементій съ Марьей, показались мнѣ подозрительными.

Я вошелъ въ свою комнату: питерщикъ не замедлилъ явиться. Мы усѣлись на прежнихъ мѣстахъ, и разговоръ между нами тотчасъ же начался.

— Ты говорилъ, что съ тобой была исторія, разскажи мнѣ ее, пожалуйста? сказалъ я.

Клементій сначала призадумался немного, потомъ усмѣхнулся.

— Разсказать сударь, пожалуй, наше дѣло: слабы на языкъ-то; только то, чтобы не наскучить вамъ, похожденія мои длинныя.

— Вовсе нѣтъ, я тебя прошу объ этомъ.

Клементій поправилъ бороду.

— Похожденья мои, началъ онъ, хоть-бы взять съ того, что я вдовецъ и теперичe женатъ на другой: первая моя хозяйка, всякій вамъ скажетъ, была эдакая красавица, что другой, ей подобной, можетъ быть, по всей имперіи, изъ простаго званья, не найдти. Восемь лѣтъ мы съ ней прожили, наперекоръ слова не бывало, а не токмо что брани, или, тамъ, драки эдакія, какъ промежъ другими бываетъ. И я, сударь, не хвастаясь сказать, въ полтора года, изъ простыхъ мальчиковъ, въ прикащики попалъ, а черезъ два года и самъ хозяйствомъ обзавелся,—и такое у меня объ домѣ стараніе было: спать лежучи, объ домѣ думаешь; по утру встанешь, лба еще не перекрестишь, а все на умѣ, какъ бы денегъ спроворить, да въ домъ послать?.. а въ пятый годъ такъ раздышался, что и бабу въ Питеръ выписалъ, — еще у меня спорѣй пошло: она была, надо сказать, окромя красоты изъ лица, женщина умная, расторопная, чистоту любила на всякомъ мѣстѣ. Пойдешь, бывало, раннимъ утромъ, по дѣламъ, воротишься домой: въ фатерѣ любо поглядѣть: прибрано, примыто, сама сидитъ лучше другой барыни, — и такъ мнѣ все это было по нраву, что иной разъ всплачешь потихоньку... Господи, Боже мой, думаешь, за чьи ты молитвы меня эдакимъ счастьемъ поискалъ?..

— И она у тебя умерла? перебилъ я Клемен-

тія, желая, чтобы онъ скорѣе перешелъ въ своемъ разсказѣ грустную катастрофу его жизни.

— Два годочка только, сударь, я покрасовался съ ней въ Питерѣ, и самъ не понимаю, что такое приключилось: врядъ ли ужъ тутъ не было чьего-нибудь дурнаго глаза. Больно мнѣ многіе изъ своей братьи въ зависть брать начали, а, можетъ быть, и понапрасну клеплю, можетъ быть, и отъ простуды!.. Пришла она у меня, — дѣло это было по осени, — отъ всенощной и прямо на постель. «Что это, говорю я, Машенька, ты съ позаранку спать забираешься?» — «Такъ, говоритъ, мнѣ все что-то не по себѣ.» — «Такъ полно, говорю, дурочка, валяться-то, напейся чайку съ мадеркой, лучше испарина прошибетъ.» — «Хорошо, говоритъ, и встала, и, надо полагать, что, черезъ принужденье, выпила одну чашку, а больше ужъ и не могла, и опять легла. — Поутру еще хуже: я къ доктору, тотъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ ее: «хорошо, говоритъ, что позвалъ, — у нея горячка начинается.» А за тѣмъ самымъ горячка да горячка... Лечили, кажись, всякимъ, — легче нѣтъ. Недѣлю помаялась, а въ восьмой день и Богу душу отдала...

Клементій остановился: на глазахъ его навернулись слезы.

— Позвольте, сударь, трубочки покурить! сказалъ онъ, смигивая слезы.

Я подалъ ему свою трубку.

— Вотъ эдакъ-та лучше, поразкуражитъ маленько, сказалъ онъ, вытянувъ сразу всю трубку, и продолжалъ: какъ случилось со мной эдакое несчастіе, я впалъ по первоначалу, въ какое-то безчувствіе: какъ тамъ эти похороны и все эдакое срядили, да обрядили, ничего не помню... Все, говорятъ, *смѣялся эдакимъ смѣхомъ не хорошимъ*... Такъ полагали, что совсѣмъ съ ума спятилъ, — однако же поопомнился. Самъ чувствую, что въ разумъ вхожу, а на сердцѣ, часъ отъ часу, становится тяжелѣе, — только и говорю работникамъ: не оставляйте, говорю, братцы, меня одного, я грѣхъ сдѣлаю, руки на себя наложу! . Недѣли въ двѣ, меня сломило совсѣмъ: ни апетиту, ни силы, ничего не стало!.. Провалялся я такъ да новаго года почесть.. Надобно было разсчеты сдѣлать, долги тоже кой какіе получить, — ничто не мило, все бросилъ и въ деревню съѣхалъ, — думалъ, хоть этимъ, облегченье получить, — не тутъ было... Видючи, какъ я убиваюсь, стали мнѣ хорошіе люди совѣтывать, въ Тотьму, къ чудотворцу сходить. Мнѣ это очень пришлось по душѣ, и какъ только я это, батюшка, задумалъ, — сразу легче стало. Никогда, прежде живучи, больше пятнадцати верстъ не хаживалъ, а тутъ прибѣгло такое желаніе, чтобы пѣшкомъ идти. Согласился я съ однимъ старичкомъ, — тронулись. На первыхъ порахъ, отошелъ я двадцать пять верстъ, и такую усталость почувствовалъ, что хоть подводчиковъ нанимать.

Однако же пересилилъ себя и дошелъ на другой день до Солигалича, — верстъ тридцать, примѣрно, сдѣлалъ, не отдыхаючи, — усталости ужъ такой не было. Въ самомъ Солигаличѣ, зашелъ я съ моимъ товарищемъ къ одному юродивому — Андрюшѣ: какъ я къ нему пришелъ, — подалъ калачикъ, — онъ вдругъ запѣлъ: «со святыми упокой.» — Пропѣмши нѣсколько разъ, водочки попросилъ. Я по глупости подумалъ, что онъ, и въ самомъ дѣлѣ, водки желаетъ: сходилъ, сейчасъ, въ питейный и принесъ ему. Взялъ онъ у меня полштофъ, да какъ швыркнетъ въ уголъ, и запѣлъ: «Исаія ликуй.» Какъ его потомъ ни спрашивалъ, ничего больше не сказалъ... И такимъ манеромъ я въ Тотьму сходилъ благополучно. Воротился домой. Баринъ у насъ тогда домъ отстраивалъ. «Возьми,» говоритъ, «Клементій, внутреннюю отдѣлку на себя.» Я не поперечилъ, взялъ: такъ все лѣто и почти что всю осень и проработалъ у него; и это меня заняло оченно много. Отдѣлать тоже хотѣлось для барина получше. Въ первую пору, думалъ, и не перенесть горя; а тутъ пришло, что и о другой свадьбѣ задумалъ.

— Какимъ образомъ это случилось?

— Да и самъ не знаю, какъ это случилось! почти что — не по своей волѣ! Вамъ, сударь, я думаю, самому извѣстно наше обпокновенье, что молодому мужику вдовымъ жить не приходится. У меня есть тоже старуха мать, — кажись, видѣ-

ли ее: начала она мнѣ говорить, разные тамъ, то есть, этакіе наши крестьянскіе резоны представлять, а тутъ и браниться, пожалуй. За глаза меня, сударь, сговорили, да помолвили на дѣвушкѣ изъ макарьевскаго имѣнья; я и не разсмотрѣлъ хорошенько, наканунѣ только свадьбы и въ рожу-то увидалъ невѣсту. По чужимъ рѣчамъ все дѣло-то произошло: наговорили, да натолковали: дѣвушка-де смирная, изъ дому идетъ хорошаго. Ну, думаю, что будетъ, то будетъ, не проживешь цѣлой вѣкъ безъ бабы.

— А съ той стороны, видно, было большое желанье?

— Еще бы имъ не желать: дѣло ихъ было небогатое, а я, не хвастаясь, по тогдашнему времени былъ первый крестьянинъ изъ всего имѣнья. Во всю свадьбу поили меня на убой, чтобы многаго не разсмотрѣлъ. Опомнился отъ ихняго угощенья, какъ домой пріѣхалъ, и только всплеснулъ руками! Женщина дѣйствительно вышла тихая, да для насъ — питерцевъ — не годится! Теперь-то плоха, а первое время и говорить по нашему не умѣла: ты ей толкуешь одно, а она понимаетъ другое. Затаилъ я, сударь, все на сердцѣ и, черезъ недѣлю же, послѣ свадьбы, въ Питеръ махнулъ. Прежде, бывало, изъ дома ѣдешь, станціи двѣ слезами обливаешься, а въ тотъ разъ словно вольнымъ воздухомъ вздохнулъ, какъ изъ деревни вывалился. Пріѣхамши, прямо на дѣла кинулся. Въ годъ съ небольшимъ нажилъ деньги

большія, а о деревнѣ и думушку думать забылъ. Выплатишь оброкъ, вышлешь малую-толику на подушную, разсчитаешь работника—и только. А чтобы, тамъ этакъ, въ домъ къ украшенью что-нибудь, или подарки какіе-нибудь,—и на разумъ не приходило. Матушкѣ такъ еще угождалъ коечѣмъ по времени, а благовѣрной двадцати-копѣечнаго платка не присылывалъ: словно какъ ея совсѣмъ на свѣтѣ не бывало. Этого мало, сударь: описываютъ, что парнишко родился: никакого чувствія не было, словно какъ у чужихъ сдѣлалось. А ка-бы, кажись, первая Машенька родила, такъ сблаговалъ бы отъ радости!..

Клементій опять пріостановился. Воспоминанія эти привели его въ какое-то возбужденное состояніе. Глаза у него горѣли, на лбу выступилъ градомъ потъ, по блѣдному лицу появились красныя пятна.

— Что же дальше? спросилъ я послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, видя, что онъ поуспокоился.

— Дальше-съ, сударь, я прожилъ въ Питерѣ три года, не сходя, и, всю правду вамъ скажу, прожилъ смирно и началъ-было уже въ деревню сбираться. Вдругъ вышелъ мнѣ такой случай: былъ у меня одинъ знакомецъ, и дядей еще какъ-то мнѣ приходится, съ батькиной стороны, тоже, эдакъ, подрядчикъ изъ здѣшнихъ мѣстъ; въ Питерѣ проживаетъ безвыѣздно, вдовый, человѣкъ умный, въ капиталѣ хорошемъ, по дѣламъ

ловкій, только, временемъ, любилъ закачивать. Если ужъ раскутится, такъ ему все ни по чемъ: рублевъ сто, двѣсти серебромъ въ два часа просадитъ. Встрѣтимши меня, разъ поутру, «пойдемъ, говоритъ, Клементій, въ трактиръ, чайку напиться.» — Пошли — и сначала ничего, все шло, какъ слѣдуетъ: напились чаю, прошлись, потомъ, по водочкѣ, по мадеркѣ, въ голову-то и попало маненько. Онъ спросилъ бутылочку судацкаго; я тоже, съ своей стороны, откупорилъ, стало-быть, двѣ, а тутъ прилучилась третья, четвертая... Раскутился мой дядя!...

— Клементій, говоритъ, поѣдемъ со мной къ Аннушкѣ.

— Какая, говорю, дядя, Аннушка?

— Есть ужъ, говоритъ, такая!... только молчи и тебѣ будетъ хорошо...

Ладно... поѣхали... *подвезъ онъ меня* къ большущему дому... извощика *раздѣлали*... «Иди, говоритъ, за мной», и ввелъ на самой верхній этажъ, отворилъ двери, вошли: вижу, комната хорошая, хоть-бы у господъ такая. Вдругъ изъ-за перегородки выскакиваетъ мамзелька въ платьѣ, ловкая такая, собой красивая, и прямо чмокъ дядю въ лобъ. «Ахъ, ты, суконное рыло!» подумалъ я. «Какое ему счастье выходитъ!» Поцаловавшись съ моимъ благопріятелемъ, и мнѣ ножкой шаркнула...

— Чѣмъ прикажете, говоритъ, дорогихъ гостей угощать?

— Шампанскаго! требуетъ дядя, и сейчасъ же выкинулъ на столъ двадцати-пяти-рублевую серебромъ. — Хозяюшка подхватила ее ловко на лету, и сейчасъ же распоряженье сдѣлала, и потомъ закурила сама намъ трубочки. Сидимъ, покуриваемъ. Посидѣмши такъ немного, дядя отозвалъ ее въ сторону и шепнулъ ей что-то... Сейчасъ, говоритъ, и убѣжала.

— Погоди, Клема, говоритъ мнѣ дядя, сейчасъ другая штучка будетъ, на гитаркѣ намъ сыграетъ и споетъ, и только покончилъ онъ эти слова, какъ точно входитъ ужъ не одна, а двѣ, прежняя и другая съ гитаркой; и такъ мнѣ, сударь, эта вторая съ перваго же раза изъ лица понравилась, что, кажись, не хуже моей покойной Машеньки показалась. Принесли шампанское и началось у насъ угощенье. Хозяйка тянетъ съ нами очередную, а гостья все въ отказку, — почесть-что поневолѣ принудили бакальчикъ одинъ принять. Однакоже ничего: пооглядѣвшись немного, и на гитаркѣ заиграла, и пѣсенку запѣла, и такой голосъ показала, что я отродясь не слыхивалъ, даже въ жаръ меня кинуло, въ головѣ-то блажи ужъ много было. Видѣмши, что дядя препровождаетъ время съ хозяйкой, я къ гитарщицѣ подсѣлъ.

— Какъ, говорю, васъ, сударыня, по имени и отчеству звать?

— Палагея, говоритъ, Ивановна. — Ладно-съ, думаю, имя хорошее.

— Что это, господа-купцы, хоть бы вы насъ въ тіатеръ свозили, говоритъ Аннушка.

— Чтожъ такое? въ тіатеръ, такъ въ тіатеръ, говорю я.

— Идетъ, порѣшилъ дядя.

Хозяйка принимаетъ это въ большое удовольствіе, а Палагея Ивановна отказъ дѣлаетъ, — и тетенька какая-то гнѣваться будетъ, и сама не такъ здорова. Мы эти слова ея во вниманье не беремъ, упрашиваемъ, — я пуще всѣхъ. Уламывали ее съ полчаса, на силу согласилась. Поѣхали: мы съ дядей по себѣ, а для нихъ особый извощикъ. Старикъ мой совсѣмъ раскутился: не хочу, говоритъ, на верху, въ тѣснотѣ и жарѣ, сидѣть. Взялъ въ пять цѣлковыхъ ложу. Я до тіатеру, еще въ мальчишкахъ, былъ непомѣрной охотникъ. Эту, напримѣръ, Аскольдову могилу, танцы тамъ разные, или этакіе, гдѣ иностранные принцы въ свѣтлой одеждѣ выходятъ, каждую штуку разъ по семнадцати видалъ; а, въ тотъ разъ, какое представленье шло, и не знаю: всѣмъ своимъ взоромъ пристрастился къ Палагеѣ Ивановнѣ. Она тоже, надо полагать, никакого удовольствія не имѣла: сидитъ этакая печальная, голову опустимши, глаза потупимши...

Сдѣлавъ имъ уваженье на счетъ тіатеру, дядя ладилъ, чтобы опять къ нимъ въ гости ѣхать. Однакоже, эта самая Аннушка сказала на отрѣзъ, что нельзя: время, говоритъ, теперь позднее, а милости просимъ въ другую пору. Дѣлать нечего,

отпустили ихъ, а сами поѣхали къ своимъ мѣстамъ. Но мнѣ цѣлую ночь и сна нѣтъ: все на умѣ Палагея Ивановна. На другой день — тоже, а на третій такъ пришло, что къ дому ея разъ семь подходилъ, а войти не смѣю. Маялся я такъ съ недѣлю. Вдругъ мнѣ приходитъ въ голову такая мысль, словно дьяволъ ее подшепнулъ: жила, на одномъ со мной дворѣ, старушонка, обзывала себя торговкой, а почти что нищая была. Купитъ какихъ-нибудь копѣекъ на двадцать печенки, изжаритъ, съ моего позволенья, въ артельной, да цѣлый день съ этимъ товаромъ и шляется по Питеру. Призываю я ее къ себѣ, угощаю чаемъ, водкой и дѣлаю ей всю откровенность. Видѣлъ, говорю, въ такомъ-то мѣстѣ дѣвушку, оченно она мнѣ понравилась, такъ нельзя ли, говорю, узнать, какъ и что съ ея стороны. Старушонка разомъ смекнула въ чемъ дѣло: тѣмъ же часомъ свилась — собралась и полетѣла. Прождалъ я ее до вечера: нетерпѣнье такое было, что все стоялъ у воротъ, ля выглядывалъ: наконецъ, катитъ... Что? спрашиваю. Да то, говоритъ, была и видѣла, дѣвушка отличная и не такая, какъ вы, можетъ быть, полагаете. Отъ этихъ словъ старухи у меня еще больше сердце разгорѣлось... Выставилъ я ей бутылку мадеры, сталъ ее ублажать всякими словами, — этаго мало: дарю ей пятнадцать рублевъ. Вотъ, говорю, старушка, возьмите на первой разъ, а на предбудущій случай и ничего не пожалѣю, только научите, какъ

лучше сдѣлать. Принямши отъ меня деньги и выпимши всю мадеру, старушонка поразговорилась и дѣлаетъ мнѣ такое признаніе: — я, Клементій Матвѣичъ, желая вамъ услужить и понимаючи, какъ надобно вести себя, прилгала имъ, на всякъ случай, и объяснила такъ, что вы купецъ, человѣкъ вдовый, и желаете пожениться, а иначе тутъ объ васъ и говорить нельзя. Ихнее дѣло скромное, живетъ она при теткѣ, по имени Натальѣ Абросимовнѣ; занимаются онѣ объ золотошвейнымъ мастерствомъ и званіе имѣютъ оберъ-офицерское, — какъ хотите, такъ и поступайте, а я васъ на путь направила, — прозѣваете, себя вините. Взяло меня, сударь мой, раздумье: солгать, вижу надобно много, и, можетъ быть, тѣмъ-бы самымъ все и кончилось; но начала эта самая старушонка шляться ко мнѣ каждый день и все про одно толкуетъ. То ей въ удивленье, что я, бымши молодымъ еще человѣкомъ, проживаю въ такой скукѣ, то, будто бы, съ той стороны принесетъ поклонъ. Больше недѣли не давалъ ей никакого отвѣта. Не вытерпѣлъ, однакоже, и покончилъ тѣмъ, что, призвамши ее разъ вечеромъ, — дѣлай, говорю, какъ знаешь, а мнѣ не жить-небыть — видѣть Палагею Ивановну желается. На такое мое распоряженье отвѣтъ получаю въ тотъ же день, — просятъ-де вечеромъ чаю напиться. Пошли у меня сборы; франтился я часа четыре: одежда у меня всегда была отличная, а тутъ стала не нравиться. Бороду подстригъ, во-

лосы распомадилъ, взялъ перваго съ биржи лихача. Прикатилъ: вхожу, куда было сказано, и только что не ахнулъ, словно въ мурью какую попалъ: помѣщенье такое — хуже курной, деревенской избы. Стоитъ, на трехъ ногахъ, столишка, огарокъ шестериковой свѣчи, самоваришко какой-то: по одну сторону столика сидитъ, какъ я догадался, эта тетинька, женщина изъ лица красная и собой этакая обрюзглая, а на другую сторону—и сама Палагея Ивановна. Сдѣламши имъ, какъ умѣлъ, рекомендацію о себѣ, сажусь. Тетинька, сейчасъ, въ разговоръ вступила, и съ перваго же слова, начала меня вывѣдывать: кто я такой, какую торговлю веду, давно ли вдовъ. Вру я ей, что въ голову придетъ, и, по наученью старухи, такой тонъ держу, что будто бы жениться желаю. Просидѣлъ я у нихъ часа три: Полинька хоть бы слово сказала, такъ что мнѣ стало и досадно. Однако же виду не даю и начинаю прощаться, — и тутъ, какъ-то къ слову и не помню хорошенько, фатеру ихнюю похаялъ. Фатера, говорю, оченно черна; — черна, говоритъ мнѣ на это тетинька, большое бы желанье имѣли куда-нибудь переѣхать. Здоровье Полиньки слабое, а въ этакой сырости еще больше пропадаетъ. Чтожъ такое? говорю я, можно и перемѣнить: въ Питерѣ фатеры есть всякія. Эти мои слова, надо полагать, онѣ на усъ и замотали. На другой день, старушонка моя, чуть свѣтъ, ко мнѣ стучится. Объяснимши, что я тамъ слишкомъ понравился,

вдругъ мнѣ открываетъ, что приказали-де просить, что не могу ли я, на свой счетъ, фатеру для нихъ пріискать, такъ какъ я человѣкъ богатый и для меня это большаго расчета не сдѣлаетъ. Ладно, говорю, мы въ этомъ не постоимъ и, въ тотъ же день, пріискалъ двѣ комнаты, съ кухней, по моему, слишкомъ порядочныя, и сейчасъ же имъ вѣсть даю. Пріѣзжаетъ ко мнѣ сама тетка на извощикѣ, благодарность говоритъ мнѣ большую и проситъ, чтобы я позволилъ ей посмотрѣть. — Свезъ я ее, оглядѣла, — не нравится, и то нехорошо, и то не нарядно, и окна на дворъ. Ахъ, ты, Боже мой! думаю я про себя: сами жили въ мурьѣ — ничего, а тутъ этакое помѣщенье хулятъ. Поѣхали мы съ ней назадъ. Она ужъ прямо говоритъ, что у меня или капиталу нѣтъ, или мнѣ жалко И такъ, сударь, расканфузила она меня этими послѣдними словами — на чемъ свѣтъ стоитъ. Мы — Питерцы — народъ форсистой: лучше чѣмъ-нибудь другимъ-прочимъ обидь, а на счетъ денегъ не затрогивай. У насъ въ карманѣ сотня, а манеру мы держимъ на тысячи. Ну, думаю, душа моя, я себя въ грязь лицомъ не ударю, предоставлю вамъ такую фатеру, что тебѣ въ носъ кинется, ты, можетъ быть, въ этакихъ сроду и не бывала, а ужъ, навѣрнякъ, никогда не живала, даромъ что оберъ-офицерскаго званья. Какъ задумалъ, такъ и сдѣлалъ. Было въ нашемъ домѣ совсѣмъ чорное отдѣленіе, комнатъ въ пять, — прежде была отличнѣйшая фатера на

улицу, да запустили. Сговорился я объ немъ съ хозяиномъ, послалъ своихъ молодцовъ и, въ двѣ недѣли, отдѣлалъ на самую лучшую ногу: паркетъ подклеилъ, отчистилъ, дубовыя двери отшлифовалъ, лучше новыхъ стали; на окна занавѣски шолковыя повѣсилъ, мебель купилъ настоящую орѣховую, обивки первостатейной; денегъ просадилъ много, однако не жалѣю. Спроворимши все это, приглашенье имъ дѣлаю, чтобы пожаловали на новую фатеру чаю откушать. Пріѣзжаютъ, смотрятъ и только посмѣиваются отъ радости. Проводимъ мы вечеръ въ большомъ удовольствіи, угощенье я имъ даю отличное: чай, сладкія закуски разныя, ужинъ идетъ изъ лучшей рестораціи. Мадера, портвейнъ, красненькое, чего угодно, все есть. Тетинька выпила сильно, такъ что едва на стулѣ сидитъ; Палагея Ивановна отпила стаканчика два легонькаго винца и начала со мной поговаривать, — и даже по моей просьбѣ послала къ себѣ извощика за гитарой, сыграла и спѣла мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, пѣсенъ двадцать. Слушаю я ее, разиня ротъ, точно соловья какого, и то очень еще мнѣ нравится въ ней, что держитъ себя она благородно. Шутки мои, напримѣръ, принимаетъ отъ меня, а сама ничего не говоритъ, и только тупится. Послѣ этаго нашего вечера, онѣ на другой день переѣзжать: имущество свое свезли въ одинъ разъ на ломовомъ извощикѣ, да сами пріѣхали на подресоркахъ, и все тутъ. Начинаемъ потомъ жить, я ихъ посѣщаю, какъ слѣдуетъ. Со-

держанье — чай, сахаръ, обѣдъ изъ трактира — все идетъ отъ меня. Старушонка-торговка все продолжаетъ мной руководствовать и такое мнѣ понятіе даетъ, что онѣ желаютъ мной одолжиться временно, и что въ скорости сами получатъ большія деньги, и что, если я ее — старуху, отведу отъ нашего дѣла, такъ все сразу кончится. Даже, по сей день, сударь, я самому себѣ удивляюсь: кажись, этакими пустыми словами, какъ разсуждать со стороны, тамъ малаго ребенка провести нельзя, а тутъ всему вѣру давалъ. У господъ справедливая поговорка есть, что любовь слѣпа: коли она овладѣла человѣкомъ, такъ онъ ничего не видитъ и не понимаетъ, какъ слѣдуетъ, а, можетъ быть и то,—вы, конечно, этому не повѣрите, — а можетъ быть, онѣ и привороту какого-нибудь мнѣ дали, — прахъ ихъ знаетъ. Денегъ у меня въ ту пору было много: тысячи двѣ серебромъ въ карманѣ, да въ получкѣ слишкомъ тысяча,—кутиваляй, — словно имъ и конца не будетъ. Хожу я къ нимъ, моимъ сосѣдкамъ, два раза въ день и безъ подарковъ не являюсь: то матеріи принесешь на платье, то платочикъ, то мантильку цѣлковыхъ двадцать, а вечеркомъ мадеркой, да ромкомъ забавляешься. Палагея Ивановна тоже привыкаетъ потягивать: первую начнетъ, какъ будто бы по неволѣ, вторую тоже робко, и сейчасъ же возьметъ гитару и запоетъ. Чудное дѣло, сударь: по сю пору всѣ ея пѣсни у меня въ памяти. Ничѣмъ бы, кажись, другимъ она столько не понра-

вилась, какъ своимъ пѣньемъ! Словно за сердце хватала, какъ она пѣла, — и сама въ такое чувство приходила, что я и не привидывалъ. Ни на кого изъ насъ не смотритъ, а слезы такъ градомъ и сыплютъ. Какъ напоется досыта, — вдругъ сама безъ всякаго приглашенья полный стаканъ выпьетъ; но особеннѣе всего мнѣ то было удивительно, что какъ она этакъ выпьетъ, сейчасъ же у ней на тетку злость нападаетъ. Та, самъ вижу, угождаетъ ей сильно, а она все фыркаетъ. Проводя такимъ манеромъ все мое время, о дѣлахъ не думаю, къ хмѣльному получилъ пристрастіе большое. Встанешь по утру, и вмѣсто того, чтобы, какъ прежде бывало, чаю напиться, — не могу, маторитъ: съ самимъ собой тоска, раздумье о томъ, о другомъ; — но все еще ничего, живемъ, и вдругъ мнѣ, сударь, черезъ ту же прежнюю старушонку передаютъ, что Палагеѣ Ивановнѣ экипажъ свой завести желается. Надобно сказать, что желанье это у меня у самого было и прежде того; но когда мнѣ это еще подсказали, — охота припала сильнѣе прежняго. Мы хоть и не купцы, а на счетъ выѣзду, не только въ Питерѣ, а даже по здѣшнимъ мѣстамъ, большіе щоголи. Пріобрѣлъ я сѣраго рысака, заплатилъ за него триста на серебро, и то по случаю; санки — тоже въ полтараста, сбруя накладнаго серебра. Сядемъ мы съ Палагеей Ивановной, медвѣжьей полостью перекинемся. Салопъ на ней безподобный, шляпка отъ французинки; я тоже въ дорогой лисицѣ, и

дѣлаемъ мы, сударь, такимъ манеромъ прогулку, что твои купцы первой гильдіи, а между тѣмъ въ карманѣ — становится больно тонко. Выпалъ было для меня сручной въ казнѣ подрядъ, надобно было взять безпремѣнно, а въ залогъ представить нечего. Толкнулся было къ другимъ, третьимъ подрядчикамъ, на счетъ обезпеченія, — но тѣ, видючи, какъ я шибко началъ жить, попріостереглись — не дали. Стало меня за виски забирать: самъ понимаю, что дѣлаю глупо, и пересилилъ бы, кажись, себя на тѣхъ-же порахъ, ка-бы на свѣтѣ этаго окаяннаго вина не было. Вотъ въ эдакихъ-то случаяхъ, какъ мой, оно подлѣйшая штука для нашего брата — мужика, по тѣмъ причинамъ, что больно дѣлаетъ человѣка беззаботнымъ; пьешь больше для куражу, а какъ проспишься, такъ хуже прежняго. Рожу у меня раздуло, руки начали трястись, хорошихъ людей стало мнѣ совѣстно, о деревнѣ подумать страшно, — а прежняго все не оставляю. Съ Палагеей Ивановной тоже не хорошее творится: худѣетъ и кашляетъ, день ото дня больше, пищи никакой не имѣетъ, а безъ мадеры уже и жить не можетъ. Кутимъ мы такимъ манеромъ ровно годъ. Артель свою я нарушилъ, изъ капитала осталась самая малость. Подарковъ дѣлать не на что; пріемъ, замѣчаю, начинаютъ мнѣ дѣлать другой, — ко всему этому: началъ къ нимъ ходить какой-то, будто бы, двоюродный братецъ, чиновникъ. Мнѣ это не понравилось: сталъ я спрашивать, какъ и

что такое за гость? Сначала отшучивались, а тутъ въ серьезное говорятъ: не попрекайте, говорятъ, насъ этимъ человѣкомъ, онъ у насъ изъ всей нашей родни остался одинъ, и теперь хлопочетъ по нашимъ дѣламъ. — Этими словами, однако, онѣ меня не успокоили, стала меня ревность мучить: молчу покуда, а на сердцѣ досада непомѣрная, и выжидаю только случая; наконецъ выходитъ между нами такое дѣло. Встаю я разъ утромъ, вдругъ подаютъ мнѣ записку оттедова. Пишетъ тетка, что такъ и такъ, имъ, по ихнимъ дѣламъ, нужно триста цѣлковыхъ, и проситъ, чтобы не отказалъ въ ихней нуждѣ, а что послѣ онѣ заплатятъ. И какая, батюшка, бываетъ съ человѣкомъ глупость! Сколько я ни былъ досаденъ на нихъ, все понимаючи очень хорошо, и бымши самъ въ самыхъ разстроенныхъ обстоятельствахъ, вдругъ мнѣ стыдно сдѣлалось, что денегъ не имѣю. Думаю, хоть умру, да добуду, по крайней мѣрѣ послѣ покуражусь, сколько душѣ угодно. Сказамши посланной, что къ вечеру доставлю, пошелъ по всѣмъ своимъ прежнимъ пріятелямъ занимать; завѣряю ихъ, что будто бы на дѣло хорошее беру, и что завтра же по долгамъ долженъ получить двѣ тысячи, но всѣми этими словами тѣшилъ только самъ себя: всѣ мы, подрядчики, другъ друга знаемъ по пальцамъ. Прошлялся я цѣлое утро, довѣрія никто не сдѣлалъ. Задумалъ я тогда другу увертку: пришло мнѣ въ голову въ картахъ счастья попробовать. — Есть тамъ, въ желѣзномъ ряду

купецъ — картежникъ записной, мнѣ немного человѣкъ знакомый. Захожу я, будто бы, случайно къ нему въ лавку, слово за слово, и наконецъ прямо говорю: не льзя ли, говорю, у васъ вечеркомъ въ карты поиграть. Дѣловъ моихъ, надо полагать, онъ не зналъ хорошо, потому что тотчасъ же дѣлаетъ приглашенье. Размѣнялъ свои пятьдесятъ цѣлковенькихъ, что были въ карманѣ, на мелкія, и отправился. Между нами, мужиками и купечествомъ, по простѣе, идетъ игра подъ названіемъ: *въ горку*; игра, такъ сказать нехитрая, но презадорливая: главная въ ней пружина выжидать хорошей карты: она тебѣ однимъ кономъ воротитъ всѣ убытки. Прежде, когда я былъ при деньгахъ, всегда такъ и дѣлалъ и всегда почти былъ въ барышахъ, но по теперешнимъ обстоятельствамъ вышло не то. Сдали карты, взялъ я ихъ въ руки, руки дрожатъ. Пришла ко мнѣ какая-то шушера. Подрушной товарищъ пошелъ цѣлковымъ, я помирилъ этотъ цѣлковый, да два подъ другаго товарища, тотъ тоже, и выставилъ ужъ пять, такъ у насъ и пошла круговая. Накидали мы въ конъ цѣлковыхъ до пятидесяти, я не отступаюсь, все хочется на пустую сбить, — не тутъ-то было! Проставилъ я цѣлковыхъ двадцать, а взялъ подрушной, потому что имѣлъ на рукахъ сильный хлюстъ. Идетъ у насъ игра потомъ дальше. Мнѣ счастья нѣтъ: выпиваю я съ досады графина два водки, — и хмѣль не беретъ.—Просидѣвши всѣ свои пятьдесятъ цѣлковенькихъ,

сталъ я хозяина упрашивать еще играть на рысака съ упряжкой. Поставьте, говорю, во что хотите, только игры не останавливайте. Убѣдилъ я ихъ, начали: — опять мнѣ же досталось по бокамъ. Покончивши лошадку со всѣми экипажами, за одежу принялся, и къ утру остался въ одной только поддевкѣ, такъ что хозяина жалость взяла. Платья не хотѣлъ и брать; послѣ, говоритъ, какъ-нибудь сосчитаемся, но я не согласился. предоставилъ имъ все до-чиста. Прихожу домой, почти что такъ, полуумный: первый человѣкъ встрѣчаетъ меня прежняя старушонка съ новой запиской. Пишетъ мнѣ эта тетка разные выговоры, или просто, такъ сказать, называетъ прямо подлецомъ, и что, если-де я такъ желаю себя вести, такъ она и принимать меня не станетъ, и что Палагея Ивановна отъ горести даже больна очень сдѣлалась. Злости и тоски было у меня и безъ того много на сердцѣ. Выгналъ я эту старушонку въ шею отъ себя, и самъ пошелъ къ нимъ. Встрѣчаетъ меня тетка, и говорю я ей, какъ понимать вашу записку?

— А такъ и понимайте... Вы теперь, какъ мы это видимъ и слышимъ, идете въ разоренье, на всѣхъ словахъ вашихъ насъ обманули: сказали вы намъ, что вы купецъ, человѣкъ вдовой, а въ самомъ дѣлѣ вы не что иное, какъ сѣрой мужикъ и человѣкъ женатой, — и потому извините: знакомство ваше намъ зазорно.

Такъ мнѣ сдѣлалось отъ этихъ ея словъ горько и стыдно, что чуть я не всплакалъ.

— Ну, говорю, Наталья Абросимовна, не вамъ бы мнѣ это поученье дѣлать!... Конечно, много я виноватъ передъ Богомъ, передъ моимъ господиномъ и передъ семействомъ, но не передъ Палагеей Ивановной. Про васъ я молчу, вы тутъ дѣло стороннее, —Богъ знаетъ, какъ и вмѣшались тутъ; а если вы попускаете, что я васъ нѣкоторыми моими словами обманулъ, такъ ужъ это — извините — вы говорите пустыя слова. Вы живете на одномъ со мной дворѣ: здѣсь вамъ малый мальчишка скажетъ, кто я и что я такое; но вы, до сего дня, слова со мной объ этомъ не говорили, а если я теперь въ такое разстройство пришелъ, такъ только единственно для вашего удовольствія. Капиталъ у меня былъ прежде настоящій, какъ слѣдуетъ подрядчику. Въ эти полтора года, я рюмки вина не выпилъ, куска хлѣба безъ васъ не съѣлъ, на себя сапоговъ новыхъ не сдѣлалъ, — такъ гдѣ-же мои деньги, какъ не въ вашихъ сундукахъ?... Поступать вамъ со мной такъ стыдно!... По несчастному моему положенію, поддержать бы меня слѣдовало, а не то что, какъ паршивую собаку, отгонять отъ себя!...

— Сдѣлайте милость, у насъ ничего вашего нѣтъ, отвѣчаетъ она мнѣ.

— Какъ, говорю, сударыня, нѣтъ?... Да эта самая фатера — и та моя.

— Про фатеру, говоритъ, не безпокойтесь, — мы завтра-же очистимъ ее.

— Нѣтъ-съ, говорю, позвольте, я васъ не спущу. Надобно еще прежде маленькой разсчетецъ сдѣлать, — и не съ вами: васъ я и знать не хочу, хоть вы и ставите себя очень высоко, а собственно — съ Палагеей Ивановной.

— Палагея Ивановна, говоритъ, никакого съ вами разсчета дѣлать не будетъ, а стращать вы насъ не можете, мы васъ не боимся. Нашъ чиновникъ — родственникъ хорошо знакомъ съ частнымъ приставомъ. Если вы станете много грубіянить, такъ васъ за насъ въ острогъ посадятъ.

— Въ острогъ меня посадить не за что. Вашъ чиновникъ и частный приставъ, можетъ быть, люди и хорошіе и сильные, но и я тоже въ обиду не дамся: найду начальство и выше, представлю дѣло, какъ оно есть, — они насъ разсудятъ лучше.

Послѣ этихъ моихъ словъ, начала тетка, безъ всякаго зазрѣнья, браниться, — я тоже не уступаю... Чѣмъ бы между нами кончилось — не вѣдаю... Только вдругъ выходитъ сама Палагея Ивановна, худая этакая, слабая.

— Какой, говоритъ она мнѣ, угодно вамъ со мной счетъ имѣть?

— А такой, говорю, что тетинька обнесла меня на письмѣ и словами, но для меня все это самое ничего не значитъ, и я хочу только знать, какъ вы меня понимаете?

— Я, говоритъ, тоже вамъ скажу, чтобы вы оставили меня въ покоѣ. Я, говоритъ, и напредь сего все дѣлала черезъ силу, а теперь имѣю другаго жениха и пойду за него замужъ.

— Это, говорю, сударыня, дѣло доброе, но чѣмъ же я-то виноватъ? за что мнѣ-то пришлось для васъ приданое давать?

— Не корите меня вашимъ добромъ, сказала она мнѣ на это, — я ничего вашего за собой не оставлю, — и тотчасъ же подскочила къ шкафу, отмахнула его и начала выкидывать всѣ платья. Какъ тетка ни отговаривала, — не слушаетъ, изъ лица поблѣднѣла, губы дрожатъ, на глазахъ слезы, началъ кашель ее бить, и вдругъ, сударь, — я этакого страха и не ожидалъ, — вдругъ кровь горломъ пошла. Стало мнѣ ее жаль непомѣрно, забылъ я всю свою досаду!...

— Не горячитесь, говорю, Палагея Ивановна, ничего я изъ этого не возьму, по пословицѣ: дарятъ, такъ не корятъ... Сказалъ я вамъ не по злобѣ, а отъ своего собственнаго горя. Прощайте, говорю, не поминайте меня лихомъ, а добромъ, можетъ быть, и не за что.

— Ну, Клементій Матвѣичъ, отвѣчаетъ она мнѣ, Богъ насъ разсудитъ: кто изъ насъ противъ кого виноватѣе: вы много на меня денегъ потратили, а я изъ-за васъ здоровье потеряла.

Тѣмъ наше свиданье и кончилось. Какъ пришелъ я въ свою фатеру, ничего не помню, и тутъ же слегъ, — сразу весь пожелтѣлъ, точно шафра-

номъ всего выкрасили. Стащили меня въ больницу, провалялся я тамъ два мѣсяца, и когда на третій выписался: ни крова, ни пищи, ни денегъ, ничего нѣтъ. Иду я къ дядѣ, съ котораго вся и исторія началась. Принялъ онъ меня, дай ему Богъ здоровья, не взираючи на все мое убожество, ласково. Разсказалъ я ему всѣ мои похожденья. — Ничего, говоритъ, Клементій: со мной въ молодыхъ годахъ бывало то же самое, два раза изъ Питера въ одной рубахѣ сходилъ. Совѣтъ мой тебѣ такой: иди ты теперь въ деревню, тамъ ты поочувствуешься. — Нѣтъ, говорю, дядя, ни за какія тысячи не пойду въ деревню въ этакомъ безобразіи: помоги ты мнѣ здѣсь, дай ты мнѣ здѣсь пооправиться. — Какъ меня старикъ ни отклонялъ, я стою въ одномъ; онъ видитъ, дѣлать нечего: принялъ меня къ себѣ, жалованья положилъ пятьнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, только никуда не отпускалъ и съ артелью работать заставилъ. Проку выходитъ мало: руки на дѣло не поднимаются почесть, половина работниковъ къ нему отъ меня отошло, прежде подъ началомъ были, а тутъ стали подтрунивать; я же былъ всегда большой гордецъ. Для меня это показалось пуще востраго ножа. Сказамши, что, будто бы, думаю въ деревню сойти, отошелъ: жалованье, какое пришлось, пропилъ и поступилъ къ мяснику говядину таскать на лоткѣ. Дѣло не привычное: первый день проторговалъ цѣлой рубль, на другой день поостерегся, такъ

ничего не продалъ, — и затѣмъ, сударь, начались мои разныя похожденья: былъ я дворникомъ, былъ водовозомъ. Отрада была только въ томъ, что какъ появится въ карманѣ хоть гривенникъ, сейчасъ его въ кабакъ. Дня по два совсѣмъ не ѣмши былъ, одежа — словно рубище, сапоги—только одно званіе... Стыдно признаться, а грѣхъ потаить: бывали такіе случаи, что, Христа ради, просилъ.

— А Палагеи Ивановны ты больше ужъ не видалъ?

— Встрѣтилъ разъ: — ѣдетъ съ какимъ-то хватомъ, еще худѣе стала, точно мертвая сидитъ; не на счастье мы, видно, другъ съ другомъ сходилися.

— Ну, а здѣсь какъ? Будто ужъ здѣсь и смирно живешь? Мнѣ кажется, что у васъ съ Марьей — десятскимъ-то, кое-что идетъ, замѣтилъ я.

Клементій улыбнулся и слегка покраснѣлъ.

— Бы ужъ много видите, чего бы и не надобно, — только нѣтъ, сударь, напраслину взводите, будетъ, что и на словахъ пошучу. Прежняя дурь изъ головы выскочила: сердце болитъ каждую минуту, видючи себя въ такомъ положеніи, послѣ того, чѣмъ я былъ прежде.

— Какъ же ты въ деревню попалъ?

— Почти что насильно. Пачпортъ у меня вышелъ, изъ деревни не шлютъ; я было къ одному господину, которому отъ нашего помѣщика приказанье было, — такъ и такъ, говорю, нельзя

ли мнѣ выдать билетъ. — А вотъ, говоритъ, погоди, я тебѣ выдамъ, — я ужъ давно до тебя, голубчика, добираюсь. — Задержалъ онъ меня у себя на фатерѣ, пріискалъ попутчика изъ здѣшнихъ мѣстъ, человѣка этакого аккуратнаго, крутого, сдалъ ему меня подъ росписку, — тотъ и свезъ, только что не на привязи. До сихъ поръ, батюшка, я этого господина — поминаю добромъ. Не распорядись онъ со мной такимъ дѣломъ, можетъ быть, погибъ бы совсѣмъ. Предоставилъ меня мой извощикъ прямо въ нашу усадьбу. — И стыдно-то, и страшно. Чуть не умеръ въ это утро, ожидаючи, когда въ горницу позовутъ, — наконецъ, требуетъ: посмотрѣлъ на меня баринъ: въ первое время ничего не говоритъ; я весь дрожу, слезы у меня въ три ручья такъ и текутъ по щекамъ. И, вотъ, сударь, какая доброта нашего господина: — онъ вмѣстѣ со мной прослезился, и, забымши то самое, какъ я себя велъ, не поминаючи того, что я, за цѣлой годъ, ни подушной, ни оброку не выслалъ, только мнѣ и сказалъ: — ну, говоритъ, Клементій, много мнѣ объ тебѣ дурнаго говорили, но я не вѣрилъ, а теперь вижу, что правда. Наказывать мнѣ тебя стыдно, хоть ты и стоишь этого, — и скажу я тебѣ только одно, что чужой стороны тебѣ въ глаза не видать. Коли не умѣлъ тамъ обстоятельно жить, такъ ходи за косулей, и справляй задѣлье. — Такъ-то теперь я здѣсь и живу. Въ Питеръ хочется, а попроситься не смѣю; а еслибы, кажись, попалъ

туда, и хоть бы какая маленькая линія вышла, такъ бы въ полгода роздышался лучше прежняго.

Я задумался и Клементій утомился. Мы разстались. Я узналъ исторію всей его жизни, и невольно цѣлую ночь продумалъ объ немъ. По преимуществу, меня поразило богатство и разнообразіе его натуры. Онъ не мужикъ-кулакъ, который всѣ свои стремленія ограничиваетъ тѣмъ, чтобъ чистыми и нечистыми средствами наколачивать копѣйку, — нѣтъ: при всей своей практической оборотливости, ему доступны нѣжныя ощущенія, — любовь къ первой его женѣ, истинная горесть послѣ ея смерти и наконецъ религіозное движеніе найти успокоеніе въ томъ, въ комъ находятъ его всѣ страждущіе. И даже въ самыхъ его увлеченіяхъ было что-то широкое, размашистое, и сколько въ то же время въ этомъ мудромъ опознаніи своихъ проступковъ высказалось у него здраваго смысла, который не далъ ему пасть окончательно и который, вѣроятно, поддержитъ его и на дальнѣйшее время!

III.

Такъ и случилось. Клементій, говоря, что только бы попасть на чужую сторону и хоть бы маленькая линія вышла, — все бы поправилъ, —

не хвасталъ. Не болѣе, какъ черезъ три года, я встрѣтилъ его въ Петербургѣ въ одномъ трактирѣ. Онъ сидѣлъ въ волчьей шубѣ, съ золотымъ перстнемъ на пальцѣ, въ ботфорто-подобныхъ сапогахъ, съ двумя другими, тоже, надо полагать, подрядчиками, и что-то имъ толковалъ: они его слушали съ большимъ вниманіемъ, хотя и были гораздо старше его. — Я подошелъ къ нимъ. Клементій меня узналъ и просилъ напиться съ нимъ чаю. Я сѣлъ. Онъ держалъ себя далеко гордѣе прежняго, говорилъ меньше, какъ-то истово и совершенно ужь купеческимъ тономъ. Потомъ, онъ звалъ меня убѣдительно зайти къ нему на квартиру, — и я былъ. Жилъ онъ со всѣми признаками довольства, хотя и не совсѣмъ опрятно. Для меня онъ приготовилъ ту, невѣдомо по чьему вкусу составленную, закуску, на которую, вѣроятно, попадалъ и читатель въ купеческихъ домахъ, то есть въ одно время было поставлено на столъ: водка, вино, икра, пряники, какія-то маленькія конфетки, огурцы, жареный въ постномъ маслѣ лещь, колбаса, орѣхи, — и всего этого я, по неотступной просьбѣ хозяина, долженъ былъ отвѣдать. О себѣ Клементій мнѣ разсказалъ, что, года два тому назадъ, баринъ отпустилъ его въ Питеръ опять, и что, мало того, взялъ подъ свой залогъ его подрядъ и сдалъ ему, и что онъ съ этого, по милости Божіей, и пошелъ опять въ гору, и теперь имѣетъ тысячъ до десяти чистаго капитала; что блажи теперь у него

никакой нѣтъ, въ деревню сходитъ каждую зиму, хмѣльнаго ничего въ ротъ не беретъ, потому что отъ хмѣльнаго мужику все нехорошее и въ голову приходитъ. Парнишку отдалъ въ ученье къ одному пріятелю, по тому же малярному мастерству, по тѣмъ причинамъ, что если учить его при своей артели и на своихъ глазахъ, такъ либо перебалуешь, либо заколотишь... и тому подобное.

Порадовавшись успѣху питерщика, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лицѣ его порадовался и за Русскаго человѣка.

1852 г.
Сентября 30.

II.

ЛѢШІЙ.

(РАЗСКАЗЪ ИСПРАВНИКА.)

I.

Я былъ командированъ для производства одного уголовнаго изслѣдованія въ Кокинскій * уѣздъ, вмѣстѣ съ тамошнимъ исправникомъ, котораго лично не зналъ, но слышалъ о немъ много хорошаго: всѣ почти говорили, что онъ очень добрый человѣкъ и ловкій, распорядительный исправникъ, сверхъ того большой говорунъ и великій мастеръ представлять, какъ мужики и бабы го-

---

* Имя вымышленное.

ворятъ. Я очень интересовался съ нимъ познакомиться и, получивъ общее съ нимъ порученіе, хотѣлъ самъ за нимъ ѣхать въ Кокинъ, но онъ меня предупредилъ и дожидался уже въ усадьбѣ Марковѣ, которая стоитъ на самомъ поворотѣ съ кокинскаго торговаго тракта на проселокъ, ведущій къ мѣсту нашего назначенія.

Только что я вышелъ изъ повозки, онъ подошелъ ко мнѣ и проговорилъ оффиціальнымъ голосомъ:

— Честь имѣю представиться: кокинскій земскій исправникъ.

Онъ былъ уже человѣкъ пожилой, но еще бодрый, свѣжій и вообще имѣлъ наружность пріятную и умную. За его служебную вѣжливость, на которую, впрочемъ, давали мнѣ нѣкоторое право наши служебныя отношенія, я поспѣшилъ отвѣтить ему тѣмъ же и взаимно представился, чѣмъ онъ остался съ своей стороны, кажется, весьма доволенъ. Я спросилъ его, когда мы выѣзжаемъ.

— Я думаю, сейчасъ же: зачѣмъ золотое время терять! отвѣчалъ онъ и тутъ же распорядился, мнѣ объ обывательскихъ, а себѣ велѣлъ закладывать свой тарантасъ.

Въ ожиданіи лошадей, мы сѣли съ нимъ на привалокъ около избы.

— Давно вы служите? началъ я.

— Давненько-съ: по вниманію дворянства, выбираюсь три трехлѣтія и второе шестилѣтіе.

— Хлопотлива ваша служба?

— Не безъ того-съ... привычка: сначала, когда поступилъ, такъ очень было дико; только что вышелъ изъ военной службы, никого, ничего не знаю; первое время надъ бумагами покорпѣлъ, а тутъ, какъ поогляделся, такъ понялъ, что, сидя въ судѣ, многаго не сдѣлаешь, и маршъ въ уѣздъ, да съ тѣхъ поръ все и ѣзжу. Не люблю чужими руками дѣло дѣлать, — по пословицѣ: свой глазокъ — смотрокъ; вѣрнѣе какъ-то.

— А судъ какъ же?

— Въ судѣ у меня хорошо-съ. На всякое дѣло, доложу вамъ, надобно знать снаровку... Я завелъ такую манеру: недѣли двѣ, напримѣръ, ѣзжу по уѣзду, самъ работаю, становыхъ понукаю, а тутъ и въ городъ, да и въ судъ; дня въ три, въ четыре обревизую все. Хорошо, такъ и спасибо, а нѣтъ, такъ и распеканье: товарищамъ замѣчу, а приказную братью эту запру въ судѣ, да и не выпускаю до тѣхъ поръ, пока не приведутъ всего въ порядокъ. И поняли, что оттягивать нечего: рано ли, поздно ли, сдѣлать придется. Главное, объясню вамъ, чтобы самъ начальникъ не зѣвалъ, а подчиненныхъ заставить дѣлать можно-съ!

Между тѣмъ около насъ собралась толпа мальчишекъ. Маленькій, худощавый, со всклокоченными волосами горбунъ притащилъ съ ведро величины дехтярницу и силился на жерди поднять задокъ моей брички.

— Перестань, косолапый, достатки хребетъ сломаешь! крикнулъ исправникъ.

— Ничево, кормилецъ: можо и смогу, отвѣчалъ тотъ.

— Перестань: надорвешься! крикнулъ опять исправникъ.—Матвѣй! смажь бричку. Гдѣ этому хрычу возиться тутъ! сказалъ онъ хлопотавшему около тарантаса своему кучеру, парню лѣтъ двадцати-пяти, съ намасленною головою, въ красной рубашкѣ, въ плисовыхъ штанахъ и съ мѣдною сережкою въ ухѣ.

Матвѣй подошелъ.

— Что̀, дядя, видно, это не кузовья таскать? а на спинѣ, кажись, и подкладка есть... Не замай, пусти, сказалъ онъ и молодцовато поднялъ задокъ брички, подставилъ дугу подъ жердь, однимъ взмахомъ руки сдернулъ колесо и началъ мазать.

— Здоровъ, паря, проговорилъ горбунъ, глядя съ удовольствіемъ на кучера.

— Эй ты, горбатка, тройка, что̀ ли, у тебя завелась, извозничать, что̀ ли, началъ? спросилъ его исправникъ.

— Нету-тка, сударь. Какая тройка! всего двѣ: одна-то кобылка, а другой меринокъ — почесть-что жеребенокъ: всего весною три годка минуло.

— А третья чья же?

— Третья отъ дяди Захара пойдетъ.

— По охотѣ, что̀ ли, везете?

— Какое, родимый, по охотѣ: время рабочее, самъ знаешь... какое по охотѣ!.. отъ Егора Пар-

меныча приказъ былъ, меня и Захара нарядилъ... какое ужь по охотѣ!

— А Егоръ Парменовъ дома?

— Дома-тка, надо быть: дома утрось былъ.

— Для чего же барскими лошадьми не справляютъ подводъ: баринъ это разрѣшилъ, я вамъ толковалъ.

— Ты-то, кормилецъ, толковалъ, да гдѣ! все мы справляемъ.

Исправникъ нахмурился.

— Вы не повѣрите, сколько у меня битвы съ этими управителями. Только и ладятъ себѣ въ карманъ; а чтобы барину угодить, такъ ѣдетъ на мужикѣ, отнесся онъ ко мнѣ и потомъ крикнулъ: — Ѳедька!

Одинъ изъ мальчиковъ, повыше и поумнѣе на лицо, подошелъ.

— Поди, позови ко мнѣ управителя. Знаешь, гдѣ онъ?

— Знаю, отвѣчалъ мальчикъ.

— А гдѣ?

— Во хлигелѣ, — чай, поди, во хлигелѣ пьетъ.

— Ну, такъ ступай и позови его сюда... валяй! Мальчишка побѣжалъ въ-прискочку; за нимъ побѣжали двое и еще двое; осталась только лѣтъ трехъ дѣвчонка, которая заревѣла во все горло, приговаривая: «нянька ушелъ, нянька ушелъ.»

— А кто здѣсь управитель? спросилъ я.

— Здѣсь управитель персона важная-съ, отвѣчалъ исправникъ: — бывшій камердинеръ госпо-

дина и вступившій въ законный бракъ съ мамзелью, исправлявшей нѣкоторое время при баринѣ должность мадамы, а потомъ прибылъ сюда отращивать себѣ брюхо и набивать карманъ; не знаю, чѣмъ кончится, а я его поймалъ на одну штуку — кажется, что сломлю ему голову. Не могу, сударь, видѣть этого лакейства, особенно когда они въ управители попадутъ.

— Стало-быть, вы думаете, что бурмистры изъ мужиковъ лучше? замѣтилъ я.

— Не въ-примѣръ лучше-съ, отвѣчалъ исправникъ: — я, скажу вамъ, наблюдалъ надъ этимъ много. Конечно, и изъ нихъ есть плуты, особенно который ужь много силы заберетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы возьмите, сколько у него противъ лакея преимуществъ: хозяйственную часть онъ знаетъ во сто разъ основательнѣе, и какъ самъ мужикъ, такъ мужицкую нужду испыталъ, слѣдовательно больше посовѣстится обидѣть какого нибудь бѣдняка; потомъ-съ: уваженья въ немъ больше, потому что никогда не былъ къ барину такъ приближенъ, какъ какой-нибудь лакей, который господина, можетъ быть, до послѣдней косточки вызналъ,—и, наконецъ, главное: нравственность! Я вамъ прямо скажу: всѣ эти господа камердинеры, дворецкіе, они съ малыхъ лѣтъ живутъ на свободѣ, въ городѣ, а городъ—баловникъ для людей; въ деревнѣ чего бы и въ голову не пришло, а тутъ какъ разъ научатъ. Онъ и трубку куритъ, и въ карты играть охотникъ,

и шампанское пить умѣетъ, и выходитъ поэтому, что толку-то на дѣлѣ нѣтъ, а только форсъ держатъ, да еще какой, посмотрѣли бы вы! Ни одинъ господинъ не рѣшится надъ мужикомъ такъ важничать, какъ ломаются эти молодцы. Я многимъ изъ нихъ посшибалъ головы. Ныньче вообще, доложу вамъ, для плутовъ времена тяжелыя пришли.

— Какимъ же образомъ вы принимаете участіе въ ихъ управленіи?

— Почти по обязанностямъ моей службы-съ. Первое, что я, какъ бывало, прежніе исправники, не сближаюсь съ этими господами, а вхожу прямо въ переписку съ барами и такой своей манерой добился теперь до того, что на всѣ почти имѣнія имѣю довѣренныя письма: шалить-то имъ и не даю; да и для меня это удобно: если я теперь какія нибудь распоряженія дѣлаю, мнѣ никто изъ нихъ не ткнетъ въ зубы: «барину напишу», — врешь! я первый напишу.

— Вамъ, я думаю, и всѣ помѣщики благодарны?

— Не всѣ-съ. Впрочемъ, многія важныя особы, когда сюда пріѣзжаютъ, со мной знакомятся, ласкаютъ меня, благодарятъ... Я даже, милостивый государь, имѣю нѣсколько собственноручныхъ писемъ отъ князя Дмитрія Владимірыча, бывшаго московскаго генералъ-губернатора, удостоился потомъ чести быть лично съ ними знакомымъ и пользовался ихъ покровительствомъ.

Чего жь мнѣ больше? Я бьюсь не изъ за денегъ, хоть и имѣю девять человѣкъ сыновей; но, благодаря Бога и по милости этого моего хорошаго знакомства, всѣ ужь они пристроены, всѣ на своихъ мѣстахъ, и не только-что отъ меня ничего не требуютъ, но еще мнѣ же помогаютъ. Если вамъ откровенно сказать, такъ я и служу больше по привычкѣ; силы еще есть, начальству, вижу, пріятна моя служба, потому что, кто ни будетъ на моемъ мѣстѣ, другой, неопытный, такъ не вдругъ еще привыкнетъ; на первыхъ порахъ, какъ онъ ни бейся, а того не сдѣлаетъ, что̀ я... Привычка-съ!.. Вонъ катитъ, полюбуйтесь: какой гогъ-магогъ, заключилъ исправникъ, указывая глазами на идущаго управителя, который съ перваго же взгляда давалъ въ себѣ узнать растолстѣвшаго лакея: лицо сальное, охваченное бакенбардами, глаза маленькіе, черные и безпрестанно бѣгающіе, надъ которыми шли густыя брови, сросшіяся на переносьи. Одѣтъ онъ былъ очень презентабельно и, какъ требовало время года, совершенно по лѣтнему: въ сѣромъ казинетовомъ пальто, въ пике жилетѣ, при часахъ на золотой цѣпочкѣ, съ золотымъ перстнемъ на грязной рукѣ и въ соломенной шляпѣ, которую онъ, подойдя къ намъ, приподнялъ, и расшаркался.

— Приказаніе получилъ явиться къ вамъ! отнесся онъ къ исправнику.

— Здравствуйте, батюшка Егоръ Парменычъ!

повидаться съ вами захотѣлось; сами вы ужь заспѣсивѣлись и глазъ не кажете, отвѣчалъ исправникъ.

Управитель переступилъ съ ноги на ногу.

— Сбирался еще до присыла вашего, да такъ полагалъ, знавъ усердіе ваше, что дѣлами изволите заниматься, а очень было бы пріятно, если бы осчастливили меня и пожаловали ко мнѣ чаю или кофейку откушать или закусить бы чего нибудь: дѣло дорожное.

Исправникъ взглянулъ на меня.

— Съ удовольствіемъ бы, да не охотникъ я до закусокъ-то, сказалъ онъ.

— Ужь это точно, справедливо изволили сказать про себя. Чѣмъ только вы живы, мы тому удивляемся! Эдакого постника, какъ вы, я и въ Петербургѣ не видывалъ, хотя и тамъ господа тоже очень воздержны на пищу, проговорилъ управитель, и потомъ, видя, что исправникъ ничего ему не возражаетъ, продолжалъ, вздохнувъ: — все это, я полагаю, отъ вашей заботливости происходитъ. Вотъ хоть бы и нашъ господинъ — проходитъ, какъ не безъизвѣстно вамъ, должности большія и часто, бывало, когда еще при особѣ ихъ состоялъ, если получатъ они какое нибудь повышеніе или награжденіе, поздравишь ихъ, одѣвая поутру, они только головкой помотаютъ: «Эхъ, говоритъ, Егоръ Парменовъ, повышенію я радъ, да и заботъ прибавится.» И точно-съ: и сна, посмотришь, лишатся, и пищи

ужь меньше употребляютъ... очень тоже старательны къ службѣ.

— Что̀ и говорить! возразилъ исправникъ съ усмѣшкою: — ты не только что на господинѣ, и по себѣ можешь судить это.

— Именно могу, Иванъ Семенычъ. Если сравнить свое положеніе съ простымъ мужикомъ, такъ увидишь большую разницу: какая ему забота! Отпашетъ онъ свою полосу, натреплется тюри, да и спать; а ты, напримѣръ — пять запашекъ однѣхъ: все надобно присмотрѣть; конскій заводъ, сплавные лѣса, четыре тяжебныхъ дѣла на рукахъ, межеванье теперь идетъ; а непріятностей-то сколько получишь! Иногда какая нибудь пасконная бабенка, за которую двухъ грошей дать нельзя, и та тебя такъ разстроитъ, что ничему не радъ. Все это въ воображеніи имѣешь: какой тутъ сонъ или пища! ничего на умъ не пойдетъ.

При послѣднихъ словахъ исправникъ взглянулъ на управителя пристально; тотъ остановился и началъ глядѣть по сторонамъ.

— Приказанья больше никакого не будетъ? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да приказанье такое: ты все прежней своей методы не оставилъ — подводы мужиками справляешь! Я ужь объ этомъ барину писалъ и отвѣтъ получилъ.

— Я, признаться, и самъ объ этомъ господину описывалъ. Неужели же, Иванъ Семенычъ, я смѣлъ бы имѣть противъ васъ какое нибудь со-

противленіе, если бы силъ моихъ только хватало; сами изволите знать, половина запашки идетъ на барскихъ лошадяхъ—сморены такъ, что кожа да кости. Вдругъ баринъ наѣдетъ, куда я тогда поспѣлъ?

— А у мужика развѣ лошадь не въ работѣ? она больше твоихъ барскихъ работаетъ.

— У нихъ лошади особенныя: сносливыя, — ихнымъ лошадямъ ничего; а наши кони нѣжные: ихъ должно беречь пуще зеницы ока.

— Зачѣмъ же самъ-то по праздникамъ на тройкахъ гоняешь?

— Мнѣ, сударь, нельзя не выѣхать: должность моя такая, что я долженъ ѣздить.

— Экая у тебя должность славная — все по праздникамъ! вотъ эт-та ѣздилъ въ Введенское на храмовой праздникъ, къ Скарловановскому Ѳедору Діеву на новоселье, къ вонышевскимъ мужикамъ на Никольщину... Отличная у тебя должность! хоть бы и намъ такую.

— На сосѣдствѣ безъ знакомства не проживешь; безъ этого ужь нельзя: самъ принимаешь къ себѣ, такъ и меня тоже просятъ.

Горбунъ привелъ своихъ двухъ лошадей, которыхъ онъ, весьма справедливо, называлъ уменьшенными именами, потому что въ каждой изъ нихъ было немного болѣе двухъ аршинъ росту; вслѣдъ за нимъ велъ и дядя Захаръ свою; она была въ томъ же родѣ, только гораздо худѣе и вся обтерта. Горбунъ началъ-было закладывать.

— Не можете ли вы доѣхать со мною въ тарантасѣ? бричку вашу здѣсь оставимъ: сюда же вернемся, сказалъ мнѣ исправникъ.

Я согласился.

— Эй вы, не надо! ведите лошадей домой, проговорилъ онъ мужикамъ.

— На томъ те спасибо, кормилецъ, проговорилъ горбунъ и, снявъ шапку, поклонился въ поясъ.

Захаръ тоже, хотя не такъ скоро и не сказавъ ничего, но приподнялъ шапку и поклонился. Оба мужика повели лошадей назадъ. Меринокъ горбуна, кажется, былъ не менѣе радъ своего хозяина, избѣжавъ необходимости везти; онъ вдругъ заржалъ и взлягнулъ задомъ.

— Эка, паря, веселый какой! проговорилъ, ласковымъ голосомъ горбунъ, и провелъ коней въ поле.

Дядя Захаръ иначе распорядился: онъ вывелъ свою худощавую лошаденку на половину улицы, снялъ съ нея узду и, проговоря: «ну, ступай, одеръ экой!», что есть силы стягнулъ ее поводомъ по спинѣ. Та, разумѣется, побѣжала; но онъ и этимъ еще не удовольствовался, а нагналъ ее и еще разъ хлестнулъ.

— Эй, ты, длинновязый, зачѣмъ ты лошадь бьешь? вскрикнулъ исправникъ.

— Что̀, бачька?

— Зачто ты бьешь лошадь?

— Я, бачька, не бью ее, а такъ только шугнулъ.

— Я тебѣ дамъ, шугнулъ! эдакой лошадиный живодеръ! Каждый годъ, сударь мой, лошади двѣ заколотитъ... Только ты у меня загони эту лошадь, я съ тобой справлюсь.

— Ништо бы ему! кормилецъ, справедливо баешь, отозвался, подошедшій и вставшій около насъ, съ сложенными руками, рыжій мужикъ: — эдакой озорникъ на эту животинку, что и Боже упаси!

Управитель на всю эту сцену глядѣлъ съ насмѣшливою улыбкою.

— Звѣрь безчувственный, и тотъ больше понимаетъ, чѣмъ этотъ народъ, заговорилъ онъ: — сколько имъ отъ меня внушеній было, — на головѣ зарубилъ, что блаженъ человѣкъ, еже и скоты милуетъ... ничего въ толкъ не берутъ!

— Не всѣ такіе, — хоть бы изъ нашего брата, Егоръ Парменычъ, возразилъ рыжій мужикъ: — можо во всей вотчинѣ одинъ такой и выискался. Вотъ, горбунъ такой же мужикъ, а по другому живетъ: самъ куска не съѣстъ, а лошадь накормитъ; и мы тоже понимаемъ, у скота языка нѣтъ: не пожалуется — что хошь съ ней, то и дѣлай.

— Понимаете вы! ничего вы не понимаете, — кто васъ знаетъ хорошо!

— Твое дѣло: какъ знаешь, такъ и бай; а намъ Захарка не указъ: худой человѣкъ, худой и есть — не похвалимъ.

Подали тарантасъ. Мы начали съ исправникомъ усаживаться. Егоръ Парменовъ немного струсилъ.

— Батюшка Иванъ Семенычъ, что вы изволите тѣсниться, отнесся онъ къ намъ: — если вамъ угодно, я сейчасъ же велю господскихъ лошадей изготовить, самую лучшую тройку велю заложить.

— Спасибо! доѣдемъ какъ нибудь... пошолъ! отвѣчалъ исправникъ.

Мы тронулись.

— Я того очень опасаюсь... не подумайте вы чего нибудь, говорилъ управитель, хватаясь за край тарантаса и идя за нами: — къ капризу моему не отнесите. Мы никогда этимъ не потяготимся. Толкомъ мнѣ давича не сказали, потому такое распоряженіе и вышло. Смѣю ли я что нибудь! Какъ это возможно! у насъ и отъ помѣщика есть приказъ, чтобы чиновниковъ не останавливать. Сдѣлайте милость, продолжалъ онъ: — пріостаньтесь на минуту, а тѣмъ временемъ, какъ лошадей закладываютъ, пожаловали бы ко мнѣ... Если васъ, Иванъ Семенычъ, не смѣю попросить чего нибудь откушать, такъ, можетъ, господинъ губернаторскій чиновникъ не откажутъ мнѣ въ этой чести. Мы высоко должны цѣнить ваше вниманіе: если вы къ намъ милостивы не будете, чтожь мы послѣ этого значимъ? — ничего!

— Нѣтъ, братъ, теперь некогда... Трогай живѣе! крикнулъ исправникъ.

Кучеръ взмахнулъ кнутомъ и какъ-то особенно

присвистнулъ; лошади разомъ хватили, такъ что Егоръ Парменовъ отлетѣлъ въ сторону и едва устоялъ на ногахъ.

II.

Проѣхать намъ надобно было верстъ тридцать проселкомъ. Мы трусили, гдѣ только можно, и все-таки ѣхали очень медленно. У меня изъ головы не выходилъ управитель.

— Вы говорили, Иванъ Семенычъ, что управителя этого поймали на какую-то штуку, сказалъ я, желая вызвать исправника на прежній его разговоръ.

— Поймалъ, милостивый государь, есть такой грѣхъ, отвѣчалъ онъ съ самодовольствомъ.—Казусъ этотъ замѣчательный. Если хотите, я вамъ разскажу. Только ужь, вы извините, я начну издалека: скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я.

Исправникъ откашлялся, понюхалъ табаку и началъ:

— Есть, у меня, сударь, въ уѣздѣ, на самой почти границѣ, волость, подъ названіемъ Погорѣлки — дичь страшная, лѣсовикъ раменной: на верхушку дерева посмотришь, такъ шапка съ го-

ловы валится. На всемъ этомъ протяженіи всего и стоятъ только три деревнюшки да небольшой приходецъ въ одно дѣйствительство, и все это, извольте замѣтить, и деревнюшки, и лѣсныя дачи, принадлежатъ одному господину съ Марковымъ. Ну и здѣсь, какъ вы видите, народъ небойкій, а тамъ еще простѣе: смиренница такая, что не только дѣлъ какихъ нибудь, а разсыпь, кажется, въ любой деревнюшкѣ кучу золота на улицѣ, поставь палочку, да скажи, чтобъ не трогали, такъ версты за двѣ обходить станутъ. Въ начальныя десять лѣтъ моей службы я почти-что и не бывалъ тамъ: незачѣмъ! Вдругъ въ управители пріѣзжаетъ этотъ хватъ, является ко мнѣ съ письмомъ отъ барина. Поговорилъ я съ нимъ: вижу, парень неглупый, должно быть, грамотный, — говоритъ бойко. Одно только мнѣ не понравилось въ немъ, какъ и вы, можетъ быть, замѣтили, — глаза его: никакъ, сударь, онъ ни на кого не можетъ смотрѣть прямо: все у него эти буркалы бѣгаютъ, — и не то, чтобы онъ косъ былъ, а такъ какъ-то, просто плутоватый взглядъ; сейчасъ видно, душонка не чиста. Впрочемъ, я обласкалъ его для перваго раза, но взялъ себѣ за правило — наблюдать за нимъ строго. Онъ не промедлилъ-съ выкинуть штуку такого рода, что написалъ барину, будто бы по имѣнію все въ страшномъ безпорядкѣ, все запущено, разорено, и такимъ, сударь, манеромъ представилъ прежняго стараго бурмистра, мужика хорошаго, что совсѣмъ-

было погубилъ того; я это узнаю стороною и, конечно, понялъ его канальскую выдумку: до меня-де было все мерзко да скверно, а какъ сталъ я управлять, такъ все пошло прекрасно. Ну, думаю, голубчикъ, не знаю, какъ при тебѣ пойдетъ, а что тебѣ на первыхъ порахъ слѣдуетъ дать сдачи, чтобы ты не завирался, и тотчасъ же пишу къ барину письмо совсѣмъ въ другомъ духѣ и объясняю прямо, что донесенія новаго управителя вовсе несправедливы, что по имѣнію, какъ досконально извѣстно мнѣ по моей службѣ, никакихъ не было особыхъ злоупотребленій, и что оно управлялось такъ, какъ дай Богъ, чтобы управлялось каждое заглазное имѣніе, и вмѣстѣ къ тому присоединяю, не то, чтобы прямо, а такъ стороной, давишнюю мою сентенцію, которую и вамъ высказалъ, что я, съ своей стороны, считаю совершенно безвыгоднымъ замѣнять бурмистровъ изъ мужиковъ управителями, ибо они въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ очень неопытны, да и по нравственности своей не могутъ быть вполнѣ благонадежны. Послѣ моего письма, слышу, прислали Егору Парменову съ верху зуботычку, и зуботычку порядочную; мнѣ тоже письмо собственноручное отъ помѣщика: благодаритъ меня за участіе, проситъ на будущее время, если что замѣчу, то и самъ могу отмѣнить, или, по крайней мѣрѣ, увѣдомилъ бы его. Сталъ меня Егорка побаиваться; но, не взирая на это, плутни его вижу на каждомъ шагу: то нападетъ онъ на му-

жика, который побогаче — я заступлюсь, — то сдѣлаетъ съ купцами сдѣлку и запродастъ хлѣбъ не въ пору за полъ-цѣны — я опять поймаю и найду другихъ покупщиковъ. Вдругъ разъ доноситъ господину, что конскіе дворы пристоялись, и что онъ уже подрядилъ новые за три тысячи серебромъ, а я пишу барину, что дворы требуютъ только небольшой поправки, и что три тысячи серебромъ за такіе дворы въ здѣшнемъ мѣстѣ цѣна неслыханная — ему опять плюха. Игралъ я съ нимъ въ эту игру года четыре, точно кошка съ мышью: поотпущу его немного, дамъ обнюхать какую нибудь плутню, и только бы ему сплутовать, а я его и цапъ. Сбирался-было, признаюсь, нѣсколько разъ написать барину письмо рѣшительное, но все какъ-то останавливался: какъ, думаю, еще примется, по услугѣ его ему, можетъ быть, многое прощается, ихныя дѣла, кто ихъ знаетъ; жду, что будетъ дальше, — и, можете себѣ вообразить, каковъ шельма этотъ человѣкъ: пять лѣтъ я, милостивый государь, не зналъ его главной продѣлки и открылъ какъ-то ужь случайно. Какъ прежде я вамъ докладывалъ объ этой Погорѣловской волости... вдругъ доходятъ до меня слухи, что Егоръ Парменовъ начинаетъ туда ѣздить каждую недѣлю, и что-де тамъ барскую запашку завелъ, флигель выстроилъ и назвалъ Новоселкомъ. Что такое, думаю, это значитъ? Если ради выгодъ барскихъ, такъ тамъ выгодъ большихъ не у чего соблюсти, и первое, что, признаться,

пришло мнѣ въ голову: мужиковъ, думаю, каналья, хочетъ стѣснить. По Маркову и по другимъ селеніямъ я часто наѣзжаю и воли ему не даю, а тамъ, въ захолустьѣ, дѣлаетъ, что хочетъ. Началъ и я ѣздить въ Погорѣлки, въ новую эту усадьбу, какъ эдакъ, знаете, невдалекѣ, верстахъ въ пяти, въ шести, ѣду, такъ ужъ непремѣнно заверну. Онъ меня ловитъ, какъ молодой мѣсяцъ, и покуда я тамъ, точно адъютантъ мой: такъ по стопамъ моимъ и слѣдуетъ. Однако же, я урывками, ущипками разспрашиваю мужиковъ: что-де и какъ, и нѣтъ ли какихъ отъ управителя притѣсненій? Нѣту-тка, любезненькій, грѣха на душу не возьмемъ, никакихъ намъ отъ Егора Парменыча притѣсненій нѣту-ти, а еще противъ прежняго лучше стало. Задалъ онъ мнѣ, милостивый государь, этимъ задачу; вижу, что тутъ что-нибудь кроется, а поймать не знаю на чемъ. Заѣзжаю я разъ въ этотъ флигель ночевать; дѣло было въ субботу, а на другой день, по воскресному дню, поѣхалъ къ приходу помолиться. Егоръ Парменовъ тутъ же и не отстаетъ отъ меня; я въ своемъ тарантасѣ, а онъ верхомъ. Пріѣзжаемъ-съ: ну, я, по званію своему, знаете, всталъ впереди, Егоръ Парменовъ немного съ боку, или такъ, что почти рядомъ со мною, и двѣ вещи дѣлаетъ: либо Богу усердно молится, либо обернется ко мнѣ и начнетъ на ухо шептать разные эдакіе пустяки, и я очень хорошо понимаю, съ какими мыслями онъ это дѣлаетъ: молится,

изволите видѣть, чтобы мнѣ угодить, потому что знаетъ, что я люблю богомольныхъ, а со мною шепчется, чтобы мужикамъ дать тонъ: вотъ-де я съ исправникомъ на какой ногѣ. Въ половинѣ обѣдни, только-что запѣли херувимскую, вдругъ около меня что-то стукнуло, застонало, потомъ зарыдало. Я обернулся, смотрю, народъ столпился; спрашиваю, что такое?

— Кликуша, говорятъ, батюшка, кликуша!

— Откудова?

— Изъ Дмитрева, говорятъ, — изъ самой этой, знаете, дальней деревни по волости.

— Ну, такъ что̀жъ, говорю я, помочь надобно!— Ничего, родименькій: прикрыли ужь; только не измѣшать. Повѣрье у нихъ, знаете, этакое: коли ужь случился съ кѣмъ припадокъ, такъ не надо трогать, а только прикрыть. Однако, я на это не посмотрѣлъ: велѣлъ вынести ее на паперть и самъ вышелъ. Смотрю, дѣвушка молодая, лежитъ вверхъ лицемъ, слезы градомъ, сама всхлипываетъ. Были со мною въ дорогѣ гофманскія капли, далъ я ей, почти-что насильно разинулъ ротъ и влилъ—поочувствовалась. Начала-было опять проситься въ церковь—я не пустилъ, а позвалъ сейчасъ изъ ихъ деревни мужика и велѣлъ отвести ее въ домъ къ священнику. Егоръ Парменовъ тоже вышелъ за мною и что-то очень семеритъ; я съ нимъ не говорю. Надобно вамъ сказать, что кликушъ этихъ въ простонародіи бываетъ много-съ, и они, по-своему, толкуютъ, что это отъ

порчи дѣлается, а господа другіе понимаютъ, что это одно только притворство, шалость, а въ самомъ дѣлѣ ни то, ни другое, — просто истерика, какъ и съ нашими барынями бываетъ: душа вѣдь тоже и у нихъ есть!.. Другая, которая понѣжнѣе, почувствительнѣе, житьишко, можетъ быть, плохое, то свекоръ въ дугу гнетъ, то свекровь поѣдомъ ѣстъ, а можетъ, и мужъ поколачиваетъ: вотъ она недѣлю-то недѣльски тоскуетъ, тоскуетъ, придетъ въ церковь, начнетъ молиться, разчувствуется, да и шлепнется. Много я эдакихъ примѣровъ видѣлъ. Впрочемъ, эта новая кликуша, какъ-то, и самъ не знаю отчего, больше другихъ меня заинтересовала. Какъ только обѣдня кончилась, выхожу я изъ церкви; вижу, впереди идетъ сельскій мужикъ, по прозванію «братикъ»; поговорку онъ, знаете, эдакую имѣлъ, съ кѣмъ бы ни говорилъ: съ бариномъ ли, съ мужикомъ ли, съ бабой ли, съ мальчишкой ли, всѣмъ приговариваетъ: «братикъ»; а мужикъ эдакой правдивый: если ужь что́ знаетъ, такъ не потаитъ, да и лишняго не прибавитъ. Нагоняю я его, поздоровался съ нимъ.

— Пойдемъ, говорю, Савельичъ, въ сторону: переговорить мнѣ съ тобою надо.

Отошли мы съ нимъ.

— А что, я говорю, кликуша эта при мачихѣ, что́ ли, живетъ?

— Какое, братикъ, при мачихѣ... при родной

матери! Устинью кривую, чай, знаешь? отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Ну, не совсѣмъ: слыхать-то слыхалъ, что баба хорошая, а не видалъ.

— Ну да, братикъ, старуха умная, домовитая, разумомъ-то будетъ, пожалуй, противъ хорошаго мужика, особенно по здѣшнему мѣсту.

— Отчего жь съ дѣвкою сдѣлалось?

— Много, братикъ, болтаютъ — обереги Богъ всякаго человѣка—доподлинно я не знаю: за что купилъ, за то те и продаю.

— Извѣстно, говорю, что ты сторона: испортили, что̀ ли, ее?

— То-то, братикъ, не испортили! кабы отъ человѣка шло, можетъ, и помогли бы; а тутъ хуже того.

— Что же такое хуже того? спрашиваю я.

Братикъ мой, знаете, этакъ, пріостановился немного, подумалъ, потомъ вдругъ мнѣ на ухо говоритъ:

— Лѣшій, говоритъ, ее, братикъ, полюбилъ.

— Какъ, говорю, лѣшій полюбилъ?

— Полюбилъ, говоритъ, тамъ какъ знаешь, такъ и суди; а баютъ, что полюбилъ; нынѣшнимъ лѣтомъ таскалъ ее, мѣсяца четыре пропадала: это ужь я завѣрное знаю.

— Да какъ же, братецъ, таскалъ? Я что-то этого не понимаю.

— Я самъ тоже, братикъ: кто ихъ знаетъ! мало ли что врутъ въ народѣ. Я опять те скажу: за

что купилъ, за то и продаю; а болтаютъ много: всего и не переслушаешь.

Исторія, думаю, начинаетъ становиться заманчива.

— Какъ же, говорю, она опять дома очутилась?

— Богъ ихъ, братикъ, знаетъ! намъ всего сказывать не станутъ, а мать проговаривала, будто въ сѣни ее подкинули въ безчувствѣ; а какъ тамъ взаправду было, не знаю: самъ при этомъ дѣлѣ не былъ.

Толкую-съ я, такимъ манеромъ, съ мужикомъ, вдругъ Егоръ Парменовъ какъ изъ-подъ земли выросъ.

— Вы, ваше высокоблагородіе, говоритъ, эту нашу изъ Дмитрева больную дѣвку изволили къ священнику послать?

— Точно такъ, говорю, любезный.

— А я, сударь, говоритъ, осмѣлился перемѣнить ваше приказаніе и отправилъ ее домой.

— Напрасно! для чего ты это сдѣлалъ?

— Потому что-съ время теперь, говоритъ, праздничное: къ матушкѣ-попадьѣ и безъ того много народа идетъ, и родственники тоже наѣхали: побоялся, чтобы не было имъ какого безпокойства отъ больной, — да и той на народѣ зазорно.

— Ну, ладно: коли ужь такъ распорядился, такъ дѣлать нечего, будь по твоему, говорю я ему, а самъ съ собою думаю: «шалишь, любез-

ный, у тебя тутъ что-то недаромъ, какая нибудь плутня да кроется».

Въ это время подали мой тарантасъ; я сажусь, онъ тоже усаживается на своего коня. Дай, думаю, по горячимъ слѣдамъ поразспрошу его: не проболтаетъ ли чего нибудь.

— Эй, кричу, Егоръ Парменычъ! полно тебѣ трястись на сѣдлѣ: садись со мною въ тарантасъ.

Онъ принимаетъ это съ большимъ удовольствіемъ. Поѣхали мы съ нимъ. Народу идетъ уйма и въ селѣ и по дорогѣ, кланяются намъ, другой еще гоны за три шапку ломитъ; я тоже кланяюсь, а Егоръ Парменычъ мой какъ мышь на крупу надулся и только слегка шапочкою поводитъ. И досадно-то и смѣшно было мнѣ смотрѣть на него, каналью.

— А что это, говорю, Егоръ Парменычъ, какъ объѣхали мы весь народъ, что это такое за кликуша? и отчего это съ ними бываетъ?

— Это-съ, говоритъ, бываетъ не спроста: это по колдовству.

— Да какъ же, говорю, братецъ, какъ оно и въ чемъ состоитъ?

— А такъ-съ, говоритъ, здѣсь этой мерзости очень много. Здѣсь народъ прехитрый: даромъ-что онъ свиньей смотритъ, а такой докуменщикъ, и то выдумаетъ, чего намъ и во снѣ не снилось.

— Да кто же это именно колдуетъ, на кого поклепъ-то идетъ? спрашиваю я.

— Клеплютъ больше старыхъ бобылокъ; и точно-съ: превредныя! иную и не узнаешь, а она дѣлаетъ, что хочешь: и тоску на человѣка наведетъ, или такъ, примѣрно, чтобы мужчина къ женщинѣ или женщина къ мужчинѣ пристрастіе имѣли, — все въ ея власти; и не то, чтобы въ пищѣ или питьѣ что нибудь дала, а только по вѣтру пуститъ — на пять тысячъ верстъ можетъ дѣйствовать.

Выслушалъ я всю эту его болтовню, и еще меня больше сомнѣніе взяло. Знаю, что этакой плутъ и не въ колдуній, а во что нибудь и поважнѣе не сразу повѣритъ, а тутъ такъ настоятельно утверждаетъ. Началъ я ему пристально въ рожу смотрѣть и потомъ вдругъ спрашиваю:

— А что, говорю я, эта сегоднишняя дѣвушка: отчего она выкликала?

Вижу, его немного подернуло; но плутъ, будто бы ненарочно, сейчасъ вынулъ платокъ, обтеръ лицо и отвѣчаетъ:

— Признаться, говоритъ, я и не знаю хорошенько; своихъ много хлопотъ, такъ и не разспрашивалъ,—а думаю, тоже съ порчи: домъ у нихъ получше другихъ, она изъ себя этакъ красивая, такъ, можетъ быть, кто нибудь отъ зависти взялъ да и сдѣлалъ съ нею это.

— Да какъ же, возразилъ я: — ты что-то мнѣ неладно говоришь, съ дѣвкою этою приключилось не отъ того. Я знаю, что ее лѣшій воровалъ, она, слышно, пропадала долгое время. Зачѣмъ же ты

меня обманываешь? а самъ все ему въ рожу гляжу, и вижу, что онъ отъ послѣднихъ моихъ словъ позеленѣлъ, даже и въ языкѣ позамялся.

— Какъ, говоритъ, пропадала?

— Да такъ же и пропадала, какъ пропадаютъ.

— Ничего, сударь, говоритъ, я не знаю, а у самого голосъ такъ и дрожитъ. Отъ васъ только въ первый разъ, говоритъ, и слышу, и очень вамъ благодаренъ, что вы мнѣ сказали.

— Не стоитъ, говорю, благодарности. Только зачѣмъ же ты меня-то морочишь? кто тебѣ повѣритъ, чтобы ты, такой печный управитель, и будто бы не зналъ, что дѣвка изъ ближайшей вотчины сбѣгала? клеплешь, братъ, на себя.

Закрестился, забожился.

— Провалиться, говоритъ, мнѣ на этомъ мѣстѣ, если мнѣ кто нибудь объ этомъ доводилъ. Сами изволите видѣть, говоритъ, какой народецъ здѣсь: того и жду, что, пожалуй, что нибудь хуже того сдѣлаютъ и отъ меня скроютъ. Я все здоровье свое съ ними потратилъ. Дѣлать, видно, нечего: буду писать къ барину и стану просить себѣ смѣны. Коли въ мужикахъ на столько страху нѣтъ, что по сторонамъ вездѣ болтаютъ, а отъ меня утаиваютъ, какой ужь я послѣ этого управитель!.. и понесъ, знаете, въ этомъ родѣ околесную и все наговариваетъ мнѣ на мужиковъ и то и сё: что будто бы они и меня бранятъ и сбираются на меня подать прошеніе губернатору;

я все слушаю и ничего ему не возражаю. Въѣзжаемъ наконецъ въ новоселковское поле.

— Ну, говорю, Егоръ Парменычъ, прощай!

— Куда это вы, сударь?

— Такъ, говорю, надобно заѣхать тутъ не вдалекѣ, а между тѣмъ самъ рѣшился ѣхать прямо въ Дмитревское.

Онъ, шельма, должно быть, проникъ мое намѣреніе.

— Я, было, батюшка, къ вамъ съ просьбицей.

— Что такое?

— Да нельзя ли, говоритъ, вамъ со мною въ нашу подгородную усадьбу съѣздить. Тамъ, говоритъ, теперь идетъ у меня запродажа пшеницы, такъ, чтобы послѣ какихъ нибудь озадковъ не было и чтобы мнѣ отъ помѣщика моего не получить неудовольствія: лучше, говоритъ, какъ на вашихъ глазахъ дѣла сдѣлаются, и вамъ будетъ безъ сумнѣнія, да и мнѣ спокойнѣе.

Это, изволите видѣть, онъ ладилъ отвести меня верстъ на семьдесятъ отъ Погорѣлокъ, а тамъ, покуда въ другой разъ наѣду, такъ можно успѣть обдѣлать все, что надо.

— Нѣтъ, говорю, Егоръ Парменычъ, извини меня на этотъ разъ, сомнѣнія отъ меня не опасайся, продавай съ Богомъ, а мнѣ теперь некогда, — прощай!

Онъ видитъ, дѣлать нечего-съ, вышелъ у меня изъ тарантаса, сѣлъ на своего коня и поскакалъ во всѣ лопатки къ Новоселкамъ. Я тоже велѣлъ

ѣхать какъ можно скорѣе: но, знаете, проселокъ: все лѣсомъ, рытвины, колеи, коренья — того и гляжу, что либо ось пополамъ, либо дрога лопнетъ. Ну, думаю, чортъ его дери, пошелъ, говорю, тише! Ѣдемъ мы маленькою рысцою; вдругъ слышу, кто-то скачетъ за нами; обернулся я, гляжу: верховой, и только-что насъ завидѣлъ, сейчасъ въ лѣсъ своротилъ и хотѣлъ, видно, объѣхать кустами. Стой, кричу я, кто ѣдетъ? Не отвѣчаютъ. Стой, говорю, и подъѣзжай ко мнѣ: я—исправникъ; а не то, говорю, велю пристяжную отстегнуть, нагонимъ — хуже будетъ. Выѣзжаетъ изъ лѣсу молодецъ, лошадь вся въ мылѣ; оказывается, что Николашка, кучеръ Егора Парменова и любимецъ его, малой-плутина, учился въ часовые мастера — ничему не выучился, присланъ былъ по пересылкѣ, и прочее.

— А, говорю, Николаша, здравствуй! куда это путь держишь?

Парень замялся.

— Я такъ-съ, ничего-съ, по своимъ дѣламъ.

— Да по какимъ по своимъ дѣламъ?

— Да, говоритъ, посланъ-съ въ деревни.

— Какія тутъ деревни! дорога только въ Дмитревское.

— Въ Дмитревское, да-съ; я въ Дмитревское и посланъ, говоритъ.

— Зачѣмъ въ Дмитревское?

Опять переминается.

— Посланъ-съ, говоритъ.

— Да зачѣмъ?

— Нарядить-съ, говоритъ, мужиковъ.

— Ну, такъ, говорю, не надобно, не ѣзди: я самъ сейчасъ въ Дмитревское ѣду и наряжу; а ты поѣзжай домой.

— Нѣтъ, говоритъ, сударь, я не смѣю этого сдѣлать

— Мнѣ, говорю, любезный, все равно, смѣешь ли ты, не смѣешь ли это сдѣлать, а я тебѣ приказываю, и дѣлай по моему: поѣзжай домой, скажи Егору Парменову отъ меня, что я тебя не пустилъ, и прибавь еще, что покуда я въ Дмитревскомъ, онъ ни тебя и никого другого не посылалъ бы туда, да и самъ бы не ѣздилъ.

— Да какъ же, сударь, говоритъ онъ мнѣ, знаете, съ этакою дерзостью, по какому же это случаю такое ваше приказаніе? Я, говоритъ, человѣкъ подчиненный: съ меня спросятъ.

— А по такому, говорю, случаю, что капризъ на меня нашелъ; а если вы не послушаетесь, такъ эй! говорю, Пушкаревъ! своему, знаете, разсыльному, отставному унтеръ-офицеру, который всѣ приказанія двумя нотами выше исполняетъ, мы теперь, говорю, ѣдемъ въ Дмитревское, и если туда кто нибудь изъ новоселковскихъ явится, хоть бы даже самъ управитель, такъ распорядись, чтобъ они тамъ минуты не были. Пушкаревъ мой, знаете, только керкнулъ и поправилъ усы.

— Будьте покойны, говоритъ, ваше благородіе:

никого изъ нихъ не будетъ, а ты, говоритъ, оборотившись къ парню, не разговаривай... маршъ! Я тоже говорю маршъ! Парень мой постоялъ недолго, почесалъ голову и поѣхалъ въ обратную; а мы своей дорогою. Въ Дмитревское я попалъ тогда еще въ первый разъ. Надобно сказать-съ, что захолустьевъ и дичи, по своей службѣ, много видывалъ, но этакихъ печальныхъ мѣстъ, какъ эта деревня, не встрѣчалъ: стоитъ въ лощинѣ, кругомъ лѣсъ, и не то, что этакой хорошій лѣсъ, а какой-то паршивый: елоха и осина на-голо, развѣ кое-гдѣ изрѣдка попадется сосенка; а сама деревня ничего: обстроена чистенько, и поля распаханы, какъ слѣдуетъ въ порядкѣ. У захолустнаго, знаете, мужика хоть выгодъ и меньше, да какъ-то все спорѣе. Пословица справедлива-съ: выгодно жить на бору, да близко къ кабаку. Спрашиваю домъ Аксиньи кривой. Показываютъ. Вхожу въ избу: сидитъ старуха съ однимъ глазомъ и тчетъ.

— Ты Аксинья?

— Я, батюшка.

— Ну, здравствуй, говорю; я, говорю, пріѣхалъ къ тебѣ потолковать. Знаешь, кто я?

— Какъ, кормилецъ, не знать: кажись, асправникъ.

— Ну, исправникъ, такъ исправникъ, и ладно, коли знаешь. Сегодня я былъ у вашего прихода и видѣлъ твою дочку: что это она у тебя хвораетъ?

— Хвораетъ, говоритъ, родименькій, не то,

чтобы лежнемъ лежала, а временемъ шибко ухватываетъ.

— Да что это, отчего съ нею?

— Не вѣдаю, кормилецъ, такъ тебѣ сказать, ничего не вѣдаю.

— Полно, говорю, старуха: какъ ты не вѣдаешь! вѣдь она у тебя сбѣгала?

— Ну, кормилецъ, коли извѣстенъ, такъ баять нечего: сбѣгать сбѣгала. Помилуй, не засади ты ее куда нибудь у меня, не загуби ты досталь моей головушки, отвѣчаетъ она, а сама мнѣ въ ноги.

— Ничего я, говорю, ей не сдѣлаю, а ты вотъ что лучше мнѣ скажи: ради чего она у тебя сбѣгала? не было ли у ней любовника, не сманивалъ ли ее кто?

— Ой, родимый, какой у дѣвушки любовникъ! никогда, кажись, я ее въ этомъ не замѣчала. По нашей сторонѣ дѣвушки честныя, ты хоть кого спроси, а моя ужь подавно: до двадцати годковъ дожила, не игрывала хорошенько съ парнями-то! Вотъ тоже на праздникахъ, когда который этакъ пошутитъ съ ней, такъ чѣмъ ни попало и свиснетъ. «Не балуй—говоритъ—я тебя не замаю.» Вотъ она какая у меня была; на это, по моему, приходить нечего.

— Постой, говорю, старуха, если ты такъ говоришь, такъ слушай: я пріѣхалъ къ тебѣ на пользу; дочку твою я вылечу, только ты говори мнѣ правду, не скрывай ничего, разсказывай сна-

чала: какъ она у тебя жила, не думала ли ты противъ воли замужъ ее выдать, что она дѣлала и какъ себя передъ побѣгомъ вела, какъ сбѣжала и какъ потомъ опять къ тебѣ появилась? все подробно, съ самаго начала.

Старуха этакъ поохала, повздыхала и начала разсказывать.

— Ой, батюшко, говоритъ, поначалу не такъ дѣло было: послѣ покойника остались мы въ хорошемъ дому: однихъ сорокъ ульиковъ было — сколько денегъ выручали, самъ сосчитай; да и теперь тоже, вѣстимо, что не противъ прежняго, а все Бога гнѣвить нечего: всего по крестьянству довольно; во вдовствѣ правлю полное тягло, безъ отягощенія. Жила она у меня, моя доченька, не хвастаясь тебѣ сказать, въ холѣ и довольствѣ, а баловать ее не баловала, держала все на глазахъ. Ну, самъ посуди, коимъ вѣкомъ одно дитятко нажито, только и свѣту и радости, что въ ней; къ работѣ нашей крестьянской она съ малыхъ лѣтъ была ловкая, легкая: на полосѣ ли, на жнитвѣ ли, все первая, противъ всѣхъ впереди идетъ. Бывало мнѣ и сусѣди все смѣялись. «Ну — говорятъ — Аксинья, въ себя ты дочку принесла: больно ужь вы къ работѣ шустры, недаромъ у васъ денегъ много.» Все ее, кормилецъ, ко мнѣ примѣняли тѣмъ, что я и по сей день работяща — всякое дѣло у меня въ рукахъ проворится. О, Царица небесная! съ надсады-то и говорить разучилась. Стала моя дѣвушка на возрастъ при-

ходить; ну и женишки тоже были, и много было, но все какъ-то опасалась. Все имѣла большое желаніе выдать ее въ домъ къ одному экономическому мужичку, не тѣмъ, чтобы нашу вотчину обѣгала или порочила, а только то, что самъ старикъ съ покойникомъ моимъ былъ большой благопріятель и ко мнѣ тоже наѣзжалъ. Дружелюбіе между нами было старинное. Егоръ Парменычъ, дай Богъ ему здоровья, не принуждалъ очень: кто этакъ намекнетъ на мою Марфушку, онъ только скажетъ: «Устинья—говоритъ—дочку просятъ, припасайся.» Ну, опосля, извѣстно, сходишь къ нему, поклонишься чѣмъ нибудь—ну, и отмѣнитъ. Такъ мы, кормилецъ, и жили до самыхъ тѣхъ поръ, какъ завели здѣсь барскую запашку. Всю нашу деревню Егоръ Парменычъ повѣстилъ на задѣлье. Мое дѣло одинокое, пошла я къ нему. «Кормилецъ—говорю – Егоръ Парменычъ, какъ мнѣ прикажешь, не оставишь ли ты меня въ оброкѣ? мужичка у меня въ домѣ нѣтъ: кѣмъ мнѣ тебѣ задѣлье править?» — «Ничего—говоритъ—старуха, я тебя не обижу; мужика мнѣ съ тебя не надо, а пусть задѣлье правитъ дочка.» — «Кормилецъ — говорю я — гдѣ дѣвчонкѣ это справить! дѣло ея непривычное, молодое; ты станешь спрашивать многаго; ну, какъ она тебѣ не угодитъ, для меня будетъ нехорошо; а если ты ужь такъ порѣшился, такъ лучше я тебѣ работника выставлю.» — «Дура—говоритъ—ты баба: работникъ будетъ тебѣ отяготителенъ, да и мнѣ

не къ рукамъ: запашку — говоритъ — я здѣсь дѣлаю больше ленную, а со льномъ, сама ты знаешь, мужику не возиться; съ дочки твоей я лишняго не спрошу: что поработаетъ, то и ладно.» Ублажилъ онъ меня, кормилецъ, этими словами; поперечить ему тоже не посмѣла. Прихожу домой и говорю Марфушкѣ: «на задѣлье—говорю—тебя, Марфушка, требуетъ: какъ ты насчетъ этого полагаешь?» Она поохотилась. «Ничего—говоритъ—мамонька, стану бѣгать; ничего: отъ насъ много дѣвокъ пойдетъ.» Тѣмъ мы съ ней и порѣшили. Начала она у меня ходить. Ну и сперва заботно было: все я ее спрашивала, не тяжело ли, говорю, голубонька, тебѣ тамъ? «Нѣтъ, мамонька, какое тяжело! на экомъ народѣ тяжело! дома въ одиночку больше умаешься.» А у меня, кормилецъ, все какъ-то сердце болитъ; съ половины, кажись, лѣта али съ Успѣнковъ, стала я примѣчать, что съ моей дѣвкой что-то не то: все словно въ задумкѣ, изъ себя тоже худѣетъ. Начала я опять ей говорить. «Полно — говорю — дурочка, не замай — говорю — работницу найму; гдѣ тебѣ задѣлье вести! ишь ты какая стала! такая ли ты была у меня прежде?» такъ осержается, кормилецъ. «Что я — говоритъ — дворянка-что ли? денегъ-то у тебя, что-ли много: съ работницами проклажаться!» Выждала я еще недѣли съ двѣ; вижу, что ничего къ лучшему нѣтъ. Придетъ съ барщины и прямо въ темной чуланъ ляжетъ: на своей работѣ синя пороха не переложитъ,—все ле-

житъ. Ну, я тоже спрашиваю: «Что ты, дѣвонька?» — «Такъ, мамонька, что-то не по себѣ», только одинъ отвѣтъ и былъ, а какъ придутъ барскіе дни, слова мнѣ не скажетъ, соберется и уйдетъ прежде всѣхъ. Стало у меня сердце еще пуще болѣть, чего ни передумала, тоже, какъ и твое дѣло, кормилецъ, сперва намекала, нѣтъ ли у ней чего на сердцѣ, не мужчинка ли ее какой приманиваетъ: дѣвушка, думаю, на возрастѣ, тамъ же всякъ часъ наѣзжаютъ дворовые ребята, народъ озорникъ, прямо те сказать, дѣвушники; сама своими глазами, думаю, ничето не вижу, а другихъ, хоть бы и сусѣдей, спросить объ этакомъ дѣлѣ стыдно. Взяла я, кормилецъ, не сказавъ ей ничего, прямо пошла къ Егору Парменычу. Такъ и такъ, говорю, Егоръ Парменычъ, я не молодая-молодка: одной мнѣ при домѣ справляться спина трещитъ, задѣлье я те справлю наймомъ, а дочку ты освободи мнѣ. Онъ вдругъ, сударь мой, осерчалъ. «Вы-ста—говоритъ—шельмы этакіе, только знаете, что отъ барскаго дѣла отваливаетесь.» Я, говорю, сударь, отъ барскаго дѣла не отваливаюсь и, какъ прежде сказала, хошь, работника за дѣвку выставлю, а ей, вся твоя воля, задѣльничать не приходится. «Ну, да, какъ же—говоритъ — много-ста будетъ, какъ стану я каждую дуру тѣшить! пошла-ста вонъ и не надоѣдай мнѣ, коли своей пользы не понимаешь!» Я нейду: стою въ своемъ. Онъ, кормилецъ, затопалъ, залопалъ надо мной, пѣна у рту; у меня такъ сер-

дечушко и замерло: того и гляжу, что прибьетъ; раза три замахивался, а ужь брани да руганья и числа нѣтъ, сколько было, едва изъ хлигеля жива вышла... Иду по усадьбѣ да горючьми слезами обливаюсь; вдругъ мнѣ навстрѣчу его супружница, съ маленькимъ сыномъ, разряженная этакая, расфранченная.

— Здраствуй, говоритъ, голубушка! о чемъ ты это плачешь?

— Такъ и такъ, говорю, сударыня, и разсказала ей все мое горе.

— Ахъ, Боже мой! говоритъ, для чего же Егорушка, говоритъ, не хочетъ тебѣ сдѣлать въ этомъ удовольствія. Онъ что нибудь тебя не понялъ. Я, говоритъ, ему, душенька, поговорю объ тебѣ.

Я ей поклонилась.

— Противности, говорю, сударыня, отъ меня никогда никакой не было, а что всякой матери, хоть бы и крестьянкѣ, свое дитятко болѣзно. Если, говорю, Егоръ Парменычъ станетъ ее у меня въ задѣлье тянуть и не ослободитъ ее, такъ я, говорю, пойду къ асправнику: вся его воля, что хочетъ, то со мною и дѣлаетъ.

— Ничего, говоритъ, душенька, не будетъ, будь покойна, я твое дѣло сдѣлаю, сказала она и ушла.

А я, признаться, взяла да и пообождала маненько въ усадьбѣ, въ скотной, и слышала такъ, отъ горничной дѣвушки, что у нихъ за меня большой разговоръ былъ. Она, голубушка, дай ей Богъ здоровья, такъ его, слышь, ругала, такъ

ругала, всѣмъ выкорила и въ глаза наплевала. Прихожу я опосля этого домой и говорю дочкѣ, она мнѣ, батюшка, опять въ супротивку стала говорить. Душенька-то у меня ужь наболѣла и безъ того; взяла меня на ее такая злость, что не стерпѣла я, кормилецъ, ухватила ее и почала бить, всю избу вытаскала за космы; чѣмъ она пуще проситъ: «мамонька, мамонька!» а меня пуще досада рветъ, ругаю ее по-пёски, и все, знаешь, къ нечистому посылаю. Ревитъ моя дѣвка послѣ этого ровно два дни; стало мнѣ ее хошь бы и жаль: сбѣгала я потихоньку къ приходу, купила ей тутъ у одного мужичка-торговца кумачу на рубаху и принесла; она ничего — взяла и словно повеселѣла, а въ сумерки и говоритъ мнѣ:

— Отпусти, говоритъ, мамонька, меня на посѣдки сходить, къ дядѣ Ѳомѣ.

— Ступай, говорю, только не засиживайся долго.

— Нѣту, говоритъ, не надолго сбѣгаю.

Нарядилась она въ нарядъ хорошій, надѣла теплый полушубочекъ и ушла. Жду я ее: пропѣли первые пѣтухи — нейдетъ, пропѣли вторые — нѣтъ!

«Эка воръ-дѣвка: вѣрно, тамъ ночевать осталась», думала я, и пошла, кормилецъ, сама за ней.

Подхожу, смотрю—на посѣдкахъ ужь и огонь погашенъ; едва достучалась; отворяетъ мнѣ дверь дѣвушка ихняя, дочь хозяйская.

— Что тебѣ, тетонька? говоритъ.

— Да я, говорю, за Марфуткой пришла; что это, я говорю, за ночевка такая? зачѣмъ это ночевать унимаете?

— Нѣту, говоритъ, тетонька, она ушла.

— Полно, что за шутки такія: ушла! гдѣ ей, говорю, быть! домой не бывала, а ушла!

— Вотъ те Христосъ, тетонька, ушла, говоритъ.

«Ну, думаю, согрѣшила грѣшная, разбойница этакая, говорю; кто у васъ сегодня былъ? не было ли дворовыхъ ребятъ?

— Нѣту, говоритъ, тетонька, никого не бывало: только двѣ дѣвушки да твоя Марфа — только и было.

Разбудила я стариковъ, потолковали мы съ ними, погоревали, поохали, не знаемъ, что такое; обѣжала я всѣ другія избы по деревнѣ — нѣтъ нигдѣ, нигдѣ и не бывала. Протосковала я всю ноченьку, а на другой день, дѣлать нечаго, пошла въ усадьбу къ управителю, заявила ему.

— Какъ бы, батюшка Егоръ Парменычъ, хоть бы ее поискать, говорю.

— Гдѣ-ста мнѣ ее тебѣ искать! много васъ у меня! ищи сама какъ знаешь.

И говорить больше не сталъ.

Такъ, кормилецъ, опосля того пропала да пропала. Всѣ-то ноженьки отбѣгала ищучи ее, и по селамъ и по деревнямъ, всѣ лѣса, почесть, выходила—ни слуху, ни духу ни отколѣ нѣтъ; такъ и положила, что сдѣлала надъ собой что нибудь!

Теперь вотъ дѣло прошлое, въ тѣ поры никому не открывалась, а на сердцѣ все держала, что это отъ побой моихъ и побранки съ ней приключилось. Прошло такимъ дѣломъ времени много; отъ тоски да отъ маяты стала и сама еле ноги таскать, взяла я себѣ для охоты сироту-дѣвушку. Сидимъ мы съ ней вечеркомъ; я на голбчикѣ лежу, а она прядетъ. Слышу я, кормилецъ, въ сѣняхъ что-то стукнуло, словно кольцомъ кто брякнулъ.

— Кто это, говорю, Палагѣюшка, выдь-ка, глянь: ровно стучится кто.

— Это, говоритъ, баунька, овцы!

— Полно, говорю, какія овцы! выдь, погляди: не съѣдятъ.

Засвѣтила она лучину, пошла и опять вбѣжала сейчасъ въ избу.

— Баунька, говоритъ, у насъ, говоритъ, кто-то въ сѣняхъ лежитъ.

— Такъ ты бы, говорю, окликала.

— Нѣтъ, баунька, я боюсь.

Слѣзла съ голбца, пошла сама: глянь, моя Марфушка лежитъ плашмя поперегъ сѣней. Заголосила я, завопила, бросилась къ ней, притащила ее въ избу, посадила, стала разспрашивать — ничего не баетъ, только руками показываетъ, что молвы нѣтъ. Я-было ей, чтобъ поужинала: молочка, было налила, яишенку сдѣлала, — только головкой мотаетъ, а самоё такъ и бьётъ, какъ на прутѣ. Уложила я ее, родимый, на печку,

окутала еще сверху и всю ночь надъ ней просидѣла. Похудѣла, голубушка, такъ, что и не глядѣлъ бы! Ну, думаю, воля Божія; были бы кости, а мясо будетъ; хоша, по милости Божіей, жива осталась! На другой день спровѣдали наши мужики, стали ко мнѣ находить, спрашиваютъ и говорятъ мнѣ такъ:

— Ты, говорятъ, Устинья, дѣвку не балуй, а накажи ее міромъ, чтобы другимъ повадки не было.

Ну-ка, кормилецъ, каково мнѣ было слушать эти ихъ рѣчи!

— Братцы-мужички, говорю я имъ, противъ міра я не спорщица и не потатчица моей дочкѣ, кабы она была здорова и кабы я доподлинно знала, что она худое что сдѣлала.

Вдругъ наѣзжаетъ самъ Егоръ Парменычъ. Узналъ онъ мое дѣло и говоритъ:

— Пальцемъ, говоритъ, не смѣйте дѣвку трогать, она ни въ чемъ не виновата; а насчетъ молвы тоже не принуждайте: она, говоритъ, и по лицу видно, что языка лишилась.

Я его слушаю, а сама съ собою думаю, какъ, думаю, насчетъ молвы не принуждать! и начала ее возить къ знахарямъ, по лекаркамъ, служила надъ ней молебны, а сама все приступаю къ ней:

— Полно, говорю, дурочка, попринудь себя, пробай что нибудь.

Отъ этого ли, кормилецъ, али отчего другого, вдругъ она проговорила: ѣсть попросила! Я

всплеснула руками и начала Богу молиться; она тоже зарыдала, и Господи! какъ зарыдала, и начала поговаривать, немного да немного, а потомъ и все, какъ прежде бывало. Обождавъ сутки двои, стала я ее спрашивать:

— Скажи, я говорю, Марфушка, что съ тобою дѣлалось и гдѣ ты была?

— А вотъ что̀, говоритъ, мамонька, скажу я тебѣ правду-истину: меня, говоритъ, лѣшій таскалъ.

Я такъ и обомлѣла: наше мѣсто свято, тоже отъ старины идетъ слухъ про это, не въ первый разъ онъ это въ околодкѣ дѣлаетъ: дѣвокъ таскивалъ; одна такъ не какъ совсѣмъ такъ и пропала; только то, что на нашей памяти не чудь было этого. И пришла мнѣ, кормилецъ, на разумъ опять моя побранка, какъ я тогда грѣшнымъ дѣломъ, въ сердцахъ-то, все *къ нему* посылала. Это хоть бы и съ другими приключалось тоже отъ маткиныхъ нехорошихъ словъ; а мы, дуры-бабы, будто поопасимся: не то, что взрослыхъ, а и младенцевъ почасту: чортъ бы тя побралъ, лѣшій бы тя взялъ; хорошихъ словъ говорить не умѣемъ, а эти поговорки всѣ на языкѣ.

— Какъ это, говорю, голубушка, онъ тебя утащилъ?

— А такъ, говоритъ, мамонька; шла я съ бесѣдокъ, вдругъ на меня словно вихорь набѣжалъ, подхватилъ какъ на руки, перекреститься я не

успѣла, онъ и понесъ меня, несъ... несъ — все дичью.

— Что же, говорю, дѣвонька, ты тамъ-то дѣлала, гдѣ жила, что пила, ѣла?

— Не спрашивай, говоритъ, мамонька, меня про это: противъ этого мнѣ сдѣланъ большой запретъ. Пила и ѣла я тамъ хорошо, а если хоша еще одно слово тебѣ скажу большого того, что я те баяла, такъ тѣмъ же часомъ должна моя жизнь покончиться.

Не стала я ее, батюшка, больно принуждать: може, думаю, и правда.

— Какъ же, говорю я, ты домой-то попала?

— Тѣмъ же, говоритъ, мамонька, вихремъ; принесли да бросили въ сѣни, — а тутъ, что было, не помню.

Только-то мнѣ, кормилецъ, и сказала; до сегодня больше ничего отъ нея добиться не могу, вижу только, что всякій часъ въ тоскѣ: работы али пищи и не спрашивай!

Выслушалъ я, знаете, старуху.

— Давно ли же, говорю, съ нею припадки начались дѣлаться?

— Припадки съ ней, батюшка, начались дѣлаться съ перваго же воскресенья. Пошла я съ нею къ обѣдни, тутъ ее впервые и ухватило: хлястянулась на полъ и начала выкликать, отвѣчаетъ мнѣ старуха, и опять въ ноги, все проситъ объ одномъ: не засуди ты ее, кормилецъ, судомъ.

Материнское, знаете, сердце: жалко, боится; а дуракъ мой Пушкаревъ тоже тутъ стоялъ, — выслушавъ все это, вдругъ вздумалъ власть свою полицейскую и удаль свою военную передъ старухой показывать.

— Нѣтъ, говоритъ, баушка, судить мы ее не станемъ, а только полечимъ; у насъ отличное отъ этого есть лекарство: березовая лапша.

Старуха еще пуще заревѣла.

Я ее унимаю, а онъ, болванъ, продолжаетъ:

— Гдѣ же, говоритъ, у васъ этотъ лѣшій? сказывай, я его за воротъ притащу и тысячу палокъ дамъ, такъ скажетъ, кто такой и какого званія.

— Это, сударь, какъ сказать, замѣчаетъ Устинья: — ну какъ, говоритъ, не притащишь?

— Притащимъ, тетка, не безпокойся, отвѣчаетъ тотъ; — у насъ, говоритъ, ваше благородіе, обращается онъ ко мнѣ: — въ полку одинъ солдатъ тоже сталъ колдуномъ прикидываться. Стояли мы тогда по деревнямъ. Онъ поймаетъ въ лѣсу корову, намажетъ ей языкъ мыломъ: та и ну мѣтаться, какъ благая: прибѣжитъ на дворъ, языкъ шероховатый, слюны много, валомъ-валитъ пѣна. А бабы: «Ахъ, ахъ! тёлонка! что сдѣлалось съ тёлонкой?..» А онъ тутъ и прикатитъ. «Что — говоритъ — голубушки, на дворѣ, что ли, у васъ не здорово? дай-ка я — говоритъ — попользую.» — «Попользуй, кормилецъ, попользуй, поилецъ.» Онъ сдеретъ съ нихъ рублевъ пять, промоетъ языкъ щелокомъ, и вылечилъ корову! Вотъ вѣдь ихніе

колдуны какіе! и лѣшій здѣшній какой нибудь изъ этакихъ.

— Не знаю, служивый, какъ у васъ было, продолжаетъ возражать старуха: — а здѣсь не то; вы, може, сегодня ночуете, такъ самъ послушаешь, голоситъ кажынную почесть ночь, индо на дворъ боязно вытти.

— Да вѣдь это, тетка, говорю я: — филинъ птица.

— Баяли, кормилецъ, многіе это намъ баютъ, а только нѣтъ, родимый, не птица; филиновъ у насъ мальчишки лавливали, съ полъ-года одинъ жилъ, никакого голосу не далъ, а ужъ этотъ противъ птицы ли, на весь околотокъ чуть, какъ голоситъ.

Что станешь дѣлать, не переувѣришь ихъ!

— Ну, говорю, старуха, много ты говорила дѣла, да много и вздору намолола; пошли-ка лучше ко мнѣ дочку: я съ ней поговорю; авось она мнѣ больше правды скажетъ. Сможетъ ли она притти?

— Сможетъ, кормилецъ, для-ча не смочь: пролежалась теперь.

— Пошли, говорю, ее ко мнѣ, а сама не приходи: мы съ ней побесѣдуемъ вдвоемъ.

Пушкареву тоже велѣлъ выйти. Пришла ко мнѣ дѣвка-съ; оглядѣлъ ее внимательно: пріятная изъ лица, глаза голубые, на выкатѣ, сама бѣлая и, что удивительно, съ малолѣтства въ работѣ, а руки нѣжныя, какъ у барыни.

— Здравствуй, говорю, красавица.

— Здравствуйте, говоритъ, сударь.

— Садись, говорю, чѣмъ стоять.

— Ничего-съ, говоритъ, постою.

— Полно, говорю, вѣдь ты больна: устанешь; садись!

Сѣла она этакъ поодаль, поглядываетъ на меня изъ подлобья.

— Чѣмъ это ты, говорю, больна? что такое съ тобой бываетъ?

— А бываетъ, сударь, привалитъ у сердца, въ головѣ сдѣлается этакой бахмуръ, въ глазахъ потемнѣетъ, а опосля и сама ничего не помню-съ.

— Отчего это съ тобой сдѣлалось?

— Изволили, чай, слышать, отвѣчаетъ, а сама еще болѣе потупилась.

— Это, говорю, что лѣшій-то тебя таскалъ?

— Да-съ, говоритъ, съ самой съ той поры и начало ухватывать.

— Слушай, говорю, Марфушка, ты, я вижу, дѣвушка умная, скажи мнѣ, какъ, по твоему, лгать грѣхъ али нѣтъ?

— Какъ, сударь, не грѣхъ! вѣстимо, что грѣхъ.

— Такъ какъ же, говорю, знать ты это знаешь, а сама лжешь, и не въ пустякахъ какихъ нибудь, а призываешь на себя нечистую силу. Ты не шути этимъ: грѣха этого тебѣ, можетъ быть, и не отмолить. Все, что ты матери плела на лѣшаго, какъ онъ тебя вихремъ воровалъ и какъ послѣ подкинулъ, — все это ты выдумала, ниче-

го этого не бывало, а если и сманивалъ тебя, такъ какой нибудь человѣкъ, и тебѣ не слѣдъ его прикрывать.

— Ничего я, сударь, окромя, что мамонькѣ говорила, ничего я не знаю больше! а у самой, знаете, слезы такъ и текутъ.

Бился я съ ней по крайней мѣрѣ съ полчаса: все думалъ лаской взять.

— Будь, говорю, Марфушка, со мной откровенна; вотъ тебѣ клятва моя, я старикъ, имѣю самъ дѣтей, на вѣтеръ словъ говорить не стану: скажи мнѣ только правду, я твой стыдъ дѣвичій поберегу, даже матери твоей не скажу ничего, а посовѣтую хорошее и дамъ тебѣ лекарства.

Ничего не беретъ, уперлася въ одномъ: «знать не знаю, вѣдать ничего не вѣдаю», такъ что даже разсердила меня.

— Ну, говорю, Марфа, ты, я вижу, не боишься Божьяго суда, такъ побойся моего: я твое дѣло стороной раскрою, тогда ужь не пеняй.

Молчитъ.

Отпустилъ я ее; досадно немного: солнце ужь садилось, день, значитъ, потерянъ. Ѣхать — пожалуй и дороги не найдешь. Остался я у Устиньи ночевать, напился чаю и только хотѣлъ улечься въ свой тарантасъ, вдругъ подходитъ Пушкаревъ.

— Ваше благородіе, лѣшій, говоритъ, заправду началъ кричать; не угодно ли послушать?

Заинтересовало это меня: слыхалъ я объ этихъ лѣшихъ, — слыхалъ много, а на опытѣ самъ не

имѣлъ. Вышелъ я изъ своего логовища къ калиткѣ, и точно-съ, на удивленіе: гулъ такой, что я бы не повѣрилъ, если бы не своими ушами слышалъ: то ржетъ, напримѣръ, какъ трехъгодовалый жеребенокъ, то вдругъ захохочетъ, какъ человѣкъ, то перекликаться, аукаться начнетъ, потомъ въ ладоши захлопаетъ, а по зарѣ, знаете, такъ во всѣ стороны и раздается.

Храбрецъ мой Пушкаревъ стоитъ только да бормочетъ про себя: «Эка поганая сторонка!» Да и со мной, воображеніе, что ли, играетъ: самъ очень хорошо понимаю, что это птица какая нибудь, а между тѣмъ морозъ по кожѣ пробѣгаетъ. Послушалъ я эту музыку, но такъ какъ день-тоденьской, знаете, утомился, легъ опять и сейчасъ же заснулъ богатырскимъ сномъ. На другой день проснулся часу въ девятомъ, кличу Пушкарева, чтобъ велѣть лошадей закладывать. Является онъ ко мнѣ.

— Ваше благородіе, говоритъ, у насъ неблагополучно.

— Что такое?

— Дѣвка-то опять пропала!

— Какъ, говорю, пропала! земская, говорю, полиція, мы съ тобой здѣсь, а она пропала: ты чего смотрѣлъ?

— Я, ваше благородіе, говоритъ, всю ночь не спалъ, до самой почесть зари песъ этотъ гагайкалъ: до сна ли тутъ! всю ночь, говоритъ, сидѣлъ на сѣновалѣ и трубку курилъ, ничего не слыхалъ.

Иду я на улицу-съ; мужиковъ, бабъ толпа, толкуютъ промежъ собой и приходятъ попрежнему на лѣшаго, Устинья мечется, какъ полоумная, по деревнѣ, все ищетъ, знаете. Сдѣлалось мнѣ на этого лѣшаго не въ шутку досадно: это ужь значитъ изъ-подъ носу у исправника украсть. Сдѣлалъ я тутъ же по всей деревнѣ обыскъ, разослалъ по всѣмъ дорогамъ гонцовъ—ничего нѣтъ; ѣду въ Марково: тамъ тоже обыскъ. Егоръ Парменычъ дома, юлитъ передо мной.

— Что такое, говоритъ, значитъ? что такое случилось?

Я ему ни слова не говорю, перебилъ все до синя пороха, однако, чего искалъ, не нашелъ.

«Ну—думаю—за это дѣло надобно приниматься другимъ манеромъ.»

Былъ у меня тогда въ Михайловской сотнѣ сотской, прерасторопный мужикъ: лѣтъ пятнадцать въ службѣ, знаете, понаторѣлъ, и, кромѣ того, если въ какомъ дѣлѣ порастолкуешь да припугнешь немного, такъ и не обманетъ. Пріѣхавъ въ городъ, вызываю я его къ себѣ:

— Слушай, говорю, Калистратъ, въ Погорѣловской волости каменной мостъ теперь строятъ натурой: ты командируешься присматривать туда за работами, — это дѣло тебѣ само по себѣ; а другое: тамъ, изъ Дмитревскаго, дѣвка пропадаетъ во второй ужь разъ, и приходятъ, что будто бы ее лѣшій воруетъ. Это, братецъ, пустяки!

— Пустяки-съ, говоритъ, сударь, безъ сумнѣнія, что пустяки.

— Ну, стало-быть, ты это понимаешь, и потому, бывъ тамъ, не зѣвай, и разспрашивай, кого знаешь, что и какъ. Если слухъ будетъ, сейчасъ же накрой ее и ко мнѣ представь. Сверхъ того, въ этомъ дѣлѣ Егоръ Парменычъ что-то плутуетъ, держи его покуда на глазахъ и узнавай, гдѣ онъ и что дѣлаетъ. Однимъ словомъ, или сыщи мнѣ дѣвку, или по крайней мѣрѣ обгопчи ея слѣдъ и провѣдай, какъ и отчего и съ кѣмъ она бѣжала. Самъ я тоже буду узнавать, и если что помимо тебя дойдетъ до меня, значитъ ты плутуешь; а за плутни, самъ знаешь, что бываетъ.

— Понимаемъ, сударь, говоритъ, не первый годъ при васъ служимъ; только какъ донесеніе прикажете дѣлать?

— Донесеніе, говорю: если что важное откроешь, такъ сейчасъ же, а если нѣтъ, такъ какъ кончится работа, тутъ и донесешь.

— Слушаю-съ, говоритъ онъ, и отправился.

Жду недѣлю, жду другую — ничего нѣтъ; между тѣмъ выѣхалъ въ уѣздъ и прямо во второй станъ. Опредѣлили тогда мнѣ молодаго становаго пристава: онъ и самъ позашалился и дѣла позапуталъ; надобно было ему пару поддать; пріѣзжаю, начинаю свое дѣло дѣлать, вдругъ тотъ же Пушкаревъ приходитъ ко мнѣ съ веселымъ лицомъ.

— Ваше благородіе, дмитревская, говорятъ, дѣвка, что сбѣжала, явилась.

— А, говорю, доброе дѣло! гдѣ ты узналъ это?

— Матка пришла сюда съ ней въ станъ: къ вамъ просятся!

— Давай ихъ сюда!

Обрадовался, знаете. Входитъ ко мнѣ Устинья, покуда одна.

— Здорово, старуха!

— Здравствуйте, кормилецъ!

— Что, дочку нашла?

— Нашла, родимый!

— Какимъ манеромъ? опять лѣшій подкинулъ?

— Какое, ваше высокоблагородіе, лѣшій! дѣло совсѣмъ другое выходитъ. На васъ только теперь и надежда осталась: не оставьте хоша вы насъ, сиротъ, вашей милостью.

— Идетъ, говорю, только ты много не разглагольствуй, а говори прямо дѣло.

— Нѣтъ, сударь, можо, вы мнѣ и не повѣрите; оспросите ее самое; она сама собой должна заявить; я ее нарочно привела.

— Ладно, говорю, позовите дѣвку.

Входитъ, худая этакая, изнуренная.

— Ну, дѣвица красная, очень радъ тебя видѣть; сказывай, гдѣ ты это пропадала; только, смотри, не лги, говори правду.

— Нѣтъ, сударь, говоритъ, пошто лгать! не для-ча мнѣ теперь лгать: ни себя, ни другихъ не покрою.

— Конечно, говорю, разсказывай, кто тебя сманилъ? и гдѣ ты была во второй и въ первый разъ?

— Въ первой, говоритъ, разъ, сударь, жила я на чердакѣ въ господскомъ домѣ, въ Марковѣ, а второй проживала у погорѣльскаго лѣсника.

— Какъ, говорю, въ господскомъ домѣ? какъ ты туда попала?

Молчитъ.

— Изъ дворовыхъ ребятъ, что ли, тебя кто затащилъ туда?

Потупилась, знаете, этакъ покраснѣла.

— Никакъ нѣтутка-съ, говоритъ.

— Такъ не сама же ты туда зашла! зачѣмъ и для чего?

— Гдѣ, сударь, самой! не сама.

— Такъ кто же? говори наконецъ!

Молчитъ.

— Чтожь молчишь? вмѣшалась мать: — сама, говоритъ, пожелала господину исправнику заявить, а теперь не баешь. Бай ему все. Егоръ, сударь, Парменычъ, управитель нашъ, загубилъ ея дѣвичій вѣкъ. Разсказывай, воровка, какъ дѣло-то было; что притихла?

— Разсказывай, говорю, Марфуша: здѣсь только мать твоя да я; оба тебѣ добра желаемъ. Егоръ Парменычъ, что ли, тебя сманилъ?

Еще пуще моя дѣвка покраснѣла и потупилась въ самую землю.

— Они самые-съ! говоритъ, со вздохомъ.

— Для чего же это, я говорю, онъ тебя сманивалъ? пригуляла, что ли, ты съ нимъ?

Опять молчитъ. Я посмотрѣлъ на матку: та

стоитъ пригорюнившись, и на мои слова кивнула мнѣ головой, и прямо говоритъ:

— Пригуляла, кормилецъ,—таить передъ тобой нечего, пригуляла, страмовщица этакая! Кабы не мое материнское сердце, изорвала бы ее въ куски... Дѣвка песъ — больше ничего — губительница своя и моя!... То мнѣ, кормилецъ, горько, въ кого она, варварка, родилась, у кого брала эти примѣры да науки!

Дѣвка въ слезы, а старуха и пошла трезвонить. Мать-съ, повторяю вамъ прежнюю мою сентенцію: обидно больно, какъ дѣти худо что дѣлаютъ. Я самъ отецъ: по себѣ сужу; только, откровенно вамъ сказать, въ этотъ разъ стало мнѣ больше дочки жаль. Вижу, что у ней слезы горькія, непритворныя.

— Перестань, говорю, сбрехъ: стараго не воротишь; дѣвкѣ не легче твоего. Не слушай, говорю, Марфуша, матери, разговаривай со мной: полюбила, что ли, ты его?

— Да, сударь.

— Очень любила?

— Очень, сударь, большое пристрастіе мое къ нему было.

— Какъ же, говорю, ты такая хорошенькая—и влюбилась въ такую скверную, сальную рожу? Деньгами, что ли, онъ тебя соблазнилъ?

— Нѣту-тка, судырь! дѣло мое дѣвичье: пошто мнѣ деньги! На деньги бы я николи не пошла, если бы не пристрастка моя къ нему.

Я только, знаете, пожалъ плечами,—вотъ, думаю, по пословицѣ, понравится сатана лучше яснаго сокола, и главное, мнѣ хотѣлось узнать, какъ у нихъ все это шло, да и фактами желалъ запастись, чтобъ ужь Егорку цапнуть ловчѣе. Сталъ я ее дальше разспрашивать — только тупится.

— Что же ты, говоритъ ей мать опять:—коли дѣло дѣлали, такъ разсказывай!

— Ничего, говоритъ, мамонька, не стану я говоритъ: какъ, говоритъ, мнѣ про мою стыдобушку самой баять? Ничего я не скажу, а сама, знаете, опять навзрыдъ зарыдала.

Никогда, сударь мой, во всю мою жизнь, во всю мою полицейскую службу, такихъ слезъ не видывалъ. Имѣлъ я дѣло съ ворами, мошенниками настоящими, и многіе изъ нихъ передо мной раскаявались; но этакого, знаете, стыда и душевнаго раскаянія, какъ у этой дѣвки, не встрѣчалъ, и какъ я ее понимаю, такъ она хоть изъ простого званія, а должно быть очень благородна по своимъ чувствамъ: она, напримѣръ, вообразить не можетъ свой проступокъ: это, по моему, признакъ очень хорошій. Я и по дѣламъ замѣчалъ, котораго этакъ начнешь разспрашивать, стыдить, а ему ничего, только и говоритъ: «моя душа въ грѣхѣ, моя и въ отвѣтѣ», — тутъ ужь добра не жди, значитъ человѣкъ потерянный; а эта дѣвушка, вижу, не изъ такихъ. Больше ее разспрашивать мнѣ даже стало жаль.

— Ну, говорю, Марфушка, коли не можешь, такъ и не говори, и велѣлъ, знаете, вытти ей въ сѣни — будто освѣжиться отъ слезъ, — а Устиньѣ мигнулъ, чтобы пріосталась.

— Что, говорю, старуха, хоть ты не знаешь ли, что у нихъ было?

— Выпытывала я, кормилецъ, изъ нея: баяла она мнѣ много; не знаю, все ли правда!

— Какъ и когда, и какимъ это манеромъ, говорю, онъ ее соблазнилъ?

— Вотъ видишь, говоритъ, онъ и напредъ того, на праздникахъ тамъ, али бо-што, часто ко мнѣ наѣзжалъ, иной разъ ночку и двѣ ночуетъ; я, вотъ, хоть убѣй на мѣстѣ, ничего въ замѣтку не брала, а онъ, слышь, по ея рѣчамъ, и въ тѣ поры еще большія ласки ей дѣлалъ.

— А тутъ, говорю, на барщину потребовали?

— Ну, да, родимый, тутъ барщина эта подошла: свиданія у нихъ стали частыя. Онъ ее, слышь, кормилецъ, все въ одиночку на работу посылалъ, то въ саду заставитъ полоть, либо пшеницу тамъ обшастать, баню истопить, бѣлье вымыть, а самъ все къ ней заходитъ, будто надсматривать; хозяйка его тѣмъ лѣтомъ прытко хворала, и онъ, будто, такое имѣлъ намѣренье: «какъ, говоритъ, супружница моя жизнь покончитъ, такъ, говоритъ, Марфушка, я на тебѣ женюсь; баринъ мнѣ невѣстою не постоитъ: кого хочу, того и беру.» Самъ, знаешь, хитрый человѣкъ: хошь кого на словахъ уговоритъ да умас-

литъ; а она что еще? теперь-то разума немного, а въ тѣ поры и подавно... Не была бы она у меня, кормилецъ, такая, кабы не этотъ человѣкъ! Не въ кого быть такой, — хоть бы про себя самоё мнѣ сказать: съ-молода была сердцемъ любчива, а чтобы насчетъ худаго, нѣтъ у насъ такихъ въ роду.

— Это такъ, говорю, старуха, про это и толковать нечего, только мнѣ хочется знать, зачѣмъ онъ ее увозилъ и какъ онъ это сдѣлалъ.

— Увезъ онъ ее, кормилецъ, одно дѣло то, что я отъ задѣлья ее отвела, пошугала тоже маненько: видитъ, на моихъ глазахъ ему дѣлать нечего больше было; а другое: не знаю, можо, ея слова справедливы, а можо и нѣтъ, она мнѣ баяла, что до самого сбѣга ея промежъ ихъ была одна сухая любовь... Пучеглазый его Николашка кучеръ, съ самой весны, живмя жилъ въ нашей деревнѣ: все, знаешь, за охотой ходилъ; мѣста, вишь, у насъ больно хороши для охоты. Черезъ него онъ ей вѣсточку и далъ, чтобы вечеромъ къ нимъ на ободворки вышла. Съ посѣдокъ-то она, кормилецъ, къ нимъ и прибѣжала, а они, сударикъ, ее будто отъ холода и уговорили выпить цѣлый стаканъ винища, — крѣпкаго винища... Дѣвкѣ непривычной много ли надо: съ разу обезпамятѣла! Что у нихъ тутъ было, не знаю; волей, али неволей, только усадили они ее въ сани да въ усадьбу и увезли, и сначала онъ ее, кормилецъ, поселилъ въ барскомъ кабинетѣ,

а тутъ, со страху, что̀ ли какого, али такъ, перевелъ ее на чердакъ, и стала она словно арестантка какая: что хотѣлъ, то и дѣлалъ; а у ней самой, кормилецъ, охоты къ этому не было: съ первыхъ дней она въ тоску впала и все ему говорила: «экое, говоритъ, Егоръ Парменычъ, ты надо мною дѣло сдѣлалъ; отпусти ты меня къ мамонькѣ; не май ты ни ее, ни меня.» Онъ обѣщалъ ей кажиной разъ и все обманывалъ; напослѣдокъ она ему говоритъ, если ты меня изъ моей заперти не выпустишь, такъ я, говоритъ, либо въ окошко прыгну, либо что надъ собой сдѣлаю. Этихъ словъ онъ, кормилецъ, поопасился: «хорошо, говоритъ, Марфушка, я тебя къ матери привезу; только ты ничего не разсказывай, а притворись лучше нѣмой, а если, паче чаянія, какова пора не мѣра, станутъ къ тебѣ шибко приступать или сама собой проговоришь какъ нибудь, такъ скажи, говоритъ, что тебя лѣшій воровалъ, вихремъ унесъ, а что тамъ было, ты ничего не помнишь. Кто бы тебя, говоритъ, не сталъ спрашивать, хоша я самъ али какой чиновникъ, не сговаривай: стой въ одномъ; а нето будетъ хуже: сама пропадешь да и мнѣ не уйти.» Дальше, кормилецъ, что было: самъ знаешь. Послушаться она его точно послушалась, только сердцемъ начала больно тосковать, а съ тоски этой, вѣстимо, и припадки стали приключаться; въ церковь Божію сходить хочется, а выстоять не можетъ. Много разъ, говоритъ, мамонька, сбиралась тебѣ

всю правду открыть, только больно стыдно было.

— По какому же чорту, спрашиваю я, она опять съ нимъ убѣжала?

— Тоже не своей волей: въ тѣ поры, какъ ты къ намъ наѣхалъ и началъ развѣдывать, онъ той же ночью влѣзъ къ ней въ чуланчикъ, въ слуховое окно, и началъ ее пугать: такъ и такъ, говоритъ, Марфушка, за тобой, говоритъ, наѣхалъ исправникъ и онъ тя завтра посадитъ въ кандалы и пошлетъ въ Сибирь на поселенье, а коли хочешь спастись, сбѣги опять со мной; я, говоритъ, спрячу тебя въ такое потаенное мѣсто, что никто николи тебя не отъищетъ. Отъ страху да отъ глупости опять пошла по его стопамъ. Посадилъ онъ ее этимъ разомъ къ лѣснику въ сторожку. Напала на нее пуще того тоска несосвѣтимая, двѣ недѣли только и знала, что исходила слезами; отпускать онъ ее никакъ не отпускалъ, приставилъ за нею караулъ крѣпкій, и какъ ужь она это спроворила, не знаю, только ночью отъ нихъ, кормилецъ, тайкомъ сбѣжала и блудилась по лѣсу, не пимши, не ѣмши двое сутокъ, вышла нали къ Николѣ на Гриву, верстъ за тридцать отъ нашей деревни. Спасибо, что знакомый мужичокъ довезъ. Словно полуумная пришла, повалилась мнѣ въ ноги и все открыла, что те баяла. Какъ хошь, кормилецъ, вѣрь или не вѣрь, а я словечка не прибавила.

— Вѣрю, говорю, и даю тебѣ честное слово,

что я съ вашимъ губителемъ, Егоромъ Парменовымъ, распоряжусь отлично: я давно до него добираюсь!

— Нѣтъ, кормилецъ, отвѣчаетъ мнѣ старуха:— я не то, что къ тебѣ съ жалобой, али тамъ, чтобы ему худо чрезъ насъ было; говорить неча: сама дура-дѣвка виновата,—не оправляю я ее! ты только тѣмъ, родимый, заступись, чтобъ онъ насъ прижимать шибко не сталъ. Желаніе ея теперь ходить по монастырямъ—я ей не поперечу: грѣхи ея большіе, отмаливать надобно. О томъ только, кормилецъ, ты барину и опиши...

Между тѣмъ, знаете, является и сотскій, котораго я командировалъ, и такимъ манеромъ я, чтобы и его испытать, да и матку съ дочкою повѣрить, ихъ сейчасъ въ особую комнату, а его къ себѣ.

— Что, говорю, братецъ, скажешь хорошенькаго?

— Дмитревская дѣвка, говоритъ, ваше благородіе, нашлась, сама пришла къ матери.

— Гдѣ же это она была и пропадала? спрашиваю я, будто самъ, знаете, ничего еще не знаю.

— Была-съ не вдалекѣ: по лѣсу шлялась, съ управителемъ прибаловала. Онъ ей самъ и пристанодержательствовалъ въ тотъ и этотъ разъ.

— Полно, говорю, братецъ, не можетъ быть.

— Вѣрно, ваше благородіе: онъ на эти дѣла преловкій; это не первая-съ.

— Не первая, говорю, значитъ онъ ходокъ?

— Ходокъ съ. Я по вашему приказу обтопталъ всѣ его слѣды, отвѣчаетъ мнѣ сотскій и началъ, знаете, насчитывать: и въ Марковѣ—Палагея да Марья, и въ Варгунихѣ — солдатка Ѳекла, и на мельницѣ — мельничиха, и такъ далѣе.

— Что же, говорю, жена-то его: чего смотритъ?

— До жены не доводятъ, а коли гдѣ сама что замѣтитъ, потачки не дастъ: строго спроситъ.

Я только плюнулъ. Дѣлай онъ это, каналья, гдѣ нибудь въ бойкихъ мѣстахъ — чортъ его дери! а тутъ, знаете, народъ нравственный въ этомъ отношеніи: онъ эту моду завелъ, а съ его примѣра, пожалуй, и другіе начнутъ. Однакожь, чтобъ на словахъ сотскаго не раскусить пустышки, подъ разными предлогами, объѣхалъ я всѣ эти показанныя мѣста, ласками да шуточками повыспросилъ, что мнѣ нужно было: оказалось, что все правда, и только что потомъ я вернулся въ станъ, вдругъ докладываютъ, что Егоръ Парменовъ пріѣхалъ и желаетъ меня видѣть. Милости, говорю, просимъ. Входитъ, расшаркивается. Здравствуйте, говорю, молодой человѣкъ! какъ ваши дѣла и обстоятельства?

— Да что, говоритъ, сударь, дѣла мои плохія: я такъ и такъ наслышенъ, что меня оговариваетъ бѣглая дмитревская дѣвка, аки бы я самъ ее сманивалъ и тамъ будто бы прочее другое.

— Да, говорю, Егоръ Парменычъ, есть такое дѣльце.

— Сдѣлайте милость, батюшка, говоритъ, я, говоритъ, пріѣхалъ просить вашего снисхожденія. Позвольте мнѣ противъ этого имѣть свое оправданіе: это все дѣлается не что иное, какъ по злобѣ противъ меня; на первый разъ точно-съ: какъ эта дѣвка сбѣжала, я, по молодости ея лѣтъ, заступился даже за нее передъ вотчиной, но ей и матери сказалъ такъ, что если будетъ въ другой разъ, такъ не помилую. Она этому не вняла: сдѣлала еще разъ, а теперь, чтобы имѣть увертку, чего лучше — свали на меня, да и баста. Если она говоритъ, что я ее сманивалъ: одинъ я этого сдѣлать не могъ; не въ карманѣ же мнѣ было ее держать! Пусть она покажетъ, кто ее, по моему приказу, держалъ, да тѣхъ людей и спросить: что они скажутъ, тогда и раскроется, кто правъ и кто виноватъ. Про самоё старуху всякій вамъ скажетъ: маята моя изо всей вотчины, хуже всякаго потеряннаго мужика, — хитрая, злобная, грубая; а дочка тоже-съ, яблоко отъ дерева недалеко падаетъ, съ двѣнадцати лѣтъ пошла, можетъ быть, на всѣ четыре стороны. Коли ужь послѣ этого эдакимъ людямъ станутъ вѣру давать, такъ лучше не жить на бѣломъ свѣтѣ.

Слушаю я его и едва только себя сдерживаю: какая-то злоба у меня противъ него родилась; значитъ у человѣка совѣсть потеряна, лжетъ наг-

ло и хоть бы въ одномъ словѣ заикнулся,—какъ по писаному катаетъ.

— Что же, говорю, Егоръ Парменычъ, такъ ужь очень эту дѣвушку ты порочишь? какая нибудь Палагея марковская, солдатка Ѳекла изъ Варгунихи, или тамъ мельничиха не лучше ея.

Онъ немного сконфузился, но на секунду-съ, и опять какъ ни въ чемъ не бывало.

— Я ее, сударь, говоритъ, не порочу противъ другихъ: она или другія прочія всѣ мнѣ равны.

— Полно, говорю, Егоръ Парменовъ, петли мѣшать, фигли-мигли выкидывать: я вашей братьи говоруновъ черезъ свои руки тысячи пропустилъ! по слову разберу, что солгалъ и что правду сказалъ. Тебѣ меня не обмануть: я все знаю.

— Я, сударь, заюлилъ онъ:—не ради обмана, а только припадаю къ вашимъ стопамъ: вотчина начинаетъ противъ меня строить разныя выдумки, заступы я себѣ ни отъ кого не вижу, не замарайте меня, маленькаго человѣка, на вѣки предъ господиномъ, а за добродѣтель вашу я благодарность чувствовать могу, хоть бы изъ денегъ, что ли, али вещами какими не потягощусь, а еще за благодѣяніе сочту.

Я усмѣхнулся, и вздумалось мнѣ, знаете, съ нимъ, мошенникомъ, маленькую шутку съиграть.

— Если, говорю, Егоръ Парменычъ, ты сталъ такимъ манеромъ говорить, такъ дѣло, значитъ, принимаетъ другой оборотъ; какъ бы съ этого ты

началъ, такъ мы, можетъ быть, давно бы все и покончили.

— Не смѣлъ-съ, сударь, говорить; откровенно вамъ доложу, человѣкъ я отъ природы робкій, иной разъ, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, и подступиться къ вамъ не смѣешь: съ вами говорить не то, что съ кѣмъ нибудь — ума вы необыкновеннаго, а мы люди самыхъ маленькихъ понятій.

— Это, говорю, что!—это присказки; а ты мнѣ говори сказку, какъ и что будетъ отъ тебя?

— Я бы, сударь, говоритъ, просилъ васъ самихъ назначеніе сдѣлать. Вы чиновникъ не маленькій: назначать я вамъ не могу, а долженъ только удовлетворить съ удовольствіемъ, чего сами потребуете.

— Хорошо, братецъ, я отъ этого не прочь, изволь, говорю я, только вотъ видишь что: до сихъ поръ я на деньги не шелъ и совѣсти моей не продавалъ, слѣдовательно мнѣ на первый разъ за пустяки ее уступить не слѣдуетъ—десяти цѣлковыхъ не возьму.

— Какъ возможно-съ десять цѣлковыхъ! совѣсть—вещь драгоцѣнная, возражаетъ онъ мнѣ.

— Не то что, говорю я, совсѣмъ ужь драгоцѣнная, а за твое, напримѣръ, дѣло можно взять тысченокъ сто на ассигнаціи.

Его, знаете, такъ и попятило: и смѣется, и поблѣднѣлъ, и не знаетъ, какъ понять мои слова.

— Какъ, сударь, говоритъ, сто тысячъ!

— А что же такое! говорю я.

— Очень много-съ, говоритъ, эдакихъ денегъ у меня и въ рукахъ не бывало, мнѣ и не сосчитать.

— Ничего, говорю, вмѣстѣ сосчитаемъ; не обочту, не бойся.

— Оно точно-съ, только, сударь, помилуйте, сумма-то ужь эта ни съ чѣмъ несообразна.

— Отчего жь несообразна? у тебя, я думаю, въ карманѣ лежитъ около того, а чего недостанетъ, я и въ долгъ повѣрю.

— И сотой части, сударь, около того нѣтъ. Шутить надо мной изволите; я не больше того, какъ въ шутку принимаю ваши слова.

— То-то и есть, любезный, началъ ужь я ему говорить серьёзно:—хорошо, что ты скоро догадался. Неужели же ты думаешь, что я изъ-за денегъ стану съ тобой за одно плутовать и мошенничать?

И началъ ему потомъ высчитывать вся и все: всѣ ему его добрыя дѣянія представилъ, какъ въ зеркалѣ; но... какъ бы вы думали, милостивый государь... у него достало духу отъ перваго до послѣдняго моего слова во всемъ запереться: по его понятію, правѣй человѣка на свѣтѣ нѣтъ! Хоть бы маленькое раскаяніе въ томъ, что дурно дѣлалъ! Толковалъ, толковалъ съ нимъ такъ, что въ горлѣ пересохло, наконецъ выслалъ отъ себя

и съ первой же почтою написалъ барину письмо, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ. Что будетъ на это письмо, не знаю-съ, а жду отвѣта съ большимъ нетерпѣніемъ.

III.

Слѣдствіе мы производили около двухъ недѣль. Передъ самымъ потомъ отъѣздомъ, исправникъ пришелъ ко мнѣ съ торжествующимъ лицомъ.

— Что это, Иванъ Семенычъ, вы сегодня что-то очень веселы? замѣтилъ я ему.

— Да-съ, веселенекъ, отвѣчалъ онъ: — потому что я сегодня получилъ письмо отъ барина Егора Парменова, которое душевно меня порадовало.

— Какого же содержанія? спросилъ-было я.

— Ну, ужь этого я теперь вамъ не скажу, а вы сами увидите, когда поѣдемъ назадъ черезъ Марково, сказалъ онъ, и во всю дорогу, несмотря на мои распросы, ничего мнѣ не объяснилъ, а, пріѣхавъ въ Марково, велѣлъ собрать сходъ.

Егоръ Парменовъ сейчасъ явился къ намъ, блѣдный, худой, такъ что я его едва узналъ.

— Батюшка Иванъ Семенычъ, отнесся онъ прямо къ исправнику: — позвольте мнѣ съ вами два слова наединѣ сказать.

— Да зачѣмъ же наединѣ? возразилъ ему тотъ: —

если тебѣ что нужно, такъ говори и при господинѣ чиновникѣ. Секретовъ у меня съ тобою не было, да и быть не можетъ.

— Это дѣла-съ собственныя мои, домашнія, такъ какъ я получилъ отъ господина моего письмо, съ большими къ себѣ и женѣ моей выговорами,—за что и про что, не знаю; только и сказано, чтобъ я сейчасъ же исполнилъ какое отъ васъ будетъ приказаніе. Разрѣшите сударь, Бога ради, какъ и что такое? я однимъ мнѣніемъ измучился пуще Богъ знаетъ чего.

— Приказаніе мое я объявлю тебѣ на сходкѣ, отвѣчалъ исправникъ.

— Сходка готова; только мнѣ до сходки желалось бы знать ваше распоряженіе, проговорилъ Егоръ Парменовъ.

— А коли готова, такъ и пойдемъ, сказалъ исправникъ и пошелъ.

Я послѣдовалъ за нимъ, Егоръ Парменовъ тоже. Проходя мимо флигеля, въ которомъ тотъ жилъ, исправникъ обернулся къ нему и сказалъ:

— Потрудись, Егоръ Парменычъ, зайти и за женою: надобно, чтобы и она тамъ была.

— Да она-то тамъ зачѣмъ же нужна-съ!

— Да такъ ужь, такъ надобно.

Егоръ Парменовъ пожалъ плечами, пошелъ во флигель, но скоро вернулся.

— Нельзя ли, батюшка, жены не требовать: женщина она непривычная, на сходкахъ мужиц-

кихъ не бывала. Сдѣлайте-съ такую Божескую милость, освободите ее, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, любезный, нельзя — такое ужь дѣло идетъ — нельзя, возразилъ хладнокровно исправникъ.

Егоръ Парменовъ вздохнулъ, махнулъ рукою и пошелъ опять во флигель.

— Иванъ Семенычъ, не жестоко ли это? замѣтилъ я ему.

— Ничего-съ! она вотъ услышитъ и распорядится съ супругомъ лучше всѣхъ насъ.

Мы вошли въ сборную избу, гдѣ ужь была цѣлая толпа мужиковъ.

— Здравствуйте, братцы! сказалъ исправникъ.

— Здорово, бачка! здорово, кормилецъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Какъ живете-можете?

— Помаленьку, кормилецъ! Какъ твое благополучіе?

— Тоже помаленьку: живу да хлѣбъ жую.

— И дай те Господи много лѣтъ жить да здравствовать, сказали мужики, всѣ въ одинъ голосъ.

— Спасибо, ребята, отвѣчалъ Иванъ Семенычъ и потомъ, оглядѣвъ толпу, прибавилъ: — а что, Петръ Ивановъ здѣсь?

— Здѣсь, судырь, отвѣчалъ изъ толпы, выступивъ немного впередъ, какъ лунь сѣдой старикъ, который, по своей почтенной наружности, былъ какъ отлетный соболь между другими мужиками.

— Ну что, старина, каково твое здоровье? поправляется ли?

— Нешто, судырь; не противъ прежняго, а все надо Бога благодарить. Съ нынѣшняго лѣта начинаю напольную работу поработывать.

— Это-съ, рекомендую вамъ, отнесся ко мнѣ исправникъ: — прежній здѣшній бурмистръ, старикъ добрый, честный, богомольный, начетникъ священнаго писанія.

— Благодарствую, что хвалить изволишь, а ужь какое наше читанье: въ книгѣ видимъ одно, а дѣлаемъ другое.

— Его, вотъ видите, продолжалъ Иванъ Семенычъ, обращаясь опять ко мнѣ: — смѣняли съ его должности совершенно безвинно, и это его такъ огорчило, что съ нимъ апоплексическій ударъ сдѣлался... Что ты, съ годъ или больше не владѣлъ рукой то?

— Больше, судырь: года съ полтора наберется; поначалу думалъ и не встать, да Творецъ Небесный, по милосердію своему, видно, покаянія ждетъ и даетъ пожить еще на бѣломъ свѣтѣ. Тогда, по слабости человѣческой, барскій гнѣвъ очень къ сердцу принялъ. Хлибки мы: какъ что не по насъ-то, сейчасъ и въ ропотъ, – къ мірскому-то большую привязку имѣемъ.

— Ну, а писать-то можешь? еще не разучился? спросилъ исправникъ.

— Пишу еще; земскимъ я теперь отъ управителя поставленъ: письма-то много.

— Какъ земскимъ? спросилъ Иванъ Семенычъ.— Я этого и не зналъ. Это, значитъ, онъ тебя ужь совсѣмъ своимъ подначальнымъ сдѣлалъ.

— Не знаю, судырь: его дѣло и его разумѣнье; только то, что должность эта мнѣ маненько не по лѣтамъ. Онъ, вонъ, ужь и самъ въ очки смотритъ, а я, пожалуй, годовъ на тридцать постарше его, отвѣчалъ старикъ.

— А что, братцы, началъ Иванъ Семенычъ, послѣ минутнаго молчанія, обращаясь къ мужикамъ: — какъ вы думаете и желаете, не лучше ли бы было, если бы вами опять началъ управлять Петръ Ивановъ, а Егора Парменова въ смѣну?

При этомъ объявленіи старикъ остался совершенно спокоенъ; у мужиковъ на всѣхъ почти лицахъ отразилось удовольствіе, и всѣ они переглянулись между собою.

Рыжій мужикъ, споривщій съ Егоромъ Парменовымъ въ тотъ нашъ проѣздъ, первый заговорилъ:

— Это бы, ваше высокородіе, лучше не надо быть,—въ глаза и за глаза скажемъ: Егору Парменычу противъ Петра Иваныча не начальствовать.

— Это ты, братецъ, говоришь одинъ, возразилъ исправникъ:—а что скажетъ міръ? говорите, братцы, всѣ вдругъ, какъ вы думаете?

— А что, бачка, міромъ те скажемъ: за Петра

Иваныча мы окромя только Бога молили, а отъ Егора Парменыча временемъ, пожалуй, жутко бываетъ! — послышалось разомъ нѣсколько голосовъ.

— Одинъ въ дѣлѣ, по разсудку, спроситъ, а другой просто те сказать обидчикъ: оборветъ да облаетъ — вотъ те и порядки всѣ, добавилъ рыжій мужикъ.

На эти слова вошелъ Егоръ Парменовъ, вмѣстѣ съ женою своею, которая точно была премодная, собою недурна; одѣлась она, вѣроятно, для внушенія къ себѣ вящшаго уваженія, въ шолковое платье и даже надѣла шляпку, а въ рукахъ держала зонтикъ; вошла она прямо и довольно дерзко обратилась къ исправнику:

— Что такое вамъ угодно отъ меня?

— Сейчасъ, милостивая государыня, отвѣчалъ тотъ, и, ставъ по срединѣ избы, вынулъ изъ бокового кармана письмо.

— Это я, началъ онъ, читаю письмо вашего господина:—«Милостивый государь, Иванъ Семенычъ! Приношу вамъ мою чувствительную благодарность за увѣдомленіе о безпутствахъ моего управителя — Егора Парменова. Оставить его въ настоящей должности я считаю вреднымъ для себя и для имѣнія, и потому покорнѣйше прошу, по добротѣ вашей, принять участіе и немедленно сдѣлать распоряженіе о смѣнѣ его и о назначеніи въ управляющіе болѣе благонадежнаго, по усмо-

трѣнію вашему, человѣка; онъ же, какъ обманувшій мое довѣріе, долженъ поступить заурядъ въ число дворовыхъ людей.»

Егоръ Парменовъ, поблѣднѣвшій, какъ преступникъ въ минуты объявленія ему судебнаго приговора, прислонился только къ стѣнѣ, а жена его зарыдала, — но, впрочемъ, проговорила:

— Что такое вы писали!.. Мы сами тоже будемъ господину писать: можетъ быть, будетъ что нибудь и другое!

— Пишите, сударыня; и я желаю отъ души вашему мужу оправдаться, возразилъ Иванъ Семенычъ. — Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ты меня, Егоръ Парменычъ, впослѣдствіи не обвинилъ, что я на тебя что нибудь налгалъ или выдумалъ, такъ вотъ, братцы-мужички, что я писалъ къ вашему барину, и затѣмъ — вынувъ изъ кармана черное письмо, прочиталъ его во всеуслышаніе. Въ письмѣ этомъ было написано все, что онъ мнѣ говорилъ.

— Солгалъ ли я, выдумалъ ли я тутъ, братцы, что нибудь? заключилъ онъ, обращаясь къ мужикамъ.

Управительница взглянула на мужа такъ, что мнѣ сдѣлалось страшно за него.

— Ничего этого и въ помышленіяхъ моихъ не бывало; я и съ-молоду этими дѣлами не занимался, а не то, что по теперешнимъ моимъ заботамъ. Выдумать на человѣка по злобѣ можно все! возразилъ-было онъ.

Нѣкоторые изъ мужиковъ усмѣхнулись.

— Ну какъ, Егоръ Парменычъ, не бывало! сказалъ опять рыжій мужикъ, видно, заклятой въ душѣ врагъ его: — доказывать-то на тебя не смѣли, а можо, бывало и больше... гдѣ лаской, а гдѣ и другимъ бралъ...

— Вмѣсто Егора Парменова, заговорилъ опять исправникъ, — я назначаю, по вашему желанію, Петра Иванова. Желаете ли вы?

— Желаемъ, бачка, всѣ мы того желаемъ.

— Стало быть, дѣлу такъ. Ты, Егоръ Парменовъ, изволь сдать всѣ счеты и отчеты руками, а ты, Петръ Ивановъ, прими аккуратнѣе, на себя ничего не принимай: самъ послѣ отвѣчать будешь.

— Прощайте, братцы! прощай, Егоръ Парменовъ! не пѣняй на меня: сама себя раба бьетъ, коли нечисто жнетъ, заключилъ Иванъ Семенычъ, и мы съ нимъ вышли и тотчасъ же выѣхали.

Два совершенно противоположныя чувствованія овладѣли мною: я и радъ былъ униженію, которымъ наказанъ былъ Егоръ Парменовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣка, жаль его было. Иванъ Семенычъ былъ тоже мраченъ. Я откровенно высказалъ ему свои мысли.

— Я самъ тоже чувствую-съ, отвѣчалъ онъ: —

да что прикажете дѣлать! на крапиву надобенъ морозъ; промиротворь одному худому человѣку, такъ онъ сотнѣ хорошихъ людей сдѣлаетъ зло.

IV.

Черезъ годъ спустя пришелъ ко мнѣ изъ Кокинскаго уѣзда мужичокъ, предобродушный на лицо и немного пьянъ, поклонился сначала отъ исправника и началъ просить о своемъ дѣлѣ, котораго, какъ водится, не съумѣлъ растолковать.

— Да ты чей? спросилъ я его.

Онъ сказалъ: оказалось, что марковскаго господина. — Кто у васъ — Петръ Ивановъ ныньче управителемъ? сталъ я его разспрашивать.

— Нѣту, родименькой, отвѣчаетъ онъ: — Петръ Иванычъ — дай ему Богъ царство небесное — побывшился; теперь не Петръ Иванычъ — другой.

— Кто же такой?

— Изъ нашихъ же, бачка, мужичковъ. Баринъ ладилъ было такъ, что изъ Питера наслать, али тамъ нанять того, да Иванъ Семенычъ зартачился: вы, говоритъ, кого хотите тамъ выбирайте, а я, говоритъ, своего поставлю, — своего и посадилъ.

— Ну, а прежній, спросилъ я: — гдѣ управитель, который до Петра Иванова былъ?

— Прежній-то?

— Да, прежній.

— О... это лѣшій-то... какъ его по имени-то, песъ дралъ, и забылъ ужь.

— Егоръ Парменовъ, подхватилъ я.

— Такъ, такъ, бачка, Егоръ Парменовъ... тутъ же, при усадьбѣ, живетъ.

— Отчего же онъ лѣшій-то?

— Прозваніе ужь у насъ ему, кормилецъ, такое идетъ: до дѣвокъ да до бабъ молодыхъ былъ очень охочъ. Вотъ, тоже эдакъ, дѣвушку изъ Дмитрева отъ матки науводъ увелъ, а опосля, какъ отпустилъ, и велѣлъ ей на лѣшаго сговорить. Исправникъ толда объ этомъ дѣлѣ спознялъ—наѣхалъ: ну, такъ будь же ты, говоритъ, и самъ лѣшій; такъ, говоритъ, братцы-мужички, и зовите его лѣшимъ. А мы, дураки, чему и рады: съ правителей-то его тѣмъ времечкомъ смѣнили—посмѣлѣй стало... лѣшій да лѣшій... такъ лѣшимъ и остался.

— Гдѣ же теперь эта дмитревская дѣвка?

— При маткѣ, бачка, при матери живетъ.

— Замужъ не вышла?

— Ну дѣ, родимой, гдѣ ужь?.. Хошь и мужички, а обѣгаемъ этого: парнишку тоже принесла; матка ладила — боло подкинуть, такъ Марфутка сама не захотѣла: я, говоритъ, въ грѣхѣ, я и въ отвѣтѣ. Дикая теперь, такая теперь стала дѣвка, слова съ народомъ не промолвитъ! Богомольствуетъ все... по богомольямъ ходитъ.

— Ну, а жена Егора Парменова гдѣ?

— При немъ, бачка, живетъ; тоже по немъ и ее лѣшачихой дразнятъ.

— А ее-то за что же?

— Сердцемъ-то она ужь больно люта, да и на руку дерзка; теперь ужь воли-то ни надъ кѣмъ нѣтъ, такъ съ мужемъ батальствуютъ, до того дерутся да лаются, что въ избѣ-то ужь мѣста мало: на улицу выбиваются — прямые лѣшіе!..

Августа 22. 1853.

III.

ПЛОТНИЧЬЯ АРТЕЛЬ.

I.

Зиму прошлаго года я прожилъ въ деревнѣ, какъ говорится, въ четырехъ стѣнахъ, въ старомъ, мрачномъ домѣ, никого почти не видя, ничего не слыша, посреди усиленныхъ кабинетныхъ трудовъ, имѣя для своего развлеченія однѣ только трехверстныя поѣздки по непромятой дорогѣ, и потому читатель можетъ судить, съ какимъ нетерпѣніемъ встрѣтилъ я весну. И — Боже мой! какъ хороша показалась мнѣ оживающая природа, и какую тонкую способность получилъ я наслаждаться ею, способность, которая — не могу скрыть — была мною утрачена въ городской жизни, посреди чиновничьихъ и другаго рода мірскихъ треволненій. Настоящимъ образомъ таять

начало съ апрѣля, и я ужь цѣлый день оставался на воздухѣ, походя на больнаго, которому, послѣ полугодичнаго заключенія, разрѣшены прогулки, съ тою только разницею, что я не боялся ни катарра, ни ревматизма, ходилъ въ легкомъ платьѣ, смѣло промачивалъ ноги и свободно вдыхалъ свѣжій и сыроватый воздухъ. Протаявшій на пригоркѣ лугъ сдѣлался для меня предметомъ неутомимаго вниманья: понѣскольку разъ въ день я наблюдалъ, какъ онъ больше-и-больше расширяется, свѣжѣй-и-свѣжѣй зеленѣетъ; появившіяся на садовыхъ вербахъ почки я почти пересчитывалъ, какъ-будто бы въ нихъ было все мое богатство. Съ какимъ живымъ чувствомъ удовольствія поѣхалъ я, едва пробираясь, верхомъ, по проваливающейся на каждомъ шагу дорогѣ, посмотрѣть на свою родовую рѣчку, которую лѣтомъ курица перейдетъ, но которая теперь, несясь широкимъ разливомъ, уносила льдины, руша и ломая все, попадающее ей навстрѣчу: и сухое дерево, поваленное въ ея русло осеннимъ вѣтромъ, и накатъ съ моста, и даже вершу, очень бы, кажется, старательно прикрѣпленную старымъ поваромъ, ради заманки въ нее неопытныхъ щуратъ Цѣлую недѣлю на небѣ хоть бы облачко; солнце съ каждымъ днемъ обнаруживаетъ больше-и-больше свою теплотворную силу и припекаетъ гдѣ нибудь у стѣны точно лѣтомъ. И сколько птицъ появилось, и какъ онѣ всѣ вдругъ ожили, откуда прилетѣли и всѣ поютъ: токуютъ на

своихъ сладострастныхъ ассамблеяхъ тетерева, свищетъ по временамъ соловей, кукуетъ однообразно и печально кукушка, чирикаютъ воробьи; тамъ откликнется иволга, тамъ прокричитъ коростель... Господи! сколько силы, сколько страстности, и въ то же время сколько гармоніи въ этихъ звукахъ оживающаго міра! Но вотъ снѣгу больше нѣтъ: лошадей, коровъ и овецъ, къ большому ихъ, сколько можно судить по наружности, удовольствію, сгоняютъ въ поля — наступаетъ рабочая пора; впрочемъ, весной работа еще ничего — не такъ торопятъ: съ Христова дня по Петровъ постъ воскресенья называются *гулящими;* въ поляхъ возятся только мужики; а бабы и дѣвки еще ткутъ красна и, которыя изъ нихъ помоложе и повеселѣй, да посвободнѣй въ жизни, такъ ходятъ въ сосѣднія деревни или въ усадьбы на гульбища; ихъ обыкновенно сопровождаютъ мальчишки въ ситцевыхъ рубахахъ и непремѣнно съ крашенымъ яйцомъ въ рукѣ. Гульбища эти по нашимъ мѣстамъ нельзя сказать, чтобъ были одушевлены: бабы и дѣвки больше стоятъ, переглядываются другъ съ другомъ и, долго-долго сбираясь и передумывая, станутъ наконецъ въ хороводъ и запоютъ безсмертную: «Какъ по морю, какъ по морю»; причемъ одна изъ дѣвокъ, надѣвъ на голову фуражку, представитъ парня, убившаго лебедя, а другая — красну дѣвицу, которая подбираетъ перья убитаго лебедя дружку на подушечку; или, раздѣлясь на два города,

ходятъ другъ къ другу навстрѣчу и поютъ — однѣ «А мы просо сѣяли, сѣяли», а другія «А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ». Самой живой сценой бываетъ, когда какой-нибудь мальчишка покатится вдругъ колесомъ и врежется въ самый хороводъ, причемъ какая-нибудь баба, посердитѣе на лицо, не упуститъ случая, проговоря «я ти, пёсъ-баловникъ этакой!» толкнуть его ногой въ бокъ, а тотъ повалится на землю и начнетъ дрегать ногами: дѣвки смѣются... Иногда привяжется къ хороводу только-что воротившійся съ базара пьяный мужичонка, и туда же лѣзетъ цаловаться съ дѣвками, которыя покрасивѣе; но этакого срамного кто ужь поцалуетъ? такъ онъ начнетъ выкидывать другія штуки: возьметъ, напримѣръ, двѣ палки, изъ которыхъ одну представитъ будто смычокъ, а изъ другой скрипку и начнетъ наигрывать языкомъ *комаринскую*, или нагонитъ какого-нибудь мальчишку, стащитъ съ него сапогъ силой, возьметъ этотъ сапогъ какъ балалайку и, тоже наигрывая языкомъ комаринскую, пустится плясать и, поднявъ на улицѣ своими лаптями страшную пыль, провалится наконецъ куда нибудь; хороводницы послѣ этого еще постоятъ, помолчатъ, пропоютъ иногда «Калинушка съ малинушкой лазоревый цвѣтъ», мальчики еще подерутся между собой и затѣмъ начнутъ расходиться по домамъ... Вотъ вамъ и игрище все!

Между тѣмъ, время идетъ: яровое допахиваютъ.

Вечеръ ясный, теплый. Я сижу на задней галереѣ дома, обращенной во дворъ. Въ залѣ шумятъ двое маленькихъ сыновей: старшему, Павлу, четвертый, а младшему, Николаю, второй годъ. Они всѣми силами стараются перекричать другъ друга, вскрикивая «пли, пли, пли!» Это они играютъ въ солдаты и воюютъ съ турками; вдругъ одинъ заревѣлъ. «Поля! ты опять брата дразнишь?» кричу я, напередъ зная, что старшій, буянъ, обидѣлъ младшаго, и хочу идти; но слышу пришла мать: она лучше возстановитъ миръ. Поля пренаивно объявилъ, что онъ братца пикой закололъ; ему объясняютъ, что братца стыдно колоть пикой, потому что братецъ маленькій, и, въ наказанье, уводятъ въ гостиную, говоря, что его не пустятъ гулять больше на улицу и что онъ долженъ сидѣть и смотрѣть книжку съ картинками; а Колю, между тѣмъ, успокоивъ леденцомъ, выносятъ ко мнѣ на галерею. Онъ такъ огорченъ, что все еще продолжаетъ всхлипывать; большіе голубые глазенки полны слезъ.

— Что, Коля, тебя обидѣли? говорю я, беря его за подбородокъ.

Онъ нѣсколько времени смотритъ на меня, потомъ прижимаетъ головку къ плечу няньки и, какъ бы вспомнивъ тяжко-нанесенную ему обиду, горько-горько опять заплачетъ.

— Полно, батюшка, полно! Вонъ, посмотри, какая идетъ а, а, а, кошка, кошка, кисъ, кисъ,

кисъ!... говоритъ ему въ утѣшенье нянька, показывая на перебирающуюся по забору кошку.

Ребенокъ занялся.

— Кисъ, кисъ, кисъ! шепчетъ онъ тихонько.

— Да, батюшка, кисъ, кисъ, кисъ, повторяетъ за нимъ нянька, и оба, очень довольные другъ другомъ, отправляются въ залу баюкаться.—Бай, бай, бай! начинаетъ напѣвать старуха. «О, о, о!» ѐкается ребенокъ, а я все еще продолжаю сидѣть: не хочется въ комнаты, отрадно на воздухѣ, хоть и становится свѣжо. Однако дѣдушка Ѳаддей прошелъ ужь за квасомъ—значитъ, девятый часъ въ исходѣ. Дѣдушка Ѳаддей только три раза въ день (передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ) слѣзаетъ съ печи и ходитъ за квасомъ и—не безпокойтесь, никогда не опоздаетъ; всегда первый нацѣдитъ изъ общественной квасницы въ свой буракъ: не любитъ жидкаго квасу; ну, а дворня не маленькая, какъ разъ сольютъ и набурятъ водой. Чалый меринъ, которому дозволено гулять въ саду по дряхлости лѣтъ и за услуги, оказанныя еще въ юности, по случаю секретныхъ поѣздокъ верхомъ, верстъ за шесть, за пять, въ самую глухую полночь и во всевозможную погоду — чалка этотъ вдругъ заржалъ; это значитъ, слышитъ лошадей — такой ужь конь табунный, живъ—сгорѣлъ по своемъ братѣ; значитъ, это съ поля ѣдутъ. Сначала показываются боронщики-мальчишки, верхами на лошадяхъ; Васька, сынъ кучера, обыкновенно впереди всѣхъ и, что есть

духу, мчится, но, завидѣвъ меня, поѣхалъ шагомъ. Этакого сорванца-мальчишки и вообразить трудно: его пошлютъ, напримѣръ, за грибами, а онъ поймаетъ въ полѣ чью нибудь чужую лошадь, взнуздаетъ ее веревкой, да верстъ въ десять конецъ и дастъ взадъ и впередъ.

«Однако, что жь это оральщики не шабашатъ?» думаю я самъ съ собою: «но и оральщики отшабашали, ѣдутъ! Это можно догадаться по крику задѣльнаго мужика, Петра Завирохи; не зная, можно подумать, что онъ съ кѣмъ-нибудь бранится, а вовсе нѣтъ: отъ только говоритъ, и безпрестанно говоритъ, и все крикомъ кричитъ; поэтому его Завирохой и прозвали. Отъ оральщиковъ отдѣлился староста, худощавый и съ озабоченнымъ лицомъ мужикъ, отличающійся отъ прочихъ только тѣмъ, что въ сапогахъ и съ палочкой, но, какъ и всѣ другіе, сильно загорѣлый и перепачканный въ грязи; онъ входитъ на красный дворъ, снимаетъ шапку и подходитъ къ периламъ галереи.

— Здравствуй, Семенъ; надѣвай шапку. Что скажешь хорошаго? говорю я.

— Овесъ выкидали, отвѣчаетъ Семенъ неторопливо.

— Ну, и слава Богу! во-время, значитъ, управляемся; теперь, стало-быть, ячмень и ленъ только остался, продолжаю я.

— Ленъ и ячмень остался теперь, подтверждаетъ Семенъ.

Нѣсколько времени мы оба молчимъ.

— Теперь бы дождичка надо, замѣчаю я.

Семенъ вздыхаетъ.

— Не мѣшало бы и дождичка, соглашается онъ.

Вообще, онъ говоритъ какъ-то лѣниво: видно, усталъ, да и... Я, впрочемъ, понимаю, что это значитъ.

— Эй! кто тамъ? кричу я: — скажите ключницѣ, чтобъ дала старостѣ водки.

Лицо Семена въ минуту освѣщается удовольствіемъ; ключница выноситъ стаканъ водки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полломтя густо-насоленаго хлѣба. Она, по разнымъ сношеніямъ, большая пріятельница Семену и всѣхъ почти дѣтей у него крестила.

Семенъ беретъ стаканъ, крестится и, проговоря:

— Съ засѣвомъ, батюшка, поздравляю! выпиваетъ сразу и потомъ морщится.

— Закусите, говоритъ ключница, подавая ему хлѣба.

Семенъ отламываетъ небольшой кусочекъ, съѣдаетъ и откашливается.

— Озими, сударь, ныньче, слава Богу, хороши подымаются, заговариваетъ ужь онъ самъ.

— Хороши, братецъ, хороши, видѣлъ я; и травы, кажется, тоже будутъ порядочныя.

— Травы важныя засѣли-съ, подтверждаетъ Семенъ: — весна-то ныньче, сударь, что Богъ дастъ

впередъ, вольготна для всего идетъ; оно, выходитъ, тепло, да и дождички перепадаютъ.

— Заморозковъ чтобъ не было—это вотъ скверно для всего, замѣчаю я.

Семенъ усмѣхается.

— Пожалуй, что того и жди, подтверждаетъ онъ. — Покойный вашъ папенька тоже говаривалъ, какъ, этакъ, съ весны теплая погода начнетъ: «ну, говоритъ, будетъ вычетъ; какъ подуетъ отъ Николы любезный, такъ и ходи недѣли двѣ въ шубахъ.»

(Никола—приходъ, отъ насъ въ сѣверной сторонѣ).

— Неужели каждый годъ это бываетъ?

— Почесть, что каждый годъ, что вотъ я ни живу; Богъ знаетъ, отчего это! кто говоритъ, что пахать начнутъ, пластъ поднимутъ, такъ земля изъ себя холодъ дастъ, а кто и на черемуху приходитъ, что какъ черемуха цвѣтетъ, такъ отъ нея сиверко дѣлается... Богъ знаетъ, какъ и сказать.

— Это воля Божья, братецъ; значитъ, такъ надо, говорю я ему на это, и прибавляю:—куда завтра народъ пошлешь?

— Завтра на дороги надо выгнать: выбиваютъ. Сотской два раза прибѣгалъ, исправникъ его хлестать хочетъ, что дороги долго не чинятъ.

— Ну, на дороги, такъ на дороги, откладывать нечего въ дальній ящикъ, не отвертишься! говорю я.

— Извѣстно-съ, соглашается Семенъ: — за нами, хоть бы и безъ васъ, прибавляетъ онъ: — хошь кого извольте спросить, никогда супротивъ прочихъ ни въ чемъ остановки нѣтъ; какъ другіе вышли, такъ и мы.

— Это хорошо; такъ и надо. Ступай, однако, отдыхай, заключаю я. Семенъ сначала пошелъ-было, но потомъ пріостановился, подумалъ немного и опять воротился ко мнѣ.

— Насчетъ плотника вы приказывали... проговорилъ онъ.

— Ну, да; что жь?

— Наказывалъ я: на этой недѣлѣ обѣщался побывать.

— И хорошо; только сдѣлаетъ ли онъ ригу-то?

— Какъ бы, кажись, не сдѣлать: по мужикамъ здѣсь на всемъ околодкѣ работаетъ; рига не какая хитрость, не барскія хоромы.

Тѣмъ разговоръ мой съ Семеномъ и кончился.

II.

Дня черезъ три, я сижу въ кабинетѣ, который, какъ водится въ помѣщичьихъ домахъ, прилегаетъ къ лакейской; слышу, кто-то вошелъ. Я окрикнулъ; вмѣсто отвѣта, въ сопровожденіи Семена, вошелъ мужикъ небольшаго роста, съ

татарскимъ отчасти окладомъ лица: глаза угловатые, лицо карявое, на бородѣ нѣсколько волосковъ, но мужикъ хоть и изъ простыхъ, а, должно быть, франтоватый: голова расчесанная, намасляная, въ сурмленной поддѣвкѣ на распашку, въ пестрядиной рубашкѣ, съ шелковымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ мѣдный гребень, въ новыхъ сапогахъ и съ поярковой шляпой въ рукахъ. Какъ вошелъ, такъ и началъ молиться, и молился долго, потомъ вдругъ подошелъ ко мнѣ, и не успѣлъ я опомниться, какъ онъ схватилъ и поцаловалъ у меня руку. Мнѣ это съ перваго раза не понравилось.

— Что̀ это за глупости? сказалъ я съ сердцемъ, отнимая руку.

Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Это, ваше высокоблагородіе, такъ слѣдствуетъ: когда выходитъ господинъ, значитъ опосля Бога и царя первый, ваше высокопривосходительство, проговорилъ онъ съ умилительной физіономіей.

— Да кто ты такой? что ты за человѣкъ?

— Пузичъ, ваше привосходительство.

— Что̀ такое Пузичъ?

— Фамилья такая у меня, значитъ, ваше привосходительство, и такъ-какъ таперича наслышанъ я, что работа у васъ имѣется, ваше привосходительство, что ежель таперича вамъ мастера хорошаго надобно, чтобъ въ настоящемъ

видѣ могъ представить, ваше привосходительство...

— Плотникъ это-съ, что эт-то говорили, разрѣшилъ наконецъ Семенъ.

— А! плотникъ! Я и не догадался. Красно ужь очень говоришь ты, братецъ, сказалъ я.

Похвалу эту Пузичъ принялъ за чистую монету.

— Нельзя, ваше высокопривосходительство, намъ разговору не знать: ежель таперича дѣла имѣемъ мы съ господами хорошими, значитъ, компанію имъ должны сдѣлать завсегда, ваше привосходительство.

— Конечно, сказалъ я: — только такъ ли ты хорошо строишь, какъ говоришь?

— Работа моя, ваше привосходительство, извольте хоть вашего Семена Яковлича спросить, здѣсь на-знатй; я не то, что плутъ какой-нибудь, али мошенникъ; я одного этого безчестья совѣстью не подниму взять на себя, а, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, должóнъ сказать, колесо мое большое, ваше привосходительство, должóнъ благодарить Владычицу нашу, Сѣнновскую Божью Матерь, тѣмъ, что могу угодить господамъ. Таперича, хоша бы карандашомъ рисовка на планѣ, али, примѣрно, циркулемъ, али теперь по ватерпасу прикинуть — все въ разумѣ моемъ имѣть могу, ваше привосходительство.

Семенъ усмѣхался и качалъ головой.

— Какъ же, братецъ, ты вотъ все это въ разумѣ имѣешь, а работаешь больше по мужикамъ? замѣтилъ я.

— Нѣтъ, ваше привосходительство, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, говорю: за безчестье себѣ считаю у мужика работать. Что мужикъ?—дуракъ, такъ-сказать, больше ничего! возразилъ Пузичъ.

— Да вѣдь и ты не княжескаго рода. Говори дѣло-то, а не то, что... вмѣшался Семенъ.

— Извѣстно, слово твое настоящее, Семенъ Яковличъ, коли говорить, такъ говорить надо дѣло, отвѣчалъ, не сконфузясь, Пузичъ.

Онъ началъ производить на меня окончательно-непріятное впечатлѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нѣсколько-лѣнивую и флегматическую фигуру моего Семена, который слушалъ все это съ тѣмъ худо-скрытымъ невниманьемъ и презрѣньемъ, съ какимъ обыкновенно слушаетъ хорошій мужикъ плутоватую болтовню своего брата.

— Брать ли намъ его? спросилъ я Семена.

Онъ посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Возьмите. Здѣсь ишь какая сторонка—глушь: хоть бы и изъ ихъ брата, первой, другой, да, пожалуй, и обчелся.

— Безъ сумлѣнія будьте, ваше привосходительство, сдѣлайте такую милость! подхватилъ Пузичъ.

— Что жь ты возьмешь? какъ твоя цѣна будетъ? спросилъ я.

— Цѣна моя, ваше привосходительство, началъ Пузичъ: — будетъ деревенская, не то, что съ запросомъ какимъ-нибудь, али тамъ прочее другое, а какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, для перваго знакомства, удовольствіе, значитъ, хочу сдѣлать: на вашихъ харчахъ, выходитъ двѣсти рублёвъ серебромъ.

При этомъ Семенъ мой даже попятился назадъ.

— Что ты, паря, сблаговалъ что-ли? сказалъ онъ, устремивъ глаза на Пузича.

— Меньше одной копейки, Семенъ Яковличъ, взять не могу, отвѣчалъ тотъ.

Я, съ своей стороны, понялъ, что имѣю дѣло съ однимъ изъ тѣхъ мелкихъ плутишекъ, которые запрашиваютъ рубль на рубль барыша, и хотѣлъ разомъ съ нимъ раздѣлаться.

— Твоя цѣна двѣсти рублей, а моя — сто, сказалъ я, думая, что снесъ, сколько возможно, много. По лицу Пузича быстро промелькнулъ какой-то оттѣнокъ удовольствія, а Семена опять подернуло.

— Сто—много, помилуйте! семидесяти рублёвъ съ него за глаза будетъ, произнесъ онъ съ укоризною.

Пузичъ усмѣхнулся.

— Не то, что объ семидесяти, а и объ ста рубляхъ, Семенъ Яковличъ, разговаривать нечего. Этой цѣны малой ребенокъ не возьметъ! сказалъ

онъ съ такой ужь физіономіей, какъ-будто скорѣй готовъ былъ умереть, чѣмъ работать за сто рублей.

— Полно врать, Пузичъ! полно! Что языкъ понапрасну треплешь! возразилъ Семенъ, начинавшій выходить изъ терпѣнья.

— Може вы сами языкъ понапрасну треплете, Семенъ Яковличъ. Здѣсь идетъ разговоръ съ господиномъ, а не съ мужикомъ: значитъ, понимаемъ съ кѣмъ и предъ кѣмъ говоримъ, возразилъ Пузичъ.

— Сто рублей, больше не дамъ; согласенъ — хорошо, а нѣтъ — такъ можешь убираться, сказалъ я и нарочно сталъ заниматься своимъ дѣломъ.

Пузичъ не уходилъ.

— Позвольте, ваше привосходительство, началъ онъ, прикладывая руку къ сердцу: — такъ-какъ теперича я оченно желаю, чтобъ знакомство промежь насъ было; значитъ, полтораста серебромъ вы извольте положить, и то въ убытокъ — вѣрьте Богу.

— Больше ста не дамъ, убирайся! рѣшилъ я.

— Ваше высокородіе, позвольте! продолжалъ Пузичъ, еще крѣпче прижимая руку къ сердцу: — кому теперича свое тѣло не мило, а лопни, значитъ, мои глаза, ваше привосходительство, ежели кто хоть копейку противъ меня уваженья сдѣлаетъ.

— Ломается еще туда же, дура-голова! проговорилъ Семенъ.

— Ломаться мы не ломаемся, Семенъ Яковличъ, ужь это вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, а, значитъ, дѣло, выходитъ, неподходящее.

— Неподходящее? повторилъ Семенъ сердито.—Мало тебѣ, жиду, ста рублёвъ! Двадцать-пять серебромъ и то лишнихъ передано.

Пузичъ какъ-будто бы не слыхалъ этого замѣчанія и обратился ко мнѣ:

— Накиньте, ваше высокопривосходительство, хоть четвертну́ю еще; ей Богу безобидно будетъ.

Я молчалъ.

— Это что̀ говорить, продолжалъ Пузичъ: — сработать можно всяко; только я худаго слова, значитъ, заслужить не хочу, а желаю такъ, чтобъ меня и напредки знали... Може, ваше привосходительство, изволите знать по Буйскому уѣзду генерала Семенова: господинъ, осмѣлюсь, такъ, по своей глупости, сказать, строжающій, въ настоящемъ видѣ, значитъ... когда у него эта стройка дома была, пятеро подрядчиковъ, съ позволенья доложить вашему привосходительству, бѣгомъ-сбѣжали отъ него; и теперича, когда онъ сталъ требовать меня: «что жь, думаю, буди воля Царя Небеснаго! а я готовъ завсегда служить господамъ,» ваше привосходительство. И какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, потаить не могу, первыя двѣ недѣли всѣ мои ребра пересчитаны были палкой; разъ пять, можетъ-стать-

ся, кровянилъ меня; но я, по своему чувствію, ваше привосходительство, не то, что бралъ бы въ обиду, а еще въ удовольствіе—значитъ, насъ, дураковъ, уму-разуму учатъ; когда теперича мужикъ надъ тобой куражится и ломается, а отъ барина всегда снести могу.

«Эка подлая натуришка!» подумалъ я и молчалъ, догадываясь, что онъ вретъ.

— Теперича при раздѣлкѣ, когда дѣло это было, продолжалъ опять Пузичъ: — генералъ сейчасъ сдѣлалъ мнѣ отличнѣйшее угощенье и выкинулъ пятьдесятъ рублёвъ серебромъ лишнихъ. «На, говоритъ, тебѣ, Пузичъ, за то̀, что нраву моему, значитъ, угодилъ. И эти деньги мнѣ, ваше высокопривосходительство, дороже капитала мильйоннаго: значитъ, могу служить господамъ.

Я все молчалъ. Выждавъ немного, Пузичъ снова заговорилъ:

— А насчетъ вашей работы, я такъ полагаю, что мое особенное стараніе быть должно. Теперича, когда моя работа у васъ пойдетъ, вы извольте лечь на вашъ диванчикъ и почивать—больше того ничего сказать не могу.

Я взглянулъ на Семена: въ лицѣ его изображалась досада и презрѣніе.

— Не дамъ больше ста, сказалъ я рѣшительно.

Пузичъ перенялъ свою шляпу изъ одной руки въ другую.

— Этой цѣны, ваше высокородіе, никому взять

несообразно, проговорилъ онъ и потомъ, постоявъ довольно-долго, присовокупилъ, вздохнувъ:— прощенья, значитъ, просимъ, и сталъ молиться, и молился опять долго. — Только то выходитъ, что за пятнадцать верстъ сапоги понапрасну топталъ, пробунчалъ онъ.

— Эка, паря, что ты сапоги потопталъ, такъ и дать тебѣ тысячу! возразилъ Семенъ.

Пузичъ, ничего на это не возразивъ, повторилъ еще разъ:

— Прощенья просимъ, ваше высокородіе, и пошелъ; Семенъ за нимъ; но я видѣлъ, что Пузичъ не уйдетъ и воротится, потому что шелъ онъ очень-медленно по красному двору и все что-то толковалъ Семену. Черезъ нѣсколько минутъ они дѣйствительно опять воротились.

— Сто беретъ, сказалъ Семенъ.

— Хоша три рублика соребромъ, ваше высокородіе, набавьте: по крайности я на артель ведро вина куплю, присовокупилъ Пузичъ съ подлопросительнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— На артель, братецъ, я самъ куплю ведро вина, а тебѣ копейки не прибавлю, возразилъ я.

Пузичъ грустно покачалъ головой.

— Какъ и на свѣтѣ ныньче стало жить — не знаешь, началъ онъ:—господа, выходитъ, пошли скупые, работы дешевыя... Задаточку, ужь, ваше высокородіе, извольте мнѣ пожаловать, прибавилъ онъ еще болѣе просящимъ голосомъ.

— Сколько жь тебѣ?

— Двадцать-пять рубликовъ серебромъ, отвѣчалъ Пузичъ совершенно ужь неестественнымъ тономъ.

Видимо, что онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые о деньгахъ покойно и безъ нервнаго раздраженія не могутъ даже говорить. Я подалъ ему двадцать-пять рублей; Семену это не понравилось.

— Что въ задатокъ-то хватаешь? не убѣжимъ отъ твоихъ денегъ! сказалъ онъ Пузичу.

— Ахъ, Семенъ Яковличъ, Богъ съ тобой! Выходитъ, словно ты нашихъ дѣловъ не знаешь, проговорилъ тотъ, засовывая дрожащею рукою бумажку въ кожаную кису, висѣвшую у него на шеѣ.

— Ты самъ, паря, свои дѣла лучше нашего знаешь, отвѣчалъ Семенъ. — Теперь, вотъ ты у насъ работу берешь, а я тебѣ при баринѣ говорю, чтобъ опосля чего не вышло: ты тамъ какъ знаешь, а чтобъ на нашей работѣ Петруха былъ безпремѣнно.

Пузичъ насмѣшливо улыбнулся.

— Петруха? повторилъ онъ съ усмѣшкою и обратился ко мнѣ. — Когда я, ваше привосходительство, самъ на работѣ, что же значитъ Петруха? Какое онъ званіе можетъ имѣть, когда самъ подрядчикъ тутъ, извините вы меня, Семенъ Яковличъ! отнесся онъ къ Семену.

— Изъ нашихъ, вѣдь, братъ, мужицкихъ извиненій не шубу шить, это что! возразилъ, въ свою

очередь, Семенъ: — не на одной нашей работѣ, а и на всякой Петруху отъ тебя требуютъ—знаемъ тоже.

Пузичъ еще насмѣшливѣе покачалъ головою.

— Ежели теперича, чтобъ барину сдѣлать удовольствіе, Семенъ Яковличъ, мы о Петрухѣ не постоимъ, за Петруху намъ стоять много нечего: артель моя большая.

— Артель твою, Пузичъ, и мы тоже знаемъ; я опять при баринѣ говорю: окромѣ Петрухи другой прочій може у тебя только съ нынѣшняго Николы топоръ въ руки взялъ, такъ ужь съ того спросить много нечего.

— А Петруха-то кто жь такой? спросилъ я Семена.

— Уставщикъ; по всей артели парень надёжный, отвѣчалъ онъ.

— Кто про это говоритъ! мастеръ отличнѣйшій, въ лучшемъ видѣ, значитъ. Ежели теперича, ваше привосходительство, съ позволенія такъ сказать, по нашимъ дѣламъ онъ человѣкъ, значитъ, больной, а мы держимъ его безъ пролежекъ, ваше привосходительство, жалованіе, значитъ, кладемъ ему сполна, проговорилъ Пузичъ, но такимъ голосомъ, по тону котораго ясно было видно, что похвала Петрухѣ была ему ножъ вострый, и онъ ее поддерживалъ только по своимъ торговымъ расчетамъ.

При прощаньи Пузичъ сталъ просить у меня полтинничка въ придачу ему на чай. Въ полтин-

никѣ мнѣ ужь совѣстно было отказать — я ему далъ, но Семенъ и противъ этого протестовалъ:

— Ну, паря, славная ты выжима! проговорилъ онъ Пузичу, на что тотъ отвѣчалъ только вздохомъ.

III.

Сдѣлать ригу я задумалъ не столько по необходимости, сколько для развлеченія. Помѣщики, обреченные на постоянную жизнь въ деревнѣ, очень-хорошо знаютъ, что стройка по деревнѣ— благодать, самое живое развлеченіе; точно должность получилъ приличную своимъ способностямъ: каждое утро и сходишь посмотрѣть, потолкуешь; послѣ обѣда опять идешь посмотрѣть; вечеромъ тоже.

Все это дѣлалъ, конечно, и я.

Пузичъ пришелъ ко мнѣ работать самъ-четвёртъ: съ молодымъ парнемъ, Матюшкой, толсторожимъ и глуповатымъ на-лицо, съ Сергѣичемъ, старикомъ очень-благообразнымъ, который обратилъ особенно мое вниманіе на себя тѣмъ, что рубилъ какими-то маленькими и очень-красивыми щепочками и говорилъ самымъ мягкимъ теноромъ, и все въ-складъ. Уставщикъ Пертруха былъ мужикъ высокаго роста, сухой, съ строгимъ выраженіемъ въ глазахъ и съ ироническимъ

складомъ въ губахъ. Онъ говорилъ мало, но рѣзко и насмѣшливо. Самъ Пузичъ оказался на работѣ совершенная дрянь: онъ суетился, кричалъ, бранилъ, впрочемъ, одного только Матюшку, который принималъ его брань съ простодушной и глупой улыбкой.

— Всегда тебя такъ бранитъ подрядчикъ? спросилъ я его.

— Завселды... дядюшка вѣдь онъ мнѣ, завселды все лается, отвѣчалъ онъ мнѣ и засмѣялся.

Надъ Сергѣичемъ Пузичъ только важничалъ, но передъ Петрухой—другое дѣло: тотъ его видимо уничтожалъ своею личностью и чувствовалъ, кажется, особое наслажденіе топтать его въ грязь по всѣмъ распоряженіямъ въ работѣ. Достаточно было Пузичу выбрать какое нибудь бревно и положить его на углы, для пригонки, какъ Петръ подходилъ, осматривалъ и распоряжался, чтобъ бревно это сбросили, а тащили другое.

— Что? аль неладно? спрашивалъ при этомъ Пузичъ какимъ-то робкимъ голосомъ; но Петръ даже не удостоивалъ его отвѣтомъ, молча размѣчалъ, и Пузичъ смиренно усаживался, и начиналъ рубить по отмѣткамъ работника.

На другой или на третій день, какъ стали они у меня работать, я подошелъ и сѣлъ на бревнѣ около Сергѣича, на долю котораго выпало тесать полъ и, слѣдовательно, онъ работалъ вдали отъ прочихъ.

— Что, дѣдушка, старъ бы ты по чужой сторонѣ ходить, заговорилъ я.

— Что дѣлать-то, батюшка? отвѣчалъ старикъ мягкимъ голосомъ: — нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поётъ—да! Хоть бы и мое дѣло, не молодой бы молодикъ, а на седьмой десятокъ валитъ... Пора бы не бревна катать, а лыко драть, да на печкѣ лежать — да!

— Отчего это ты все вотъ въ складъ говоришь? замѣтилъ я ему.

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Изъ молоду, государь мой милостивый, отвѣчалъ онъ:—такая ужь моя рѣчь; гдѣ и языкъ-то набилъ на то—не помню; съ хороводъ да съ пѣсенъ, видно, дѣло пошло; ну и тоже, грѣшнымъ дѣломъ, дружничалъ по свадебкамъ.

— Дружкой ты былъ? сказалъ я.

Старикъ самодовольно улыбнулся.

— Я былъ, може, изъ дружекъ дружка, а не то, что просто дружка; меня ажно изъ Ярославля купцы ссягали дружничать у нихъ на сыновнихъ свадебкахъ, по сту рублёвъ мнѣ за то платили; я былъ дорогой дружка—да! Ты вотъ, государь милостивый, въ замѣчанье взялъ, что я рѣчь въ складъ говорю; а кабы ты посмотрѣлъ еще меня на свадебномъ дѣлѣ, такъ что твой колоколецъ подъ дугой, али гусли многострунныя!

— Какъ же у васъ начинаются, напримѣръ, эти сговоры? съ чего? спросилъ я.

— Сговоры, государь мой милостивый, отвѣ-

чалъ Сергѣичъ, кажется, очень довольный моимъ вопросомъ: —начинаются, ежели дружка дѣломъ правитъ по порядку, какъ онъ сейчасъ въ избу вошелъ, такъ съ поклономъ и говоритъ: «у васъ, хозяинъ, есть товаръ, а у насъ есть купецъ; товаръ вашъ покажите, а купца нашего посмотрите...» Тутъ сейчасъ съ ихниной, съ невѣстиной стороны, свашка, по нашему, немытая рубашка, и выводитъ дѣвку изъ-за занавѣски, ставитъ супротивъ жениха; они, вѣстимо, тупятся, а имъ говорятъ, чтобъ смотрѣлись да глядѣлись — да! Теперича невѣста, значитъ, понравилась. Жениховъ дружка сейчасъ по имени чествуетъ хозяина въ дому... Иванъ Иванычъ, что ли: «товаръ вашъ, Иванъ Иванычъ, показался, умъ-разумъ разступился, пожалуйте шубу на столъ, станемъ Богу молиться и по рукамъ биться» — да! Дѣвку опять за занавѣску уводятъ: горе горевать, свой дѣвичій вѣкъ обмывать, а батька съ маткой сядутъ за столъ дочку пропивать, и пьянство тутъ, государь мой милостивый, у насъ, дураковъ-мужиковъ, бываетъ шибкое; все, значитъ, отъ жениха идетъ; только, сердечный, повертывайся, не жалѣй денежекъ, пріѣзжай, значитъ, припасенный.

— А дары когда жь дарятся между женихомъ и невѣстой? перебилъ я.

— Дары тутъ же дарятся, продолжалъ Сергѣичъ: — какъ теперича, по молитвѣ это рукобитье совершится, старички, выходитъ, по дру-

гому, по третьему стаканчику выпили, дружка сейчасъ и ведетъ жениха за занавѣску, по началу молитву читаетъ: «Господи! помилуй насъ»— да! тутъ женишокъ и спрашиваетъ: «красна дѣвица, дайте знать, какъ васъ звать?» Она—хоша Катерина Степановна; значитъ — «Катерина Степановна, извольте наши дары принять, да не прогнѣваться, примите мало, а сочтите за много». Невѣста дары пріемлетъ; тутъ они и цалуются, впервые, значитъ, а другіе може и больно не впервые, губы-то може до мозолей ужь трепаны, особливо по нашей гулящей сторонкѣ... Теперича и невѣста въ оборотъ жениху говоритъ: «Господи, помилуй насъ! Добрый молодецъ, какъ васъ звать?» Примѣрно, Николай Иванычъ; выходитъ — «Николай Иванычъ, извольте отъ меня дары принять, да не прогнѣваться, примите мало, а сочтите за много!» Отдаривается, значитъ — да!

— А какъ же невѣста обвываетъ свой дѣвичій вѣкъ? спросилъ я.

— Хорошо, сударь, обвываетъ, отвѣчалъ Сергѣичъ съ какимъ-то умиленіемъ: — причитываетъ все къ-отцу-къ-матери такими рѣчами: «Не лѣсъ къ сырой землѣ клонится, добрые люди Богу молятся. Стрѣчай-ка ты, родимый батюшка, своихъ дорогихъ гостей, моихъ разлучниковъ; сажай-ка за столъ подъ окошечко, свата сватьюшку, дружку-засыльничка ко свѣтцу, ко присвѣтничку; не сдавайся, родимый батюшка, на слова ихъ на ласковыя, на поклоны низкіе, на стаканъ пива

пьянаго, на чару зелена вина; не отдавай меня, родимый батюшка, изъ теплыхъ рукъ въ холодныя, ко чужому къ отцу, къ матери» — да! приговоры хорошіе идутъ. У насъ вѣдь лучше, обряднѣе, чѣмъ у васъ, у барь. Я вотъ тоже съ улицы въ окошко на господскія свадьбы гляживалъ — что?.. ничего нѣтъ потѣшнаго; схватятся только за руки, да ходятъ, а ничего разговоровъ нѣтъ.

— Это на сговорахъ; а на свадьбахъ, я думаю, еще больше приговоровъ бываетъ, продолжалъ я спрашивать, видя, что Сергѣичъ былъ въ душѣ мастеръ по свадебному дѣлу, и я убѣжденъ, что онъ нѣкоторые приговоры самъ былъ способенъ сочинить. Вопросъ мой окончательно расшевелилъ старика; онъ откашлялся, обдернулъ бороду и сталъ ужь называть меня, вмѣсто государь мой милостивый, другъ сердечный.

— Въ самую свадьбу, другъ сердечный, началъ онъ:—приговоры большіе ведутся. Теперича взять такъ примѣрно: жениховъ поѣздъ въѣзжаетъ въ селенье; дружка сейчасъ, коли онъ ловкій, соскочитъ съ саней и бѣжитъ къ невѣстиной избѣ подъ окошко, съ такимъ приговоромъ: «стоятъ наши добрые кони, во чистомъ полѣ, при пути, при дороженькѣ, подъ синими небесами, подъ чистыми подъ звѣздами, подъ черными облаками; нѣтъ ли у васъ на дворѣ, сватъ и сватьюшка, мѣстечка про нашихъ коней?» Изъ избы имъ откликаются: «Милости просимъ; про вашихъ коней

есть у насъ много мѣстовъ». Теперича, по его командѣ поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ, а онъ, государь мой милостивый, все впереди, никому впередъ себя идти не даетъ. По сѣнямъ идетъ, молитву творитъ и себѣ приговоръ говоритъ: «Идетъ друженька лѣсенкой кленовою, мостикомъ калиновымъ, берется друженька за скобочку полужоную. Растворите, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, дверечки широкія: самъ я, сватушка, двери на петлѣ поведу, а безъ *аминя* не войду!» Тѣмъ, другъ сердечный, что въ свадебномъ дѣлѣ ничего безъ молитвы починать нельзя, весь поѣздъ, значитъ, *аминя* и ждетъ — да! Какъ теперича, имъ *аминь* изъ избы оголосили, дружка опять впереди всѣхъ. Первый его приговоръ, какъ въ избу вошелъ: «Скокъ чрезъ порогъ, насилу ножки переволокъ!» значитъ, чтобъ съ шутки начать, да и дѣло кончить — да! Второй приговоръ его: «Всѣ люди смотрящіе, всѣ люди глядящіе! покажите мнѣ хозяина настоящаго въ дому». Третій его приговоръ: «Сватьюшка любезный, кто у васъ въ домѣ началъ?» — «Началъ у насъ въ домѣ Спасъ, Пресвятая Богородица!» отвѣчаютъ ему. Четвертый приговоръ дружки, значитъ: «Богу помолимся, на всѣ четыре стороны поклонимся, сватьюшка любезный, въ нѣкоторые годы, въ нѣкоторыя времена, ходили промежь насъ старушонки, дѣла наши свашили, были промежь насъ и сговоры!» Теперича, значитъ, дѣло наше сужено, ряжено: къ молодому нашему князю

пожалуйте молодую княгиню, къ большому барину большаго барина, къ меньшему барину меньшаго, къ тысяцкому тысяцкаго, а ко мнѣ, дураку дружкѣ, такого же дурака дружку. Теперича, сейчасъ невѣсту и выводитъ изъ-за занавѣски братъ родной, али тамъ крёстный. Дружка опять было первый идетъ, брату пива подноситъ, только на тотъ разъ ему говорятъ — да: «пришлите себя помоложе, подороже и повѣжливѣе!» значитъ, надо женишка посылать. Идетъ тотъ сначала съ пустымъ пивомъ, безъ денегъ, значитъ, братъ ему и говоритъ: «кушайте сами; наша сестричка недешевая: не по бору ходила, не шишки брала, а золотомъ шила; у нашей сестрички по тысячѣ косички, по рублю волосокъ» — значитъ, выкупъ надобно дѣлать, денегъ въ пиво класть.

— А дружка что тутъ дѣлаетъ? спросилъ я.

— Дружка промежь тѣмъ свое справляетъ, отвѣчалъ Сергѣичъ.—Тоже, грѣшнымъ дѣломъ, бывало, попересохнетъ въ горлѣ-то, такъ нарочно и закашляешься: и кашляешь, и кашляешь, а тутъ такой приговоръ и ведешь: «Сватьюшки любезные, что-то въ горлѣ попершило, позакашлялось: нѣтъ ли у васъ водицы испить, а коли воды нѣтъ, мы пьемъ и пивцо, а пивца нѣтъ, выпьемъ и винца!» Ну, и на другой хорошей свадьбѣ, гдѣ виномъ-то просто, тутъ же стакана три въ тебя вольютъ; такъ и считай теперь, сколько въ цѣлый день-то попадетъ. Съ другой, бывало, бога-

тенькой свадебки, послѣ друженья, пріѣдешь домой, такъ цѣлую недѣлю въ баню ходишь — свадебную дурь паромъ выгонять. Хорошо дружкѣ бываетъ, нечего сказать, больно-хорошо.

— Хорошо-то, хорошо, да вѣдь и это дѣло не всякій справитъ: надобно тоже разумъ имѣть, замѣтилъ я.

— Еще какой разумъ-то, другъ сердечный! разумъ большой надо имѣть, отвѣчалъ Сергѣичъ: — вотъ тоже нынѣшніе дружки, посмотришь, званье только носятъ... Хоть бы теперь приговоръ вести надо такъ, чтобъ кажинное слово всякъ въ толкъ взялъ, а не что на вѣтеръ языкомъ проболтать. За поясъ бы, кажись, въ экіе годы свои, всѣхъ ихъ заткнулъ, заключилъ онъ и началъ тесать.

— А ужь нынче развѣ ты не дружничаешь? спросилъ я.

— Нѣтъ, государь мой милостивый, давно ужь отсталъ; что-что съ рожи-то цвѣтенъ да румянъ, а глаза больно-плохи — да! Вотъ и рубишь теперь все больше по памяти; кажинный годъ раза три со слѣпа-то обрубишься, а ужь гдѣ дружничать: тутъ надо глаза быстрые, ноги прыткія!

— Ты семейный, али одинокій?

— Какое, другъ сердечный, одинокій! возразилъ Сергѣичъ: — родомъ-то видно изъ кустовой ржи. Было-боло въ избѣ всякаго колосья — и мужиковъ и дѣвья: пятерыхъ дочекъ однѣхъ возвелъ, да чужой человѣкъ пенья копать увелъ, въ замужства, значитъ, роздалъ — да! Двухъ-было

сыновьевъ возрастилъ, да и тѣмъ что-то мало себѣ угодилъ. За грѣхи наши, видно, Богъ насъ наказываетъ. Іовъ праведный былъ, да и на того Богъ посылалъ испытанье; а намъ, окаяннымъ, еще мало, что по ребрамъ попало — да!

— А сыновья гдѣ жь у тебя?

— Сыновья, другъ сердечный, старшій, волей Божьею, на Низу́ холеркой померъ, а другаго, больно ужь любилъ да ласкалъ, въ чужи люди не пускалъ, думалъ, въ старые наши годы будутъ отъ него подмоги, а выходитъ, видно такъ, что человѣкъ на батькиныхъ съ маткой пирогахъ хуже ростетъ, чѣмъ на чужихъ кулакахъ — да!

— Гдѣ жь онъ? спился, что ли?

— Я ужь и сказать тебѣ не знаю какъ, въ кою сторону онъ дуракъ; недолго бы, кажись, пилъ, да много въ кабакъ отвалилъ. Добросовѣстнымъ онъ, государь мой милостивый, при конторѣ нашей былъ, и послали ето, гдѣ грѣху не быть, съ мірскими деньгами въ городъ; уѣхать-то уѣхалъ въ поддёвкѣ, а оттель привели на верёвкѣ — да! Всѣ денежки, двѣсти съ хвостикомъ, и ухнулъ тамъ; добрые люди, спасибо, подсобили — да! Онъ-то благовалъ, а батька въ отвѣтъ попалъ: мірскіе рублики, батюшка; не простятъ. На сходкѣ такое положенье сдѣлали, что али бы я деньги за него клалъ, али бы его, разбойника, на поселенье сдалъ—да! Не стерпѣлъ я этого: дѣтки-то къ намъ сердцами не падки, а они намъ худы

ли, добры—все сладки. Дѣлать нéча, пошелъ къ Пузичу, сталъ ему въ ноги кланяться...

— А развѣ Пузичъ у васъ деньги въ ростъ отдаетъ?

— Нештò, нештò, сударь, одолжаетъ кой-кого на знати, отвѣчалъ старикъ, вздохнувъ: — изстара еще у нихъ въ дому это заведенье идетъ; дѣды его еще этимъ промышляли.

— Помилуй! самъ Пузичъ дуракъ какой-то, болтушка! замѣтилъ я.

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Да, то-то вотъ, что-что разумомъ мелокъ, да какъ сердцемъ-то крѣпокъ, такъ и богатѣе насъ съ тобой, государь милостивый, живетъ. Гривной одолжитъ, а рубль сорвать норовитъ; мало Бога знаетъ, неча похвалить, татарскій родъ проклятый, что-что крещеные! Хоша бы и мое дѣло: тѣмъ временемъ слова не сказалъ — далъ, только въ конторѣ заявилъ, а теперь и держитъ словно въ кабалѣ; старъ не старъ, а все въ эту пору рубль серебра стою, а онъ на кругъ два съ полтиной кладетъ.

— Ну, а прочіе какъ же живутъ у него? спросилъ я.

— А что, государь мой милостивый, прямо тебѣ скажу: вся артель у насъ на одномъ порядкѣ, отвѣчалъ старикъ тихо. — Всѣ въ кабалѣ у него состоимъ. Вонъ хоть-бы этотъ Матюшка, дурàшный, дурàшный парень, а все бы въ недѣлю не рублемъ ассигнаціями надо цѣнить.

*

— Неужели же онъ рубль ассигнаціями только кладетъ ему въ недѣлю? воскликнулъ я.

— Али больше! отвѣчалъ Сергѣичъ:—онъ тоже пригульный: дѣвка по лѣсу шла, да его нашла, бобылка согрѣшила — землицы, значитъ, и не было у нихъ, хлѣбцомъ-то и бились... Ну, Пузичъ и дѣлалъ имъ это одолженіе: давалъ на пропитаніе, а теперь и разсчитываетъ какъ надо: парень круглый годъ калачика не уболемъ съись; лапотокъ новыхъ не на что купить, а все денегъ нѣтъ—да! Каковы наши богатые-то мужички, а нашъ ужь, пожалуй, изо всѣхъ хватъ, чорту братъ.

— Ну, а этотъ Петръ, уставщикъ, вѣрно, на особомъ у Пузича положеніи нанятъ, по настоящей рядѣ?

— А какое, сударь, по настоящей рядѣ! Тоже въ кабалѣ, еще больше нашего. Триста рублёвъ ему должнымъ состоялъ, отъ родителя тоже поотдѣлился, а тутъ, гдѣ бы разживаться, въ болѣсть впалъ, словно бы года два хворалъ, а ужь это до кого ни доведись: хозяинъ лежитъ, нужду въ домѣ творитъ.

— Отчего жь Пузичъ труситъ его, кажется?

— Ну да, батюшка, по работѣ-то нужный ему человѣкъ: что бы онъ безъ него?—какъ безъ рукъ, самъ видишь! А еще и то... послѣ болѣсти, что ли, съ нимъ это сдѣлалось, сердцемъ-то Петруха неугожъ, гнѣвенъ, значитъ. Теперича, что маненько Пузичъ сдѣлаетъ не по немъ, онъ сейчасъ

ему и влѣпитъ: «ты, баетъ, меня въ грѣхъ не вводи; у меня твоей головѣ давно мѣсто въ лѣсу пріискано.»

— Неужели же онъ это вправду говоритъ? спросилъ я.

Сергѣичъ засмѣялся.

— Нѣту, сударь, какое, кажись, вправду! отвѣчалъ онъ:—мужикъ богобоязливый, сдѣлаетъ ли экое дѣло! Сердце только срываетъ, стращаетъ. Ну, а Пузичъ тоже плутоватъ-плутоватъ; а вѣдь заячьяго разуму человѣкъ: на ружье глядитъ, а отъ воробья бѣжитъ, и боится этого самаго, не прекословствуетъ много.

Петръ сталъ меня очень интересовать, и я хотѣлъ-было о немъ поподробнѣе разспросить Сергѣича, но въ это время подошелъ Пузичъ и началъ нести какую-то чушь о работѣ, и я, чтобъ отдѣлаться отъ него, ушелъ въ комнаты.

IV.

Когда срубы были срублены, Пузичъ, къ большому моему удовольствію, отправился на другую какую-то работу. Въ тотъ же день Семенъ подошелъ ко мнѣ.

— Винца-то ребятамъ обѣщали; прикажите хоть

штофчикъ имъ выставить—и будетъ съ нихъ! проговорилъ онъ.

— Хорошо, сказалъ я:—что жь ты мнѣ давно не напомнишь? Я-было и забылъ.

— Пережидалъ, чтобъ собака эта куда нибудь убѣжала, а то вѣдь рыло свое тутъ же сталъ бы мочить, отвѣчалъ Семенъ, подразумѣвая, конечно, подъ собакой Пузича.

— Что жь, тебѣ для Пузича жаль ужь стакана водки? сказалъ я.

— Еще бы не жаль! Будетъ съ него; и то сорвалъ сто рублей: есть на что выпить, разбойникъ этакой! проворчалъ Семенъ, никакъ нехотѣвшій простить мнѣ передачу Пузичу.

— Когда жь имъ дать? спросилъ я.

— Да вотъ хоть ужо вечеромъ, какъ отшабашатъ.

— Хорошо... Зайди ты передъ тѣмъ въ горницу за виномъ, и я выйду къ нимъ, сказалъ я.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Семенъ, и неторопливо пошелъ къ своему дѣлу.

Вечеромъ я, дѣйствительно, въ сопровожденіи Семена, вооруженнаго штофомъ и нѣсколькими ломтями хлѣба, вышелъ къ плотникамъ. Они, вѣроятно, ужь предувѣдомленные, сидѣли на бревнахъ. При моемъ приходѣ Сергѣичъ и Матюшка привстали-было и сняли шапки.

— Сидите, братцы; винца я вамъ принесъ, выпейте, сказалъ я, садясь около нихъ тоже на

бревно. Петръ, сидѣвшій потупившись, откашлялся.

— Благодарствуй, государь нашъ милостивый, благодарствуй, проговорилъ Сергѣичъ.

Матюшка глупо улыбнулся. Я велѣлъ подать первому Петру. Онъ выпилъ, откашлялся опять, и проговорилъ:

— Вотъ кабы этимъ лекарствомъ почаще во рту полоскать, словно здоровѣе былъ бы.

— Будто? спросилъ я.

— Право, славно бы такъ; мужику вино, что мельницѣ деготь: смазалъ и ходчей на ходу пошелъ, отвѣчалъ Петръ.

— Вино сердце веселитъ, вино разумъ творитъ, присовокупилъ Сергѣичъ, беря дрожащими руками стаканъ.

Матюшка, выпивши, только сталъ облизываться, какъ теленокъ, которому на морду посыпали соли.

Изъ принесеннаго Семеномъ хлѣба, Сергѣичъ взялъ ломоть, акуратно посолилъ его и началъ жевать небольшимъ числомъ оставшихся зубовъ. Матюшка захватилъ два сукроя, почти въ два пріема забилъ ихъ въ ротъ и сталъ, какъ говорится, уплетать за обѣ щеки. Петръ не бралъ.

— Что ты, и не закусываешь? сказалъ я ему.

— Нѣтъ, не закусываю. Мы, вѣдь, не чайники, а водочники: пососалъ языкъ—и баста! отвѣчалъ онъ, и опять закашлялся, а потомъ обратился ко мнѣ:

— Я, баринъ, батьку еще твоего зналъ: стаикъ былъ важный.

— Важный?

— Важный; лучше тебя.

— Чѣмъ же лучше? спросилъ я.

— Да словно бы умнѣй тебя былъ, отвѣчалъ безъ церемоніи Петръ.

— Почему жь онъ умнѣй меня былъ?

— А потому онъ умнѣй тебя былъ, что ужь онъ бы, братъ, Пузичу за немшоныя стѣны не далъ ста серебромъ—шалишь! Денегъ, видно, у тебя благихъ много.

— То-то и есть, что не много, а мало! сказалъ я.

— И денегъ-то мало? Ну, братъ, видно ты взаправду не больно уменъ, подхватилъ Петръ. Выпитый стаканъ водки очень, кажется, подѣйствовалъ на его разговорчивость.

Матюшка при этомъ засмѣялся. Сергѣичъ покачалъ головой.

— Ты по городамъ, вѣдь, больше финтилъ, продолжалъ Петръ, и батькинымъ денежкамъ, чай, глаза протёръ. Какъ бы старика теперь поднять, онъ бы задалъ перцу прикащику твоему Семену Яковличу. Что, черномазое рыло, водки не подносишь? али нелюбо, что противъ шерсти глажу? обратился онъ къ Семену.

Тотъ поднесъ ему водки и проговорилъ:

— Эко мелево ты, Петруха! но совсѣмъ не тѣмъ тономъ, какимъ онъ говорилъ Пузичу.

— То-то мелево. Свернули вы, ребята, съ бариномъ домокъ, нечего сказать. Прежде, бывало, при старикѣ: хлѣба нѣтъ, куда ѣхать позаимствоваться? въ Раменье... А ныньче, посмотришь, кто въ Карцовѣ хлѣба покупаетъ? все раменскій Семенъ Яковличъ.

— Божья воля; колькой годъ все неурожаи, да червь побиваетъ, замѣтилъ Семенъ; но Петръ какъ бы не слыхалъ этого, и продолжалъ, обращаясь къ Сергѣичу:

— Прежде, бывало, въ Вонышевѣ работаешь; еще въ воскресенье во второмъ уповодѣ мужики почнутъ собираться. «Куда, ребята?» спросишь. — «На задѣлье.» — «Да что рано?» — «Лучше завремя, а то баринъ забранится»... А ныньче, голова, въ понедѣльникъ, послѣ завтрака, только еще запрягать начнутъ. «Что, плуты, поздно ѣдете?»—«Успѣемъ-ста. Семенъ Яковличъ проститъ».

Семена начинало за живое наконецъ трогать.

— Что, паря, больно ужь конфузишь, и еще передъ бариномъ? проговорилъ онъ.

Петръ сначала засмѣялся, потомъ закашлялся.

— Что мнѣ тебя, голубчикъ, конфузить? началъ онъ, едва отдыхая отъ кашля: — не за что! Ты, вѣдь, выдался не изъ плутовъ, а только изъ дураковъ.

Семенъ махнулъ рукой. Мнѣ стало ужь жаль его.

— Я, напротивъ, очень доволенъ Семеномъ;

мнѣ такого смирнаго и добраго прикащика и надо, сказалъ я.

Петръ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— У тебя какой чинъ-то, большой али нѣтъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Титулярный совѣтникъ — капитанъ, значитъ, отвѣчалъ я.

— Не чиновенъ же ты, братъ! Вонъ у насъ баринъ, такъ генералъ; а ты, видно, и служить-то неохочъ. Барыню-то въ замужство хошь-богатую ли взялъ?

— Нѣтъ, не богатую, а по сердцу.

— По сердцу, ну да! возразилъ Петръ. — Пропащее твое дѣло, какъ я посмотрю на тебя! А ты бы дослужился до большихъ чиновъ, невѣсту бы взялъ богатую, въ вотчину бы свою пріѣхалъ въ каретѣ осьмерикомъ, усадьбу бы сейчасъ всю каменную выстроилъ, дурака бы Сеньку своего въ лисью шубу нарядилъ.

— Это кому какъ Богъ дастъ. Ты вотъ и самъ не богатъ, сказалъ я.

— Что тебѣ примѣры-то съ меня брать? А пожалуй, выходитъ, что и взаправду въ меня пошелъ: такой же дурашный! отрѣзалъ начисто Петръ.

— Больно ужь смѣло, Петръ Алексѣичъ, говоришь! замѣтилъ Сергѣичъ, опасавшійся, кажется, чтобъ я не обидѣлся.

— Что смѣло-то? Али по-твоему, лиса безхвостая, лясы да балясы гладкія точить? отвѣ-

чалъ ему Петръ и отнесся ко мнѣ, показывая на Сергѣича. — Вѣдь прелукавый старичишко, кто его знаетъ: еще по сю пору за дѣвками бѣгаетъ, уговоритъ да умаслитъ ловчѣй молодаго.

Сергѣичъ слегка покраснѣлъ.

— Полно, другъ сердечный! возразилъ онъ: — что тебѣ на меня воротить, лучше объ себѣ открыть; теперь-то на седьмую версту носъ вытянулъ, а молодымъ тоже помнимъ: высокій да пригожій только дѣвкамъ и угожій.

При этихъ словахъ, неизвѣстно почему, Матюшка вдругъ засмѣялся. Петръ на него посмотрѣлъ.

— Ты чему, дуракъ, смѣешься? али знаешь, какъ дѣвки любятъ? спросилъ онъ.

— Нѣту, дяденька, я этого не знаю, нѣту-ти, отвѣчалъ тотъ простодушно.

— И ладно, что нѣту, дуракова рода, говорятъ, ныньче разводить не приказано. Пузичевъ сынишко послѣдній въ племя пущенъ, проговорилъ Петръ и потомъ прибавилъ, какъ-бы самъ съ собою: — было видно и наше времечко; бывало, можно такъ, что молодицы въ Семеновскомъ-лапотномъ, на базарѣ изъ-за Петрушки шлыками дирались — подопьютъ тоже.

— Изъ-за кости съ мозгомъ, Петръ Алексѣичъ, и собаки грызутся... Хорошую ягоду издалече ходятъ брать, сказалъ Сергѣичъ.

— Стало-быть ты, смолоду, Петръ, волокита былъ? спросилъ я его.

Онъ усмѣхнулся.

— Волокитствовалъ, сударь, отвѣчалъ за него Сергѣичъ: — сторонка наша, государь мой милостивый, не противъ здѣшнихъ мѣстъ: веселая, гулливая; дѣвки толстыя, изъ-себя пригожія, нарядныя; Петръ Алексѣичъ по-началу въ нѣгѣ жилъ, молвить такъ: на нивѣ родился, на лепешкахъ поднялся — да!

— Въ Дьяковѣ, голова, была у меня главная притона, слышь, началъ Петръ: — день-то деньской, вѣстимо, на работѣ, такъ ночью, братецъ ты мой, по этой филинской пустынѣ и лупишь. Теперь, голова, днемъ идешь, такъ боишься, чтобы на звѣря не наскочить, а въ тѣ поры ни страху, ни устали!

— Значитъ, сердцемъ шелъ, а не ногами, замѣтилъ Сергѣичъ.

— Какое тутъ къ ляду, сердцемъ! возразилъ Петръ: я на это былъ крѣпокъ, особой привязки у меня никогда не было, а такъ, баловство, вонъ какъ у Сеньки же.

— Что тебя Сенька-то трогаетъ? все бы тебѣ Сеньку задѣть! отозвался Семенъ.

— Ты молчи лучше, клинья борода, не серди меня, а не то сейчасъ обличу, сказалъ ему Петръ.

— Не въ чемъ, братъ, меня обличать, проговорилъ кротко, но не совсѣмъ-искренно Семенъ.

— Не въ чемъ? А ну-ка сказывай, какъ молодымъ бабамъ десятины мѣряешь? Что? потупился? Самъ, вѣдь, я своими глазами видѣлъ:

какъ, голова, молодой бабѣ мѣрять десятину, все коловъ на двадцать, на тридцать проститъ, а она и помни это: получка послѣ будетъ!

Семенъ не вытерпѣлъ и плюнулъ.

— Тьфу, грѣховодникъ! мели больше! проговорилъ онъ.

— Ты не плюйся, а водку-то подноси, сказалъ Петръ.

— Мелево, мелово и есть, говорилъ Семенъ, поднося водку.

Петръ, выпивъ, опять надолго закашлялся какимъ-то глухимъ, желудочнымъ кашлемъ.

— Вели поднощику-то своему выпить: у него давно слюньки текутъ, обратился онъ ко мнѣ, едва отдыхая отъ кашля, и замѣчаніемъ этимъ сконфузилъ и меня, и Семена.

— Выпей, Семенъ; что жь ты самъ не пьешь? поспѣшилъ я сказать.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ растерявшійся Семенъ, налилъ себѣ черезъ край стаканъ и выпилъ. — Я теперь пойду и отнесу штофъ въ горницу, прибавилъ онъ.

— Ступай, сказалъ я.

Семенъ ушелъ. Онъ, кажется, нарочно поспѣшилъ уйдти, чтобъ избавиться отъ колкихъ намековъ Петра; тотъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ съ насмѣшкою и обратился ко мнѣ:

— Ты, баринъ, взаправду не осердись, что я просто съ тобой говорю; коли хочешь, такъ я и отстану.

— Напротивъ, я очень люблю, когда со мной говорятъ просто.

— Это, вѣдь, ужь мы съ этимъ старымъ дѣвушникомъ, Сергѣемъ, давно смекнули.

— Смекнули? спросилъ я.

— Смекнули, отвѣчалъ Петръ.—Ты не смотри, что мы съ нимъ въ лаптяхъ ходимъ, а, вѣдь, на три аршина въ землю видимъ. Коли ты не сердишься, что съ тобой просто говорятъ, я, пожалуй, тебя прощу и на ухо тебѣ скажу: ты не дурашный, а умный—слышь? А все, братецъ ты мой, управляющему своему, Сенькѣ, скажи отъ меня, чтобъ онъ палку-понукалку не на палатяхъ держалъ, а и на полосу временемъ выносилъ: нашъ братъ мужикъ—плутъ! какъ узнаетъ, что въ передкѣ плети нѣтъ, такъ мало, что не повезетъ, да тебя еще осѣдлаетъ. Я это тебѣ говорю, сочти хоть такъ, за вино твое! Скажемъ по мужикѣ, да надо сказать и по баринѣ.

— За совѣтъ твой спасибо, сказалъ я: — только самъ вотъ ты отчего все кашляешь?

— Болѣнъ я, братецъ ты мой.

— Чѣмъ же?

— Нутромъ, порченный я, отвѣчалъ Петръ, и лицо его мгновенно приняло, вмѣсто насмѣшливаго, какое-то мрачное выраженіе.

— Кто жь это тебя испортилъ? спросилъ я.

Петръ молчалъ.

— Кто его испортилъ? отнесся я къ Сергѣичу.

— Не знаю, государь милостивый; его дѣла! отвѣчалъ уклончиво старикъ.

— Не знаетъ, сѣдая крыса, словно и взаправду не знаетъ, отозвался Петръ.

— Знать-то, другъ сердечный, може и знаемъ, да только то, что много переговоришь, такъ тебѣ, пожалуй, не угодишь, отвѣчалъ осторожный Сергѣичъ, который, кажется, чувствовалъ къ Петру если не страхъ, то по-крайней-мѣрѣ замѣтное уваженіе.

— Что не угодить-то? не на дорогу ходилъ! сказалъ Петръ и задумался.

— Что такое съ нимъ случилось? спросилъ я Сергѣича.

— По дому тоже, государь милостивый, вышло, отвѣчалъ опять непрямо старикъ. Мы, вѣдь, батьки-мужики — дураки, мотуновъ да шатуновъ дѣтокъ, какъ и я же грѣшный, жалѣемъ, а коли парень хорошъ, такъ и давай намъ всего: и денегъ въ домъ высылай, и хозяйку приведи работящую и богатую, чтобъ было батькѣ гдѣ по праздникамъ гостить да вино пить.

— Въ моемъ, голова, дѣлѣ, батька ничего, возразилъ Петръ: — все отъ Ѳедоски идетъ. Въ самую еще мою свадьбу за краснымъ столомъ въ обиду вошло...

— Что жь такъ неугодно было? спросилъ Сергѣичъ.

— Неугодно ей, братецъ ты мой, показалось, что наливкой не угощали; для дѣдушки Сидора

старухи была, слышь, наливка куплена, такъ зачѣмъ вотъ ей уваженья не сдѣлали и наливкой тоже не подчивали, отвѣчалъ Петръ. (Въ лицѣ его ужь и тѣни не оставалось веселости.)

Сергѣичъ покачалъ головой.

— Кто такая эта Ѳедосья? спросилъ я.

— Мачиха наша, отвѣчалъ Петръ и продолжалъ: стола-то, голова, не досидѣла, выскочила; батька, слышь, унимаетъ, проситъ: ничего не властвуетъ — выбѣжала, знаешь, на дворъ, сама лошадь заложила и удрала; иди, батька, значитъ, пѣшкомъ, коли ей не угодили. Смѣхоты, голова, да и только въ тѣ поры было!

Сергѣичъ опять покачалъ головой.

— Командирша была, другъ сердечный, надъ старикомъ; слыхали мы это и видывали.

— Командирша такая, голова, была, что синяпороха безъ ея воли въ домѣ не сдувалось. Бывало, голова, не то, что ужь хозяйка моя, приведенная въ домъ, а дѣвки-сестры придутъ иной разъ изъ лѣсу голодныя, не смѣютъ, вѣдь, братецъ ты мой, безъ спросу у ней въ лукошко сходить да конецъ пирога отрѣзать: все батькѣ въ уши, а тотъ сейчасъ и оговоритъ: такъ изъ куска-то хлѣба, голова, принимать кому это складно?

— Злая баба въ дому хуже чорта въ лѣсу — да: отъ того хоть молитвой, да крестомъ отойдешь, а эту и пестомъ не отобьешь, проговорилъ Сергѣичъ, и потомъ, вздохнувъ, прибавилъ: — Ваша Ѳедосья Ивановна, другъ сердечной Петръ

Алексѣичъ, у сердца у меня лежитъ. Сережка мой, може, изъ-за нея и погибаетъ. Много народу видѣло, какъ она въ Галичѣ съ нимъ въ харчевнѣ деньгами руководствовала.

Петръ махнулъ рукой.

— Говорить-то только неохота, пробунчалъ онъ про-себя.

— Да, то-то, продолжалъ Сергѣичъ:—было ли тамъ у нихъ что—не вѣдаю, а болтовни про нее тоже много шло. Вотъ и твое дѣло: за краснымъ столомъ въ обиду вошло, а може, не съ наливки сердце ея надрывалось, а жаль было твоего холостства и свободушки — да!

Петръ еще больше нахмурился.

— Песъ ее, голова, знаетъ! А пожалуй, на то смахивало, отвѣчалъ онъ и замолчалъ; потомъ, какъ-бы припомнивъ, продолжалъ: — разъ, братецъ ты мой, о Казанской это было дѣло, поѣхала она праздничать въ Суровцово, нарядилась, голова, знаешь, что купчиха твоя другая; жеребенокъ у насъ тогда былъ, выкормокъ, конь богатый; коня этого для ней заложили; батька самъ не поѣхалъ, и меня, значитъ, въ кучера присудилъ.

— А у кого въ Суровцовѣ-то гостились? перебилъ Сергѣичъ.

— Гости, голова, у насъ въ Суровцовѣ были хорошіе: у Лизаветы Михайловны, коли знавалъ, отвѣчалъ Петръ.

— Знавалъ, другъ сердечный, знавалъ: гости наипервые, сказалъ Сергѣичъ.

— Гости важные, подтвердилъ Петръ и продолжалъ: — все, голова, наша Ѳедосья весело праздничала; бесѣды тоже повечеру; тутъ, братецъ ты мой, дворовые ребята изъ Зеленцына наѣхали; она, слышь, съ тѣми шутитъ, балуетъ, жгутомъ лупмя ихъ лупитъ; другой, сердечный, только выгибается, да еще въ стыдъ ихъ вводитъ, голова: купите, говоритъ, дѣвушкамъ пряниковъ; какіе вы парни, коли у васъ денегъ на пряники не хватаетъ!

— Какая! пряниковъ проситъ! проговорилъ Матюшка.

— Бойкая была женщина, смѣлая! замѣтилъ Сергѣичъ.

— Поѣхали мы съ ней, такимъ дѣломъ, ужь на четвертый день поутру, продолжалъ Петръ, подперши голову обѣими руками и замѣтно-увлеченный своими воспоминаніями: — на дорогу, извѣстно, поохмѣлились маненько; только Ѳедоска моя не пѣсни поетъ, а сидитъ, пригорюнившись. Ладно! ѣдемъ мы съ ней такимъ-дѣломъ, путемъ-дорогою... вдругъ, голова, она схватила меня за руку и почала ее жать, крѣпко сжала. «Петрушка!» говоритъ «поцалуй меня!» — «Полно, говорю, мамонька, что за цалованье!» — «Ну, Петрушка,» говоритъ она мнѣ на это: «кабы я была не за твоимъ батькой, я бы замужъ за тебя пошла!» Я, знаешь, голова, и разсмѣялся. «Что,

песъ, говоритъ, смѣешься? а то, дуракъ, може, не знаешь, что хоша бы родная мать у тебя была, такъ бы тебя не любила, какъ я тебя люблю!» — «На томъ, говорю, мамонька, покорно благодарю.»—«Ну, говоритъ, Петруша, никому, говоритъ, николи не говорила, а тебѣ скажу: твой старый батька заѣдаетъ мой молодой вѣкъ!»—«Это, мамонька, говорю, старуха надвое сказала, кто у васъ чей вѣкъ заѣдаетъ!» — «Да, говоритъ, ладно, разсказывай! Ныньче, говоритъ, батька тебя женить собирается; ты, говоритъ, не женись, лучше въ солдаты ступай, а не женись!» — «Что же, я говорю, мамонька, я такой за обсѣвокъ въ полѣ?» — «Такъ, говоритъ, противъ тебя здѣсь дѣвки нѣтъ, да и я твоей хозяйки любить не стану.»—«За что же, говорю, твоя нелюбовь будетъ?» — «А за то, говоритъ, что не люблю бабъ, у которыхъ мужья молодые и хорошіе».

— Ты, однако, женился? перебилъ я Петра.

— Нà; али испугаться и не жениться? возразилъ онъ.

— По любви, или нѣтъ?

— Почемъ я знаю, по любви, али такъ. Нашелъ у насъ, мужиковъ, любовь! Какая на роду написана была, на той, значитъ, и женился! отвѣчалъ ужь съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ Петръ.

Сергѣичъ подмигнулъ мнѣ.

— Не сказываетъ, сударь, а дѣло такъ шло,

что на улицѣ взглянулись, на посѣдкахъ поссидѣлись, а домой разошлись—стали жалость другъ къ дружкѣ имѣть.

— Что за особливая жалость, голова! а извѣстно, дѣвку бралъ зазнаемо: высмотрѣнную, отвѣчалъ Петръ еще съ большей досадой.

Русскій мужикъ не любитъ признаваться въ нѣжныхъ чувствахъ.

— А мачиха дѣйствительно не любила жены твоей? спросилъ я его.

— Нѣтъ, не любила, отвѣчалъ онъ мнѣ коротко и обратился болѣе къ Саргѣичу. Тутъ тоже, голова, какъ и судить: хоть бы бабѣ моей супротивъ дѣвокъ первые годы житье было не въ примѣръ лучше, только то, братецъ ты мой, что все она мнѣ ее подводила! Вотъ тоже этакъ, въ отлучкѣ когда, на работѣ, рубашекъ, говоритъ, тебѣ не послала, поклону не приказывала, и кажинный, голова, разъ, какъ съ работы воротишься, кажинный разъ такъ сдѣлаетъ, что я Катюшку либо прибраню, либо и зуботычину дамъ. Та, братецъ ты мой, терпѣла, да и стала говорить: — «За что ты, говоритъ, меня тиранишь? Это, говоритъ, оттого, что у тебя полюбовница есть». — «Какая, говорю, полюбовница?» — «Бочариха» говоритъ. Ну, и тоже грѣха не утаишь: въ парняхъ съ бочарихой гулялъ, только то, что года два, почесть, ее и въ глаза ужь не видалъ. «Кто это тебѣ, говорю, сказывалъ?» Сначала, го-

лова, не открывала, а тутъ, говоритъ, матка сказывала, слышь!

— Такъ, такъ, сомущали, значитъ, подтвердилъ Сергѣичъ.

— Еще, какъ, голова, сомущали-то, продолжалъ Петръ.—Вышла мнѣ тогда оказія, братецъ, въ Кострому идти работать — ладно. Только передъ самымъ моимъ этимъ отходомъ, Ѳедоска такую штуку подвела, слышь: сложила, ужь будто-бы Катюшку съ извощикомъ Гришкой — знавалъ, може? — что будто-бы, братецъ ты мой, Катюшка бѣгала безъ меня къ маткѣ на праздникъ; весь народъ по улицѣ гулялъ, а они съ Гришкой ушли въ лѣсъ по черницу. Дѣло-то, знаешь, на отходѣ было, выпивши; я на Катюшку и взъѣлся, а она стала съ глупа-то браниться: пошто пью. Я и прибилъ ее, и шибко прибилъ. Что же, голова, опосля узналъ? Катюшка, слышь, и на праздникъ къ маткѣ не ходила. Стало мнѣ ее, голова, хошь бы и жалко. Какъ пришелъ въ тѣ поры въ Кострому, сейчасъ купилъ ей ситцу на сарафанъ, два плата, босовики, и послалъ съ ходокомъ. И ты, братецъ ты мой! и пошла у нихъ изъ-за этого пановшина: дѣвки позавиствовали, обозлились на Катюшку, матка тоже пуще всѣхъ, и къ батькѣ съ жалобой. «Вотъ, говоритъ, онъ какой: ни мнѣ, ни дѣвкамъ твоимъ по наперстничку не присылывалъ, а все въ женнинъ сундукъ валитъ». Батька, извѣстно, осер-

чалъ, говоритъ Катюшкѣ: «Поди, принеси наряды, что мужъ прислалъ.» Ну, та, голова, молода еще была, глупа, нарядиться тоже охота, взяла будто пошла за нарядами, да къ маткѣ и убѣжала, тамъ ихъ и спрятала, и сама домой нейдетъ, боится. Батька, однако, оттоль ее ссягнулъ и бить прибирается: давай, да и только, наряды! И отняли такимъ манеромъ: матка взяла себѣ босовики и сарафанъ, а дѣвки по плату раздѣлили.

— Какой же имѣлъ поводъ батька взять твои подарки у жены? спросилъ я Петра.

Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ-бы удивясь моему вопросу.

— Заведенье у насъ, государь мой милостивый, по крестьянству такое, отвѣчалъ за него Сергѣичъ: — ежели теперича, мужичокъ хозяйкѣ что посылаетъ, такъ и дому всему долженъ послать. Коли, примѣрно, бабѣ сарафанъ, такъ маткѣ шаль, а сестрамъ по плату, али сережки. Это ужь нельзя: не порядокъ, значитъ, будетъ, коли теперича промышленникъ въ домѣ сталъ только супружницу обряжать да наряжать; а другимъ бы, хоть бы дѣвкамъ, али маткѣ, гдѣ взять? За косулей да за коровами ходючи, немного нарядишься. Хоть бы и Петръ Алексѣичъ по сердцамъ это сдѣлалъ.

— Вѣстимо, что по сердцамъ, отозвался Петръ. Въ тѣ поры, какъ воротился, Катюшка тоже все мнѣ это говоритъ; я такъ, братецъ ты мой,

и положилъ: плюнуть, отступиться; только то вижу, голова, что бабенкѣ ни за што, ни про што, житья нѣтъ: на работѣ моромъ морятъ, а по-ихнему все спитъ, дѣлаетъ все не такъ, да неладно—дура да затрапезница, больше и клички нѣтъ. Наложили, братецъ ты мой, тѣмъ временемъ у насъ въ вотчинѣ бревенъ по полсотнѣ съ тягла—ладно. Батька, извѣстно, присудилъ, чтобъ это справилъ я, слышь; а чтобъ, примѣрно, не медлить дѣломъ сваливши бревно, сучья обрубить и подсобить его навалить на колеса шла бы въ лѣсъ Катька моя. Бабенка той порой была, голова, на сносѣ. Я батькѣ и говорю: «Какъ, я говорю, батька, тяжелой бабѣ съ бревнами возиться? Ну какъ, я говорю, надорвется, да какой грѣхъ выйдетъ?»—«Что-ста, говоритъ, али мнѣ изъ-за васъ околѣвать въ лѣсу?» — «Я, говорю, батька, самъ собой этого дѣла не обѣгаю; а что теперича для спорыньи, пожалуйста, пошли хоть старшую сестру со мной, а хозяйку мою побереги; я, говорю, заслужу вамъ за это». Батька ничего, голова, пробунчалъ только маненько, а Ѳедоска и слѣзаетъ съ голбца: «Наши дѣвки, говоритъ, про васъ не работницы, вы-ста, говоритъ, съ твоей толсторожей хозяйкой только даромъ хлѣбъ ѣдите!» — «Какъ, я говорю, матка, мы даромъ хлѣбъ ѣдимъ? За что, про что ты насъ этимъ попрекаешь? Я со всего дома подушную оплатилъ, за себя оброкъ предоставилъ; теперь, говорю, за батьку и задѣльничаю; а хоша

бы и хозяйка моя, за тебя же круглый годъ на задѣлье бѣгала; какъ же, я говорю, такъ: мы у васъ даромъ хлѣбъ ѣдимъ?» Заругалась, заплевалась, голова, и все на Катьку больше: «Ты, говоритъ, мужа, сомущаешь, а онъ того не знаетъ, что ты и то и се, съ тѣмъ и другимъ» — выходитъ, Катька гуляетъ! Ну та, братецъ ты мой, на всю избу этакъ срамитъ, заплакала. «За что, говоритъ, мамонька, ты противъ хозяина такъ меня губишь?» Я тоже, братецъ, не стерпѣлъ: «Что же, я говорю, Ѳедосья, и выругалъ ее — согрѣшилъ грѣшный — долго ли, выходитъ, мы должны отъ тебя обиды принимать? Вы, я говорю, у хозяйки моей, словно разбойники какіе, всѣ наряды обобрали, морите бабу на работѣ, куска ей не уболите съѣсть, какъ надо, да еще поносишь этакими словами; а по правдѣ, можебыть, не Катька моя, а ты сама такая!» И, ты, братецъ ты мой! и батька поднялся, будто за наряды, что о нарядахъ помянулъ, и драться, голова, лѣзетъ. Я повиннымъ дѣломъ, руки-то маненько ему и попридержалъ: еще пуще старикъ обозлился, сгребъ, голова, меня за шиворотокъ и прямо къ бурмистру въ сборную стащилъ. Такъ и такъ, сынъ буянствуетъ. Тотъ мнѣ сейчасъ плюхи двѣ далъ и приказываетъ, чтобъ я батькѣ въ ноги поклонился. Я въ ноги поклониться — поклонился, да бурмистру и говорю: «Батькѣ, говорю, Иванъ Васильичъ, я завсегда покорствую; а что теперича мы всѣ пропадаемъ

изъ-за мачихи; хозяйка моя на работѣ измаяна, словомъ обругана. Може, вы теперь мнѣ довѣрья не сдѣлаете, такъ извольте, говорю, нашихъ дѣвокъ, сестеръ моихъ, спросить: пускай онѣ передъ образомъ скажутъ, что онѣ отъ нея понесли да потерпѣли...» Ну такъ, вѣдь, тоже нашего Ивана Васильича, помнишь, чай: немного было правды...

— Правда его была, кто больше чаемъ поитъ да денегъ носитъ, замѣтилъ Сергѣичъ.

Петръ кивнулъ, въ знакъ согласія головой и продолжалъ:

— Закричалъ на меня, голова. «Цицъ! молви еще слово противъ батьки — выхлещу!» и вонъ выгналъ... Ладно... разсудилъ... и что мы, голова, опосля того, съ хозяйкой притерпѣли — и Боже ты мой! Батька не глядитъ, не смотритъ; въ большой избѣ, видишь, тѣсно отъ насъ стало: поселили въ коровью, безъ полу, безъ лавокъ, вмѣстѣ съ телятами. Коли мы теперь съ бабой что нибудь на работѣ позамѣшкаемся, сейчасъ, голова, безъ насъ, совьютъ, соберутъ и отобѣдаютъ; коли щей тамъ останется, такъ Ѳедоска въ лаханку выльетъ, чтобъ только намъ не доставалось — до чего эхидствовала!.. Проговоря это Петръ вздохнулъ, а потомъ, помолчавъ, продолжалъ: — кабы не это дѣло, пошто бы мнѣ съ батькой дѣлиться, на грѣхи эти идти? Старика оборвалъ и себя надорвалъ!

— Какъ, другъ сердечный, не надорвать! возразилъ Сергѣичъ: — не даромъ поговорка идетъ:

врагъ захотѣлъ — браться въ раздѣлъ! Хотѣли, значитъ, мильйоны нажить, а стали по-міру ходить... Помню я суды-то ваши съ родителемъ передъ бариномъ, какъ еще смѣлости вашей хватило идти до него по экому дѣлу?

Петръ отвѣчалъ на это только вздохомъ.

— Что жь, развѣ у васъ баринъ строгій? сказалъ я.

— Нѣтъ, государь милостивый, отвѣчалъ Сергѣичъ: — какое строгій: строгости особливой нѣтъ, а больше того, надобно сказать, добрый. Извѣстно, что... дѣло барское, до дѣловъ нашихъ, крестьянскихъ, доподлинно не доходитъ; не всѣ, вѣдь, этакіе господа, какъ твой покойной папенька былъ: съ тѣмъ, бывало, говоришь словно съ своимъ братомъ: все до послѣдней нитки по крестьянству зналъ; ну, а нашъ баринъ въ усадьбу тоже наѣзжаетъ временно, а мужики наши — глупой, вѣдь, батюшка, народецъ — и полѣзутъ къ нему со всякими нуждами, правыми и неправыми, такъ тоже въ какой часъ попадутъ; въ иной все смирно да ласково выслушаетъ, а въ другой, пожалуй, еле и ноги уплетутъ — да!

— Горячъ ужь больно, кричать такой здоровый... замѣтилъ Петръ.

— Горяченекъ-то — горяченекъ, подтвердилъ Сергѣичъ: — зато ужь тѣмъ, батюшка, нашъ господинъ хорошъ, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — что не памятозлобенъ. Оборвать, значитъ, обор-

ветъ, а черезъ двѣ минуты опять съ тобой и разговариваетъ, какъ словно ничего не бывало.

— До барина бы прямо и я не пошелъ, продолжалъ Петръ: — прахъ все возьми, гдѣ тутъ съ нимъ разговаривать! Да онъ съ молодой барыней тѣмъ лѣтомъ пріѣхалъ... меня заставили тутъ съ другимъ парнемъ въ саду заборъ новый дѣлать. Она, голова, по саду гуляетъ, къ намъ подходитъ, разговариваетъ. «Есть ли, говоритъ, у тебя жена?» спрашиваетъ меня, слышь.—«Есть, говорю, барыня.»—«Любишь ли ты, говоритъ, ее?»—«За что, говорю, не любить! не чужая, а своя, пѣтая... только, говорю, барыня, хоть бы ты за насъ заступилась, а то намъ съ хозяйкой отъ стариковъ въ дому житья нѣтъ; теперь, говорю, у бабёнки моей малый грудной ребенокъ, грудью покормить почесть-что и некогда: все на работѣ, а молока не даютъ; одна толоконная соска, и та еще коли не коли въ ротъ попадетъ.»—«Ахъ, говоритъ, какъ же это, маленькому нѣтъ молочка! Папаша! папаша!» кричитъ, голова; барина, мужа батькой обзываетъ, слышь!

— Обзывала, обзывала, и я слыхалъ, подтвердилъ Сергѣичъ.

— Мужа батькой кличетъ! отозвался Матюшка, и засмѣялся.

— Баринъ, голова, подходитъ, продолжалъ Петръ. «Ахъ, говоритъ, душечка, папашечка; вонъ у этого мужичка маленькій ребенокъ: у нихъ

нѣтъ молочка; вели ему сейчасъ дать отъ меня корову, пожалуйста.»

— У ней у самой, другъ сердечный, маленькій барчикъ былъ: ну, такъ она, значитъ, по себѣ и прикидывала, жалѣла, замѣтилъ Сергѣичъ.

— Не знаю, къ чему ужь она прикидывала, отвѣчалъ Петръ, и снова продолжалъ: — баринъ, голова, крикнулъ, знаешь, на меня по своему: «Какъ, говоритъ, у тебя коровы нѣтъ? пропилъ, каналья!» — «Никакъ нѣтъ-съ, говорю; домъ у насъ заправной. Изъ-за мачихи мы пропадаемъ; въ раздѣлъ бы намъ, говорю, охота, а то батька въ раздѣлъ не пускаетъ и при домѣ не держитъ, какъ надо.» Онъ маненько и смякъ. «Хорошо, говоритъ, приходите ко мнѣ завтра съ отцомъ: я васъ разберу». Я, голова, пришелъ домой, говорю батькѣ: «Къ барину, говорю, батька, насъ съ тобой завтра требуетъ». — «Пошто?» говоритъ; слышь, испугался старикъ. «Жаловался, что ли, разбойникъ, на меня?» — «Нѣтъ, говорю, батька, что жаловаться! въ отдѣлъ только просился; у тебя семья своя, у меня своя, что намъ на грѣхѣ жить!» Батька и заплакалъ, слышь; ну, старый ужь человѣкъ былъ, извѣстно! «Богъ съ тобой, говоритъ, Петруша, поилъ-кормилъ я тебя, а ты, говоритъ, теперь, я старый да хворый, хошь меня покинуть». Мнѣ стало жаль его, голова. «Что, говорю, тятенька, кидать мнѣ тебя, кабы не твоя Ѳедосья Ивановна.» — «Полно, говоритъ, Петрушка, поживи со мной, все будетъ хорошо.»

Такъ мы и порѣшили, голова, на томъ. Только на утро, братецъ ты мой, старикъ ужь другое поретъ. «Мнѣ-ста, говоритъ, тебя, супротивника, не надо: ступай отъ насъ вонъ; пойдемъ къ барину».—«Пойдемъ» говорю. Пошли. Приходимъ. Баринъ, должно, голова, стороной слышалъ что-нибудь: на меня этакъ посмотрѣлъ — ничего, а на батьку взмахнулъ глазами.—«Говорите!» говоритъ. Стали мы говорить; плели, плели, братецъ ты мой, всѣхъ и курицъ-то припутали, я-то еще говорю, словно бы какъ и дѣло, а батька и понесъ, голова, на меня: и пьяница-то я, и воръ, и мошенникъ. Я ему и говорю; «Не грѣхъ ли, говорю, батька тебѣ это говорить?» Баринъ тоже слушалъ, слушалъ насъ, да какъ крикнетъ на батьку: «Ахъ ты, говоритъ, старый хрѣнъ, съ сѣдой бородой, взялъ молодую жену, да дѣтей всѣхъ на нее и промѣнялъ! Сейчасъ, говоритъ, старая лисица, плутъ, отдѣлить парня, а съ твоей супружницей я еще перевѣдаюсь. Я ей дамъ кутить да мутить въ семьѣ!» И пошелъ, голова!... Тутъ лакей подвернулся—на того; барыня пришла: «Что, ты, говоритъ, душечка, сердишься и себя не бережешь!» — и на ту затопалъ. Мы съ батькой ужь ничему и не рады, драло изъ горницы, и до избы еще, голова, не дошли, смотримъ: два дворовые парня нашу Ѳедосью Ивановну куда-то ведутъ, слышь...

Сергѣичъ засмѣялся.

— Ступай, значитъ, Варвара на расправу: такъ ее, бестію, и надо, проговорилъ онъ.

— Воротилась, голова, домой и прямо на печку, продолжалъ Петръ: — ничего ужь и не говоритъ, только проохиваетъ. Смѣхъ и горе, братецъ ты мой!

Сергѣичъ продолжалъ улыбаться.

— А что̀, я словно забылъ, міромъ васъ дѣлили, али такъ разошлись по-себѣ? спросилъ онъ.

— Коли, братецъ ты мой, мужики по-себѣ разойдутся! отвѣчалъ Петръ: — когда еще это бывало? Послѣдняго лыка каждому жалко: а мы съ батькой развѣ лучше другихъ? Прикидывали, прикидывали — все ни ему, ни мнѣ неладно, и пошли на міръ... Ну, а міровщину нашу тоже, знаешь: весь разумъ и совѣтъ идетъ изъ дьяковскаго кабака. Бятька, извѣстно, съѣздилъ туда по приказу мачихи, ведерко, другое въ сѣняхъ, въ сборной, выставилъ, а мнѣ, голова, не то, что ведро вина, а луковицы купить было не на что.

— Такъ, такъ; по тебѣ, значитъ, и мало говорили? замѣтилъ Сергѣичъ.

— А такъ по мнѣ говорили: худъ ли, хорошъ ли я, а все въ домѣ, коли не половинникъ, такъ третевикъ; а на міру присудили: хлѣба мнѣ — ржи только на ѣжу, и то до Спасова-дня, слышь; а яроваго и совсѣмъ ничего: худо тѣмъ годомъ родилось; изъ скотины—телушку недойную, бычка-годовика, да овцу паршивую; на житье отве-

ли, почесть, безъ угловъ баню — разживайся, какъ хошь, словно послѣ пожара вышелъ; изъ одежи-то, голова, что ни есть, и того какъ слѣдуетъ не отдали: сибирочка тоже синяя была у меня и кушакъ при ней астраханскій, на свои, голова, денежки до копейки, и заводилъ передъ свадьбой, и про ту старикъ, по мачихину наущенью, закрестился, забожился, что отъ него шло — такъ и оттягалъ.

Сергѣичъ качалъ головою.

— Бревенъ, братецъ ты мой, было у меня на пустоши нарублено триста съ полсотней, продолжалъ Петръ: — сталъ этихъ я бревенъ у батьки просить на обзаведенье, по-крайности сухія — и того старикъ не далъ; руби, значитъ, съизнова, да изъ сыраго лѣса. И строить принялся; прихватить хошь бы какого плотничишка не на што: такъ съ одной хозяйкой и выстроилъ. Срамоты-то одной, голова, ни за што бы не взялъ; я сижу на одномъ углѣ, а баба на другомъ, потяпываетъ, какъ умѣетъ; а ужь какъ свою-то спину нагнулъ да надломилъ такъ... тутъ Петръ остановился и махнулъ рукой.

— Покойный родитель твой, началъ Сергѣичъ — былъ благопріятель мой, самъ знаешь, а не скажу по немъ: много противъ тебя грѣха на душу принялъ.

— Нѣтъ, братецъ, не то, возразилъ Петръ: — дѣло теперь прошлое, батьку мнѣ грѣхъ помя-

нуть много лихомъ; не со зла старикъ дѣлалъ, а такое, видно, навожденіе на него было.

— Эхъ, другъ сердечный! возразилъ въ свою очередь Сергѣичъ: — да развѣ на немъ одномъ эти примѣры? Старому мужику молодую бабу въ домъ привести — семью извести.

Я видѣлъ, что Сергѣичъ и Петръ такъ разговорились, что ихъ не надобно ужь было спрашивать, а достаточно было предоставить имъ говорить самимъ, и они многое разсказали бы, но мнѣ хотѣлось направить разговоръ на предметъ, по преимуществу, меня интересовавшій, и потому я спросилъ:

— Тебя мачиха твоя, вѣроятно, и испортила?

Петръ, вмѣсто отвѣта, кивнулъ мнѣ головой.

— Какимъ же образомъ она тебя испортила?

Петръ посмотрѣлъ на меня съ насмѣшкой и отвѣчалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ:

— Да я почемъ знаю! Какой ты, баринъ, право!

— Что жъ такое?

— Да какъ же! Я скажи ему, какъ, портятъ? я не колдунъ.

— Почему жь ты думаешь, что тебя испортили?

— Перестань-ка; разговаривать что-то съ тобой не охота; больно ужь ты любопытенъ! отвѣчалъ Петръ съ досадою.

Предъидущій разговоръ замѣтно возбудилъ въ немъ желчное расположеніе.

— Не собою, государь милостивый, узналъ,

вмѣшался хитрый Сергѣичъ, видѣвшій, что мнѣ любопытно знать, а Петръ не хочетъ отвѣчать и начинаетъ сердиться; — самому гдѣ экое дѣло узнать! продолжалъ онъ; — тоже хворалъ, хворалъ, значитъ, и выискался хорошій человѣкъ — да! сказалъ, какъ и отчего.

— Кто это такой хорошій человѣкъ? спросилъ я.

— Колдунъ у насъ, батюшка, былъ въ деревнѣ Печурахъ, отвѣчалъ Сергѣичъ: — такъ и прозывался «печурскій старичище».

— Плутомъ, голова, въ народѣ обзывался, а мнѣ все сказалъ, перебилъ Петръ.

— Плутъ ли тамъ, али нѣтъ, кто про то знаетъ? возразилъ Сергѣичъ; — а что старикъ былъ мудрый, это что говорить! Что, вѣдь, народу къ нему ѣздило всякаго: и простаго, и купечества, и господъ — другой тоже съ болѣстью, другой съ порчей этой, иной погадать, гдѣ пропащее взять, али поворожиться, чтобы съ милой подружиться. И такое, государь, заведенье у него было, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — жилъ онъ тоже бобылькомъ, своимъ домкомъ, въ избушкѣ, далече отъ селенья, почесть-что на полѣ; и все калитка назаперти. Теперича, другое-иное время, народъ видитъ, что онъ подъ окошечкомъ сидитъ, лапотки поковыриваетъ, али тамъ около печки кряхтитъ, стряпаетъ тоже кое-что про-себя; а какъ кто, сударь, подъѣхалъ, онъ калитку отперъ и въ голбецъ сейчасъ спрятался; ты, примѣрно, въ избу идешь,

а онъ оттоль изъ голбца и лѣзетъ: сѣдой, старый, бородища нечесаная; волосищи на головѣ какъ овинъ, носъ красный, голосище сиплый. Я тоже старшую сношку посылалъ къ нему: овцы у насъ запропали; такъ въ избу-то войдти вошла, а какъ увидала его, взвизгнула и бѣжать—испугалась, значитъ. И кто бы теперь къ нему ни пришелъ, сейчасъ и ставь штофъ вина, а то и разговаривать не станетъ—ломъ былъ такой пить, что на удивленіе только.

— Штофъ купить не разоренье, возразилъ Петръ; — я тѣмъ временемъ въ Галичѣ рублевъ полтораста пролечилъ; бралъ-бралъ у Пузича денегъ, да и полно! Дошелъ до того, голова, ни хлѣба въ домѣ, ни одежи ни на себѣ, ни на хозяйкѣ; на работу силы никакой не стало; голодный еще кое-какъ маешься, а какъ поѣлъ — смерть да и только: у сердца схватитъ, съ души тянетъ; бывало, иной разъ на работѣ, али въ полѣ, повалишься на лугъ, да и катаешься часъ-два, какъ лошадь въ чемерѣ. Не смогъ, братецъ ты мой, до Печуръ-то дойдти, хозяйкѣ велѣлъ ужь телегу заложить, повалился словно пластъ; до чего бы дошелъ—и Богъ вѣдаетъ. Пріѣхали въ тѣ поры къ нему; хозяйка подала ему полштофчика—вылилъ, голова, въ ковшикъ, выпилъ сразу и тутъ же ворожить сталъ: «Поди, говоритъ хозяйкѣ, почерпни въ этотъ ковшикъ въ сѣняхъ изъ кадки воды; вино, говоритъ, не споласкивай, а такъ и черпай, какъ я пилъ». При-

несла та, братецъ ты мой; онъ подалъ мнѣ: «гляди, говоритъ, отъ кого твоя болѣсть идетъ:» тутъ, голова, мачиху мнѣ въ водѣ и показалъ.

— Какъ же ты въ ковшѣ ее и видѣлъ? спросилъ я.

— Въявь, словно въ зеркалѣ, отвѣчалъ Петръ.

— Полно, Петръ; ты это думалъ, такъ тебѣ такъ и показалось, сказалъ я.

— Ну да, показалось. Вы, баря, все не вѣрите; больно ужь умны! Не пьяному показалось: у меня, въ тѣ поры, не то, что вина, куска во рту не бывало. Смотрю, голова, и вижу. «Видишь-ли?» говоритъ онъ мнѣ. «Вижу, говорю, дѣдушка».—«Ну, братъ, ладно, говоритъ, что на меня наскочилъ. Твой лихой человѣкъ себя на сорока травахъ заговорилъ, никто бы тебѣ, окромя меня, не открылъ бы его».

— Осилилъ, значитъ, замѣтилъ Сергѣичъ.

— Осилилъ, голова. «Я, говоритъ, знаю пятьдесятъ-три травы; теперь, говоритъ, клади на столъ сколько денегъ привезъ, а тутъ и скажу, что надо». Хозяйка, голова, положила четвертакъ—удовольствовался.

— Капиталы не жадный былъ копить; вино чтобъ было только пить, а денегъ сколько-нибудь дай—доволенъ, замѣтилъ Сергѣичъ.

— Какое, голова, жадный! взялъ, хоша бы тутъ четвертакъ, и все сдѣлалъ. «Теперь, говоритъ,

ступай ты домой, слышь? Пять зорь умывайся росой, на шестую зорю ступай къ третьимъ отъ здѣшняго селенья воротцамъ, и иди ты все вправо, по перегородѣ; тутъ ты увидишь, что всѣ колья, что подпираютъ, нескобленые; одинъ только колъ скобленый; ты этотъ колъ переруби, обкопай его кругомъ и найдешь ты тутъ ладонку и на этой ладонкѣ наговоръ противъ тебя и сдѣланъ».

— Онъ, вѣроятно, самъ этотъ колъ и воткнулъ, сказалъ я.

Петръ разсердился.

— Да, да, разсудилъ, какъ размазалъ! возразилъ онъ. — Вотъ онъ тоже этакого хватика-баринка, какъ ты — тотъ тоже все смѣялся да не вѣрилъ — такъ онъ такъ ему отшутилъ, что хозяйка опосля любить и не стала, да и въ люди еще пошла.

— Было, было это дѣло, подтвердилъ Сергѣичъ: — а теперича, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—коли свадьбы облизь его были, всѣ ужь забезпремѣнно звали его да угощали, а то на вѣкъ жениха не человѣкомъ сдѣлаетъ...

— Да что, голова, перебилъ Петръ: — пять лѣтъ, вѣдь, братецъ ты мой, я ходилъ и колъ этотъ видѣлъ, только ничего не помекалъ на него. Всю перегороду опосля хозяйка обѣжала: всѣ колья на подборъ нескобленые — одинъ только онъ оскобленый. Для ча?.. для какой надобности?..

— Такъ ужь видно надо имъ было, возразилъ Сергѣичъ.

— А окромя кола, продолжалъ Петръ: — все, до послѣдней малости, нашелъ по его сказанью, какъ по писаному. «Какъ, говоритъ, ты эту ладонку съищешь, въ ней, говоритъ, бумажка зашита — слышь? Бумажку эту ты выпь и дай кому хошь грамотному прочесть, и какъ, говоритъ, тебѣ ее прочитаютъ, ты ее часу при себѣ не оставляй, а пусти на вѣтеръ отъ себя». А про ладонку, братецъ ты мой, сказалъ: «Перелѣзь, говоритъ, ты черезъ огородъ и закопай ее на какомъ хошь мѣстѣ и воткни новый колъ, оскобленый, и упри его въ перегороду; пять зорь опосля того опять умывайся росой, а на шестую ступай къ перегородкѣ: коли коликъ твой не перерубленъ и ладонка тутъ — значитъ, весь заговоръ ихъ пропалъ; а коли твое дѣло попорчено — значитъ, и съ той стороны сила большая». Все сдѣлалъ, голова, по его; однако на шестую зорю пришелъ: колъ мой перерубленъ и вся земля кругомъ взрыта, словно медвѣдь съ убойной возился.

— Осердились, значитъ! проговорилъ Сергѣичъ.

— То-то, видно, не по нраву пришлось, что дѣло ихъ узнано, отвѣчалъ Петръ; потомъ, помолчавъ, продолжалъ: — удивительнѣе всего, голова, эта бумажка; написано въ ней было всего только

четыре слова: *напади тоска на душу раба Петра.* Какъ мнѣ ее, братецъ, одинъ человѣкъ прочиталъ, я всталъ подъ вѣтромъ и пустилъ ее отъ себя—такъ, голова, съ версту летѣла, изъ глазъ-на-ли пропала, а на землю не падаетъ.

Проговоривъ это, Петръ задумался. Нѣкоторое время разговоръ между нами прекратился.

— Я все, другъ сердечный, дивуюсь, началъ Сергѣичъ глубокомысленно: —отъ кого это ваша Ѳедосья науки эти произошла! По нашимъ мѣстамъ, окромя этого старичищи, не отъ кого заняться.

— Э, голова, нѣтъ; не то! возразилъ Петръ;— я ужь это дѣло опосля узналъ: у нихъ въ роду это есть.

— Въ роду? вотъ ти что! воскликнулъ Сергѣичъ.

— Да, въ роду, продолжалъ Петръ. — Може не помнишь ли ты, отъ Парѳенья старушонка къ намъ въ селенье переѣхала, нашей Ѳедоскѣ сродственница? Ну, у насъ въ избѣ, братецъ ты мой, и поселилась, на голбцѣ у насъ и околѣла — въ тѣ поры никому не-въ-домекъ, а она была колдунья сильная...

— Вотъ ти что!.. повторилъ еще разъ Сергѣичъ.

— Батька, ты думаешь, спроста женился? продолжалъ Петръ: — какъ бы, голова, не такъ!

Самъ посуди: старику былъ шестой десятокъ, пять лѣтъ вдовствовалъ, дѣвки на возрастѣ, я тоже въ подросткахъ не малыхъ — пошто было жениться?

— Еще какъ, другъ сердечный, пошто-то! замѣтилъ Сергѣичъ.

— Вдругъ, голова, пожила у насъ Ѳедоска лѣто въ работницахъ, опять продолжалъ Петръ: — словно сблаговалъ старикъ, говоритъ: «я еще въ порѣ, мнѣ безъ бабы не жить!» — Такъ возьми ровню; мало ли у насъ въ вотчинѣ вдовъ пожилыхъ! А то, голова, взялъ изъ чужой вотчины дѣвку двадцати лѣтъ, въ тѣ поры скрылъ, а опосля узналось: двѣсти-пятьдесятъ выкупу за нее далъ— отъ какихъ, паря, денегъ!...

Сказавъ это, Петръ опять впалъ въ раздумье.

— Что жь тебѣ, лучше стало послѣ, какъ ты былъ у старичищи? спросилъ я его.

— Лучше не лучше, по-крайности живъ остался, отвѣчалъ онъ.

— Ты, однако, Петръ Алексѣичъ, долго про нее не сказывалъ, да не оказывалъ! сказалъ Сергѣичъ.

— Я ее совсѣмъ не оказывалъ, такъ и скрылъ: батьку все жалѣлъ, отозвался Петръ, не измѣняя своего задумчиваго положенія.

— Да, продолжалъ Сергѣичъ, — отдастъ эта бабонька отвѣтъ Богу: много извела она народу;

какое только ей будетъ на томъ свѣту наказанье?

— А развѣ она и кромѣ еще Петра портила? спросилъ я.

— Ай, сударь, какъ не портила! отвѣчалъ Сергѣичъ: — теперича, первая вотъ хозяйка его стала хворать, да на нее выкликать. Была у насъ дѣвушка, Варюшка Никитина, гулящая этакая дѣвчонка: ту, по ревности къ дьячковскому цаловальнику, испортила.

— А брата-то роднаго извела! сказалъ Петръ: — и за что вѣдь! голова, самъ мнѣ сказывалъ: въ Галичѣ они тоже были; она и говоритъ: «сведи меня въ трактиръ, попой чайкомъ!» Тому, голова, было что-то некогда. «Нѣту, говоритъ, опосля!» Она обозлилась. «Ну, ладно же, говоритъ, помни это!» И тутъ же, голова, и испортила: какъ пріѣхалъ домой, такъ и ухватило. Маялся, маялся съ мѣсяцъ, дѣлать нечего, пошелъ къ ней, сталъ ей кланяться: «Матушка-сестрица, помилуй!» — «А! говоритъ, братецъ любезный, ты въ тѣ поры двугривеннаго пожалѣлъ, а теперь бы и сто рублевъ заплатилъ, да поздно!»

— Слышалъ и про это дѣло, подтвердилъ Сергѣичъ: — слава Богу, присовокупилъ онъ: — что на поселенье-то ее сослали, а-то бы она еще не то бы натворила.

Петръ на это ничего не отвѣчалъ и только вздохнулъ.

— Какимъ образомъ и за что именно сослали ее? спросилъ я.

— Сослали ее, государь милостивый, отвѣчалъ Сергѣичъ: — вотчина того пожелала: первое, что похваляться стала она на барина, что барина изведетъ, пошто тогда ее поучили маненько... Тебя, вѣдь, Петръ Алексѣичъ, не было въ тѣ поры, безъ тебя всѣ эти дѣла-то произошли, прибавилъ онъ, обращаясь къ Петру.

— Безъ меня!... Воротился тогда съ заработки, прошелъ мимо родительскаго дому: словно выморочный — и ставни заколочены; батька померъ, дѣвокъ во дворъ взяли, а ее сослали! отвѣчалъ Петръ съ какой-то тоской и досадой.

— Такъ, такъ! продолжалъ Сергѣичъ:—на какихъ-нибудь недѣляхъ все это и сдѣлалось. Я тутъ тоже, согрѣшилъ грѣшный, маненько докащикомъ былъ, за Сережку-то больно злоба была моя на нее, и теперича, слышавши эти ея слова про барина, слышавши, что, окромя того, селенье стращаетъ выжечь, я, прошлымъ дѣломъ, до бурмистра ходилъ: «это, говорю, Иванъ Васильичъ, какъ ты хошь, а я тебѣ заявлю, это нехорошо; ты и самъ неправъ будешь, коли что случится—да!» Съ этихъ моихъ словъ и пошло все. Бурмистръ тоже поопасился: становому заявилъ. Тотъ сейчасъ наѣхалъ и обыскъ у ней въ домѣ сдѣлалъ: такъ однѣхъ травъ, сударь, у ней четыре короба нашли, а что камушковъ разныхъ —

этакихъ мы и не видывали; земли тоже всякой: видно, все изъ подъ слѣдовъ человѣческихъ. Стали ее опрашивать, какія это травы? — «не знаю»... чья земля? — «не знаю»... пошто она у тебя? — «не знаю»... Только и отвѣту было. Хошь бы въ словѣ проговорилась. Двои сутки съ ней становой бился, напослѣдокъ говоритъ бурмистру: «Что, говоритъ, съ ней, бестіей, дѣломъ вести! Какъ на нее докажешь! Пиши барину: онъ лучше распорядится.» Такъ тотъ и описалъ. Баринъ и приказываетъ сослать ее на поселенье, коли міръ приговоритъ. Тутъ она и сробѣла, и чего ужь не дѣлала, Боже ты мой! И виномъ-то поила, и денегъ сулила — ни што не взяло: присудили!

— Въ острогѣ-то какъ она сидѣла, началъ Петръ:—я тоже проходилъ мимо Галича, зашелъ къ ней, калачикъ принесъ... заплакала, братецъ ты мой. «Не была бы, говоритъ, я въ этомъ мѣстѣ, кабы не одинъ человѣкъ; не пошла бы я, говоритъ, за этимъ больно-худымъ, кабы не хотѣла его приворожить, въ сорока квасахъ ему пить давала — и былъ бы онъ мой, да печурскій старичище моему дѣлу помѣшалъ.» Только и сказала. «Теперь, говоритъ, меня на поселенье ссылаютъ; только, ты, Петръ, этому не радуйся: тебѣ самому не будетъ счастья ни въ чемъ. Кажиный часъ сердце твое будетъ грызть тоска и печаль»... И все, вѣдь, голова, правду сказала: што-што живешь на свѣтѣ!—ничего не веселитъ, словно темной ночью ходишь. Ни жена, ни дѣти,

ни работа, ни што не мило, и самъ себѣ словно ворогъ какой! Вотъ только и есть, какъ этой омеги проклятой стакана три огородишь, такъ словно отъ сердца что поотляжетъ.

Проговоривъ это, Петръ вздохнулъ и потомъ вдругъ поднялъ голову.

— Будетъ! баста! проговорилъ онъ, пора ужинать барину. Я вижу, любо наше каляканье слушать, а намъ все пѣтуховъ будить придется. Матюшка, дуракъ! подай шапку: вонъ лежитъ на бревнахъ!

Матюшка подалъ ему.

— Спасибо, продолжалъ Петръ: — я тебя за это въ первый разъ, какъ хлестать станутъ, за ноги подержу, и ужь крѣпко, не бойся, не вывернешься.

— Да за што меня хлестать станутъ? спросилъ Матюшка.

— И по-моему, братецъ, не за што: душа ты кроткая, голова крѣпкая, проговорилъ Петръ и постучалъ Матюшку въ голову.—Вона, словно въ пустомъ овинѣ! Ничего, Матюха, не печалься! Проживешь ты вѣкъ, словно кашу съѣшь. Маршъ, ребята! заключилъ онъ, вставая.

— За угощенье твое благодаримъ, государь милостивый, сказалъ Сергѣичъ, кланяясь.

— Да ты ниже кланяйся, старый хрѣнъ! всю жизнь спину гнулъ, а не изловчился на этомъ! подхватилъ Петръ, нагибая старику голову.

Сергѣичъ засмѣялся, Матюшка тоже захохоталъ.

— Прощай, баринъ, продолжалъ Петръ, надѣвая шапку. — Правда ли, дворовые твои хвастаютъ, что ты книги печатныя про мужиковъ сочиняешь? прибавилъ онъ, пріостановясь.

— Сочиняю, отвѣчалъ я.

— Ой-ли? воскликнулъ Петръ. — Въ грамотѣ я не умѣю, а почиталъ бы. Коли такъ, братецъ, такъ сочини и про меня книгу, а о дѣдушкѣ Сергѣичѣ напиши такъ: «шестьдесятъ, молъ, восьмой годъ, слышь! ни одного зуба во рту, а по закоулкамъ ходитъ»...

— Полно, балагуръ, полно! Пойдемъ лучше ужинать, коли собрался, сказалъ Сергѣичъ, слегка толкнувъ Петра въ спину.

— Пойдемте! отвѣчалъ тотъ и обнялъ одною рукой Матюшку.

Веселость Петра, впрочемъ, вспыхнула на минуту: онъ опять потупилъ голову. Всѣ они пошли неторопливо, и я еще долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ, глядя на нетвердую и заплетающуюся походку Сергѣича, на безпечную, но здоровую поступь кривоногаго Матюшки, наконецъ на задумчивую и сутуловатую фигуру Петра.

V.

Успеньевъ день — у насъ въ приходѣ праздникъ. Это можно ужь догадаться потому, что кучеръ мой, Давыдъ, между нами сказать, сильный бахвалъ и большой охотникъ до парадныхъ выѣздовъ,—еще въ семь часовъ утра, едва успѣлъ я встать, пришелъ въ горницу.

— Что тебѣ? спрашиваю я.

— Изволите ѣхать молиться къ обѣднѣ, или нѣтъ-съ? Коли поѣдете, такъ лошадей надо припасти.

Собственно говоря, лошадей совершенно нечего припасать, а стоитъ только вывести изъ конюшни и заложить, и Давыдъ, я знаю, пришелъ спрашивать, чтобъ скорѣе успокоить свое ожиданіе насчетъ того, удастся ли ему проѣхать и пофорсить.

— Поѣду, говорю я.

У Давыда отъ удовольствія кровь бросается въ лицо.

— Жеребцовъ, вѣдь, припасти? спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, братецъ, разгонныхъ бы, говорю я.

— На разгонныхъ нельзя, вся ваша воля: разгонныя лошади совсѣмъ смучены; а что̀ эти одры

стоятъ только, да овесъ ѣдятъ! Хошь мало-мальски промнутся, возражаетъ Давыдъ съ вытянувшимся лицомъ, и я убѣжденъ, что одна мысль: ѣхать на разгонныхъ къ празднику, было для него мученьемъ.

— Ну, хорошо, на жеребцахъ поѣдемъ, говорю я: — только уговоръ лучше денегъ: въ сараѣ не изволь ихъ муштровать и хлестать, а то они у тебя выскакиваютъ, какъ бѣшеные, и, подъѣзжая къ приходу, не скакать благимъ-матомъ, а то, пожалуй, или себѣ голову сломишь, или задавишь кого-нибудь.

— Не извольте безпокоиться. Господи, Боже мой! не первый годъ ѣзжу! говоритъ Давыдъ и потомъ, постоявъ немного, присовокупляетъ:

— Кафтанъ синій надо надѣть-съ?

— Конечно, говорю я.

— Кушакъ тоже шелковый? прибавляетъ онъ.

— Конечно, конечно, подтверждаю я, не понимая еще, къ чему онъ ведетъ этотъ разговоръ: синій кафтанъ и шелковый кушакъ находятся совершенно въ его распоряженіи.

— Вы эт-та изволили говорить, перчатки зеленыя купить мнѣ въ Чухломѣ.

— Ну, да! Что жь?

— Не длячего покупать-съ... у Семена Яковлича еще послѣ папеньки вашего лежатъ кучерскія

перчатки; не даетъ только безъ вашего приказанья, а перчатки важныя еще! разрѣшаетъ, наконецъ, Давыдъ, къ чему онъ клонилъ разговоръ.

— Хорошо; скажи чтобъ далъ, говорю я.

И Давыдъ, очень довольный, отправляется. Надобно сказать, что онъ очень хорошій кучеръ и вообще малый трезваго поведенія и добраго нрава, но имѣетъ одну слабость: прихвастнуть и прихвастнуть не о себѣ, а все какъ-бы въ мою пользу. Вдругъ, напримѣръ, разскажетъ гдѣ-нибудь на станціи, на которой насъ обоихъ съ нимъ очень хорошо знаютъ, что я графъ, генералъ, и что у меня тысяча душъ, или ошибетъ какого-нибудь сосѣда-мужика, что у насъ двадцать жеребцовъ на стойлѣ стоятъ. Когда я бываю съ нимъ иногда въ городѣ и даю ему полтинникъ на чай, онъ этотъ полтинникъ никогда не издержитъ, но, воротившись домой, выброситъ его на столъ предъ своей семьей и скажетъ: «нате-ста; только и осталось отъ пяти серебромъ баринова подареньица.» Кромѣ этихъ внѣшнихъ достоинствъ, онъ любилъ меня украшать и внутренними, нравственными качествами; такъ, напримѣръ, припишетъ мнѣ храбрость неимовѣрную, въ разсказѣ такого рода: что разъ будто-бы мы ѣхали съ нимъ ночью и встрѣтили медвѣдя, и онъ, испугавшись, сказалъ: «баринъ, я пущу лошадей», а я ему на это сказалъ: «подержи немного, жалко медвѣжьей шкуры,» и убилъ медвѣдя изъ пистолета, тогда-какъ я въ жизнь свою воробья не застрѣливалъ.

Послѣ Давыда начинаетъ являться прочая дворня проситься на праздникъ — обычай, который заведенъ былъ еще прадѣдами и который я поддерживаю, имѣя случай при этомъ дѣлать неистощимое число наблюденій. Первая всегда является Александра скотница, очень плутоватая и бойкая женщина.

— Батюшка, Алексѣй Ѳеофилактычъ, позвольте на праздникъ-то сходить, говоритъ она.

— Хорошо, ступай; только какъ коровы безъ тебя останутся? — смотри!

— О коровахъ, батюшка, я баушку Алёну просила: баушка походитъ. Какъ можно о скотинѣ не думать! Я о ней кажинный часъ жалѣю. И сегодня не пошла бы, да у тётки моей праздникъ, а у меня и родни-то не свѣтъ: только тётка родная и есть, говоритъ она скороговоркой.

— Ступай, говорю я, хоть и предчувствую, что она меня обманываетъ. Только-что Александра ушла, мимо оконъ по двору идетъ Андрюшка ткачъ, съ женой, очень смазливый малый, годъ назадъ женившійся на молоденькой и очень хорошенькой изъ крестьянъ бабёнкѣ, значитъ, еще *молодые* и оба, въ отношеніи меня, несмѣлые; они стоятъ нѣкоторое время на дворѣ и перекоряются, кому идти проситься; наконецъ, подходитъ къ окну молодая и кланяется.

— Здравствуй, милушка, говорю я.

Она вся вспыхиваетъ.

— На праздникъ, что ли, хочешь идти? спрашиваю я.

— Нешто, сударь? говоритъ она.

— Ну, ступай.

— И хозяина ужь пусти! прибавляетъ она.

— Ступайте.

Она хочетъ идти.

— Да постой! говорю я: — у тебя грудной ребенокъ: какъ ты его оставишь?

— Пошто оставлять: съ собой возьму.

— Помилуй, ты измучишь и сама себя и ребенка.

— Ой, ничего, отвѣчаетъ она: — мало ли съ ребятами ходятъ, не одна я — ничего!

— Ступайте.

Она кланяется и опять краснѣетъ и, подходя къ мужу, говоритъ: «пустилъ!» Тотъ тоже издали мнѣ кланяется и уходятъ оба. Комнатный человѣкъ мой, Константинъ, сопутникъ съ десятилѣтняго возраста моей жизни, имѣющій обыкновеніе обращаться со мной строго, приготовляетъ мнѣ бриться и одѣваться съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Ему тоже хочется на праздникъ, и онъ думаетъ, что не попадетъ, но я намѣренъ доставить ему это удовольствіе.

— Константинъ, ты велишь осѣдлать себѣ лошадь и поѣдешь со мной.

— Слушаю-съ, отвѣчаетъ онъ голосомъ необычно-суровымъ. — Старуха Алена пришла: про-

сится тоже помолиться, прибавляетъ онъ, умилившись сердцемъ отъ собственнаго удовольствія.

— Какъ же мнѣ дѣлать? ужь я скотницу отпустилъ, воскликнулъ я. — Позовите старуху.

Старуха входитъ.

— Я, вѣдь, старуха, скотницу Александру отпустилъ: она мнѣ наврала, что ты берешься посмотрѣть за коровами.

— Ну, батюшка, вся ваша воля, отвѣчаетъ старуха покорнымъ, но укоризненнымъ тономъ: — круглый годъ изъ-за этой Александры Алексѣвны лба не перекрестишь. Она пошла пиво пить, а тебѣ и помолиться нельзя!

— Эй! кто тамъ? кричу я: — скажите Александрѣ, чтобъ она не уходила; а ты, старуха, ступай.

— Гдѣ ужь, батюшка! не воротишь ее: совсѣмъ-нарядная приходила къ тебѣ проситься, прямо изъ горницы и побѣжала; верстъ на пять теперь ужь ушла.

Мнѣ стало жаль старухи.

— На тебѣ двугривенный, что ты остаешься; а въ слѣдующее воскресенье я тебя на лошади отправлю Богу помолиться, говорю я.

— Ой, батюшка! что это? пошто? И такъ довольны вашей милостью, говоритъ она; впрочемъ, беретъ двугривенный и этимъ отчасти успокоивается.

Я продолжаю смотрѣть въ окно: старикъ поваръ прошелъ, въ бѣлой манишкѣ моего пода-

ренья; молодая горничная, еще наканунѣ завившая свои виски въ мелкія косички, а теперь расчесавшая ихъ, прибѣжала, какъ сумасшедшая, къ маткѣ въ избу. Ключница прошла въ погребъ, въ терновомъ платьѣ и въ шелковомъ, повязанномъ маленькой головкой, платочкѣ. Это штатъ барыни, и они у нея, вѣроятно, отпросились. Я вижу даже, что у конскаго двора отчаянный Васька запрягаетъ имъ въ телегу лошадь, и самъ, никого не допуская, натягиваетъ супонь. Такимъ-образомъ сбирается вся почти дворня, за исключеніемъ развѣ дѣдушки Ѳаддея: и тотъ остается потому, что съ печки слѣзть не можетъ. Впрочемъ, онъ только еще нынѣшній годъ не пошелъ, а прошлый ходилъ, но, не дойдя еще до прихода, свалился въ канаву и пролежалъ тутъ почти цѣлый день. Даже Семенъ, несмотря на свою флегматичность и безстрастность характера, остался очень-доволенъ, когда я ему предложилъ, чтобъ и онъ тоже ѣхалъ. Никогда еще не замѣчалъ я въ немъ такой расторопности: не прошло пяти минутъ, какъ онъ уже сидѣлъ верхомъ на чалкѣ, въ синемъ кафтанѣ и какой-то высокой бобровой шапкѣ, Богъ-знаетъ отъ кого и какимъ-образомъ доставшейся ему. Однако пора и мнѣ собираться; я одѣлся и вышелъ. Давыдъ, несмотря на мои просьбы и наставленія, распорядился по-своему: лошади, весьма добронравныя и хорошо-пріѣзженныя, вылетѣли изъ сарая, какъ обозленные дьяволы, такъ-что онъ, повалившись

совершенно назадъ, едва остановилъ ихъ у крыльца. Я убѣжденъ, что они жесточайшимъ образомъ нахлестаны; кромѣ того, коренную онъ, по обыкновенію, взнуздалъ бичевкой, чтобъ круче шею держала, а бѣднымъ пристяжнымъ притянулъ головы совершенно къ землѣ, такъ-что у нихъ глаза и ноздри налились кровью. Напрасно я возставалъ противъ этой его системы закладыванья: на всѣ мои замѣчанія онъ отвѣчалъ: «Господа всѣ такъ ѣздятъ, красивѣе этакъ!..» Въ настоящемъ случаѣ я ничего ужь и не говорилъ, и только просилъ его, Бога ради, не гнать лошадей, а ѣхать легкой рысью; онъ сначала какъ будто-бы и послушался; но въ нашемъ же полѣ, увидѣвъ, что идутъ изъ Утробина двѣ молоденькія бабенки, не могъ удержаться и, вскрикнувъ: «Эхъ вы, миленькія!» понесся, что есть духу.

— Неужели ты, Давыдъ, думаешь, что насъ молодцами за это сочтутъ? Напротивъ, дураками! принимался я-было ему втолковывать, но все напрасно. Подъѣзжая къ приходу, онъ весь какъ-то ужь изломался: шапку свернулъ на бекрень, самъ тоже перегнулся, вожжи натянулъ, какъ струны, а между-тѣмъ пошевеливаетъ ими, чтобъ горячить лошадей. День былъ свѣтлый; отъ прихода несся говоръ народа и раздавался благовѣстъ во вся; по дорогѣ шло пропасть народу и всѣ мнѣ кланялись.

— Матка, чей баринъ-то? говоритъ одна старуха другой.

— Ѳилата Гаврилыча, матка, сынъ, али не узнала? отвѣчаетъ ей та.

— Ну вотъ, какой хорошій да пригожій! говоритъ первая старуха.

На худой лошаденкѣ, которыя обыкновенно называются вертохвостками, гарцуетъ нѣкто Ѳомка Козыревъ, лакей и управляющій одной немолодой вдовы-помѣщицы. Ужь года три, какъ Ѳомка сталъ являться на всѣхъ праздникахъ, въ плисовыхъ штанахъ, въ плисовой поддевкѣ, съ серебряными часами; путемъ поклониться ни съ кѣмъ не хочетъ, простаго вина не пьетъ, а все давай ему наливокъ, жареныхъ пышекъ; на иной ярмаркѣ на рубль серебра съѣстъ въ день, а орѣхи безъ перемежки въ карманѣ насыпаны. За это, или по другимъ какимъ причинамъ, его и прозвали *полубариномъ*. Завидѣвъ меня и замѣчая, что я начинаю его обгонять, онъ также, въ свою очередь, начинаетъ горячить лошадь, а самъ представляетъ, что совладѣть съ ней не сможетъ. Лошаденка завертѣла хвостомъ и пошла бокомъ забирать, все дальше-и-дальше, въ сторону. Чѣмъ ближе къ селу, тѣмъ больше обгоняешь народу. Какія у всѣхъ довольныя лица, а между-тѣмъ какъ мало надобно, чтобъ доставить этимъ людямъ это удовольствіе. Прійдетъ иной верстъ за десять пѣшкомъ къ приходу, помолится, а тутъ и отправится въ деревню, гдѣ празднуютъ. Хорошо еще у кого есть родные: тотъ прямо идетъ гоститься, то-есть выпить, пообѣдать и побол-

тать; а у кого нѣтъ, такъ взойдетъ въ избу несмѣло и проговоритъ какимъ-то страннымъ голосомъ: «Съ праздникомъ, хозяева честные, поздравляемъ». Хозяинъ, который ужь дѣйствительно ничего не жалѣетъ, но котораго въ то же время одолѣваютъ гости, проговоривъ: «сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ», поспѣшитъ ему дать рюмку водки, пирога и пива; гость это выпьетъ, съѣстъ и отправится въ другую избу, и такимъ образомъ къ вечеру наберется порядочно.

Къ величайшему неудовольствію Давыда, я не допустилъ его произвести эффектъ, проѣзжая по улицѣ села, а велѣлъ ѣхать задами и пошелъ самъ пѣшкомъ. У церковныхъ воротъ пересѣкъ мнѣ дорогу маленькій семинаристикъ, въ длиннополомъ нанковомъ зеленомъ сюртучкѣ.

— Здравствуйте, папенька крестный, проговорилъ онъ.

Когда я его крестилъ—совершенно не помню.

— Здравствуй милый! Ты чей?

— Отца дьякона, папенька крестный, отвѣчалъ онъ.

— А! отца дьякона! Это хорошо... Что, обѣдня идетъ или нѣтъ?

— Начинается, папенька крестный, отвѣчаетъ онъ и, какъ человѣкъ привычный, пошелъ впереди, расталкивая для меня народъ.

Въ церкви, у лѣваго клироса, стоятъ двѣ барышни, небогатыя прихожанки. Я убѣжденъ, что, до моего появленія, онѣ молились усердно,

но какъ увидали меня, такъ и начали модничать. Мнѣ всегда нѣсколько грустно видѣть ихъ у прихода. Зачѣмъ онѣ не ходятъ въ просто-причесанныхъ волосахъ, а какъ-нибудь всегда ихъ взобьютъ? зачѣмъ онѣ носятъ эти собственнаго рукодѣлья шляпы изъ полинялой шелковой матеріи, съ полинялыми лентами? зачѣмъ такъ безбожно крахмалятъ свои кисейныя платья и, наконецъ, зачѣмъ, попреимуществу старшая, произноситъ все въ носъ? Я подозрѣваю, что, говоря такимъ образомъ, она воображаетъ, что говоритъ по-французски.

Послѣ обѣдни я хотѣлъ-было пройдтись по ярмаркѣ, но меня остановила проживающая въ селѣ немолодая тоже дѣвица изъ духовнаго званія, по имени Арина Семеновна, дѣвица большая краснобайка и очень-неглупая.

— Позвольте, батюшка, Алексѣй Ѳеофилактычъ, начала она: — просить васъ осчастливить меня вашимъ посѣщеніемъ. Я еще пользовалась милостями вашего папеньки, маменьки; по добротѣ своей и великодушію, они никогда не брезговали посѣщать мою сиротскую хижину. Слухъ тоже, батюшка, и про васъ идетъ, что вы въ папеньку, негордые.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сударыня; но меня звалъ отецъ Николай; чтобъ мнѣ туда не опоздать, сказалъ я.

— Отецъ Николай, батюшка, долго еще изволятъ пробыть въ церкви, такъ-какъ теперича про-

стой народъ молебны будетъ служить, а вы, по-крайности, тѣмъ временемъ чайку или кофейку у меня откушаете. Богато-небогато, сударь, живу, а все на пріемъ такихъ дорогихъ гостей имѣю.

— Очень хорошо, сударыня, извольте.

— Не знаю, какъ и благодарить за ваши милости, сказала мнѣ съ поклономъ Арина Семеновна и отнеслась къ идущимъ за мной двумъ барышнямъ:

— Нимфодора Михайловна, Минодора Михайловна, позвольте и васъ просить къ себѣ на чашку чаю: я у васъ частая гостья, гощу, гощу, и стыда не знаю, а васъ въ своемъ домѣ давно не имѣла счастія видѣть.

— О, нѣтъ, вы этого не можете сказать: мы у васъ тоже частые гости! произнесла совершенно въ носъ старшая сестра, Нимфодора.

— Кабы еще чаще, еще бы я была больше осчастливлена, сказала Арина Семеновна.

Всѣ мы такимъ образомъ пошли къ ней. Я видѣлъ, что барышнямъ очень хочется заговорить со мной, но я, признаюсь, побаивался этого.

— Какъ здоровье вашей супруги? сказала наконецъ младшая, Минодора, говорившая меньше въ носъ, но за то, судя по выраженію лица, должно быть, болѣе желчная, чѣмъ старшая. Впрочемъ, обѣ онѣ, какъ уже немолодыя дѣвицы, были немного злы, и на меня, какъ я слышалъ, питали большую претензію за то, что я не знакомился съ ними. Предчувствуя, что вопросъ этотъ былъ

сдѣланъ съ ядовитой цѣлью, я поспѣшилъ отвѣчать:

— Слава Богу, здорова, и мы съ ней все сбираемся къ вамъ.

Что-то въ родѣ улыбки пробѣжало по губамъ обѣихъ барышенъ.

— И скоро исполните ваше обѣщаніе? сказала старшая, Нимфодора, еще болѣе въ носъ.

— На той недѣлѣ непремѣнно, непремѣнно, опять поспѣшилъ я отвѣчать.

— Очень пріятно, конечно, будетъ намъ видѣть васъ у себя, хоть, можетъ быть, вамъ будетъ у насъ и скучно, ядовито замѣтила младшая, Минодора; но потомъ, какъ бы желая смягчить это замѣчаніе, прибавила: — мы хоть не имѣли еще удовольствія видѣть вашей супруги, но ужь очень много слышали о нихъ лестнаго.

— А я, матушка, счастливѣе васъ: имѣла честь видѣть супругу Алексѣя Ѳеофилактыча, и вотъ при нихъ скажу, не показалась она мнѣ: старая, беззубая, нехорошая...

— О, нѣтъ, вы шутите! произнесла старшая, Нимфодора, въ носъ.

Арина Семеновна лукаво засмѣялась.

— Неужели, матушка, вправду говорю? отвѣчала она: — красавица, писанной красоты дама. Вотъ вы, барышни, больно у насъ хорошія, а она, пожалуй, лучше васъ.

Въ такого рода разговорахъ мы шли, и я замѣтилъ, что, если младшая, Минодора, язвила

смертныхъ больше словомъ, то старшая уничтожала ихъ презрительнымъ и гордымъ видомъ, особенно кланявшихся намъ мужиковъ и бабъ.

Когда мы пришли къ Аринѣ Семеновнѣ, она, конечно, захлопотала о приготовленіи угощенія намъ. У нея, впрочемъ, были ужь въ гостяхъ двѣ попадьи и дьяконица, которыя намъ церемонно поклонились. Барышни, чтобъ не уронить своего достоинства, сѣли на диванъ, а я, признаться, чтобъ избѣгнуть разговора съ ними, нарочно помѣстился у окна; но вдругъ, къ ужасу моему, старшая, Нимфодора, встала и сѣла около меня.

— Что вы теперь сочиняете? сказала она съ улыбкою и слегка наклоняя гогову.

Вопросъ этотъ обыкновенно и при другихъ обстоятельствахъ и отъ другихъ людей всегда меня конфузитъ.

— Нѣтъ, я теперь ничего не сочиняю, отвѣчалъ я, потупившись.

— Въ деревенскомъ уединеніи, я думаю, такъ пріятно сочинять, продолжала пытать меня Нимфодора, устремивъ прямо мнѣ въ лицо пристальный взглядъ.

— Да; но я занимаюсь больше хозяйствомъ, отвѣчалъ я, чтобъ что-нибудь сказать ей.

— О, такъ вы и хозяинъ хорошій! Какъ пріятно это слышать! воскликнула Нимфодора.

Почему это ей пріятно слышать — не понимаю.

— Я недавно читала, не помню чье, сочиненье,

Вѣчный Жидъ называется; какъ прелестно и безподобно написано! продолжала моя мучительница.

«Что жь это такое?» думалъ я, не зная, что съ собой дѣлать и куда глядѣть.

— Ныньче, такъ это грустно, снова продолжала Нимфодора, не спуская съ меня пристальнаго взгляда: — мы не имѣемъ гдѣ книгъ доставать. Когда здѣсь жилъ, въ деревнѣ, Рафаилъ Михайлычъ, съ которымъ мы были очень хорошо знакомы и почти каждый день видались и всегда у нихъ брали книги. Тутъ я у нихъ читала и ваше сочиненіе, «*Тюфякъ*» называется — какъ смѣшно написано.

Я начиналъ приходить въ совершенное ожесточеніе. «Тебѣ смѣшно», думалъ я, «что написано въ «Тюфякѣ», а развѣ ты не смѣшнѣе въ эти минуты, всего, что когда-либо я писалъ? Отчего же ты этого смѣшнаго не чувствуешь въ себѣ и не молчишь, какъ сердито молчитъ сестра твоя?» Чтобъ спасти себя хоть какъ-нибудь отъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ Нимфодорой, я высунулъ голову въ окно и сталъ будто бы съ большимъ вниманіемъ глядѣть на толпящійся тутъ и тамъ народъ. Изъ толпы, окружающей кабакъ, вышелъ Пузичъ съ Козыревымъ; оба они успѣли, видно, порядочно выпить. Я еще прежде слышалъ, что Пузичъ подрядился у Ѳомкиной госпожи строить новый флигель, и у нихъ, вѣроятно, были поэтому слитки. Пузичъ, увидѣвъ меня, остановился и поклонился, а Козыревъ, на-

хмуренный и мрачный, немного пошатываясь и засунувъ руки въ карманы плисовыхъ шароваръ, прошелъ-было сначала мимо, но потомъ тоже остановился и, продолжая смотрѣть на все исподлобья, сталъ поджидать товарища.

— Ваше высокоблагородіе, позвольте съ вами компанію имѣть, проговорилъ Пузичъ пьянымъ голосомъ.

— Нѣтъ, братецъ, въ другое ужь время, сказалъ я, показывая ему рукой, чтобъ онъ отправлялся, куда шелъ.

— Баринъ!.. Писемскій!.. Господинъ!.. позвольте съ вами компанію имѣть! прокричалъ Пузичъ на всю ужь улицу, такъ что Арина Семеновна, какъ хозяйка, обезпокоилась этимъ и подошла къ окну.

— Нехорошо, нехорошо, Пузичъ, сказала она:— мужикъ вы хорошій, богатый, а безпокоите господъ. Ступайте, ступайте!

— Арина Семеновна, позвольте компанію имѣть! воскликнулъ опять Пузичъ.—Ежели теперича барину, господину Писемскому, деньги теперича нужны — сейчасъ! Позови только Пузича: «Пузичъ, дай мнѣ, братецъ, денегъ, тысячу цѣлковыхъ»—значитъ, сейчасъ, ваше высокопривосходительство. Что мнѣ деньги! денегъ у меня много. Мнѣ баринъ, господинъ Писемскій, его привосходительство, значитъ, отдалъ теперича всѣ деньги сполна, и я благодарю, должонъ благодарить. Теперича, господинъ Писемскій мнѣ скажетъ: «Подай мнѣ, Пузичъ, деньги назадъ!» —

«Изволь, бери...» Позвольте, ваше превосходительство, компанію мнѣ съ вами имѣть, закричалъ онъ.

Въ это время вышелъ изъ-за угла Матюшка что-то съ несвойственнымъ ему печальнымъ лицомъ и робко подошелъ къ Пузичу.

— Дядюшка, дай два рублика-та, пробормоталъ онъ.

Физіономія Пузича въ минуту измѣнилась: изъ глупо-подлой она сдѣлась строгой.

— Какіе твои два рубли? сказалъ онъ, обернувшись къ Матюшкѣ лицомъ и уставивъ руки въ бока.

— Мамонька наказывала серпъ купить, жать нечѣмъ, проговорилъ тотъ.

— Какія твои деньги у меня? за какія услуги? говори! Ежели теперича ты пришелъ у меня денегъ просить, какъ ты смѣешь передо мной и господиномъ въ шапкѣ стоять? Тебѣ было сказано, на носу зарублено, чтобъ ты не смѣлъ передъ господами въ шапкѣ стоять, проговорилъ Пузичъ и сшибъ съ Матюшки шапку. Тотъ только посмотрѣлъ на него.

— Что дерешься? и на тебѣ шапка не притаченная, проговорилъ онъ, поднимая шапку.

— Молчать! Поговори еще у меня! продолжалъ Пузичъ.—Когда, значитъ, подрядчикъ съ тобой разговариваетъ, какой разговоръ ты можешь имѣть!

— Пузичъ, идемте! проговорилъ октавой Козыревъ, которому ужь, видно, наскучило ждать.

— Идемъ, идемъ, Флегонтъ Матвѣичъ, отвѣчалъ Пузичъ: — дураковъ, значитъ, надо учить, ваше привосходительство, коли они неумны, отнесся онъ ко мнѣ и, очень довольный, что удалось ему передъ всѣмъ народомъ покуражиться надъ Матюшкой, пошелъ съ Козыревымъ опять, кажется, въ кабакъ. Бѣдняга Матюшка издали послѣдовалъ за нимъ.

— Что? тебя не разсчитываетъ подрядчикъ? спросилъ я его.

— То-то-тка, все вотъ жилитъ, да дерется еще, отвѣчалъ онъ, уходя.

Не прошло четверти часа послѣ этой сцены, мы сидѣли еще съ барышнями у Арины Семеновны, въ ожиданіи отца Николая, который присылалъ изъ церкви съ покорнѣйшею просьбою подождать его, приказывая, что какъ онъ освободится, такъ самъ зайдетъ просить достопочтенныхъ гостей. Чтобъ отклонить для Нимфодоры всякую возможность вступить со мною въ разговоръ о литературѣ, я продолжалъ упорно смотрѣть въ окно. «Однако отецъ Николай что-то долго нейдетъ» думалъ я: «неужели онъ все еще молебны служитъ?» Около церкви никого ужъ не видать, а между тѣмъ въ противоположной сторонѣ, къ кабаку, масса народа дѣлается все гуще и гуще. Наконецъ, я увидѣлъ ясно, что туда идутъ и бѣгутъ.

— Кажется, пожаръ! сказалъ я, вставая.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Нимфодора и даже Минодора, съ довольно, повидимому, твердыми нервами. Въ это время вошелъ отецъ Николай, блѣдный и запыхавшійся.

— Батюшка! что такое случилось? откуда вы? спросилъ я.

— Что, сударь! случилось несчастье: убійство въ кабакѣ! Сейчасъ ходилъ напутствовать дарами, да ужь поздно — злодѣи этакіе!

— Скажите! произнесли опять Нимфодора и Минодора въ одинъ голосъ.

— Кто такіе? кто кого убилъ? спросилъ я.

— Плотники... стали пьяные въ кабакѣ съ хозяиномъ раздѣлываться... слово за слово, да и драка... одинъ молодецъ и уходилъ подрядчика на-смерть, отвѣчалъ отецъ Николай, садясь и утирая катившійся съ лица его крупными каплями потъ.

— Не Пузича ли это? сказалъ я.

— Его, его, Пузича, коли знаете. Плутоватый былъ мужичонко.

— Кто жь его убилъ? Онъ сейчасъ здѣсь былъ.

— Да я ужь и не знаю. Петромъ, кажется, зовутъ парня, высокій этакой, худой.

— Батюшка! нельзя ли еще какъ-нибудь помочь убитому? воскликнулъ я.

— Врядъ ли! отвѣчалъ отецъ Николай, сомнительно покачивая головой. Но я, схвативъ попавшійся мнѣ на глаза перочинный ножикъ, чтобъ пустить Пузичу кровь, пошелъ, какъ могъ, про-

ворно, къ кабаку. Мѣсто происшествія, какъ водится, окружала густая толпа; я едва могъ продраться къ небольшой площадкѣ передъ кабакомъ, на которой, по срединѣ, лежалъ вверхъ лицомъ убитый Пузичъ, съ почернѣвшимъ, какъ утопленикъ, лицомъ, съ слѣдами пѣны и крови на губахъ. У поддёвки его правый рукавъ былъ оторванъ; рубаха вся изорвана въ клочки; правая рука изсѣчена цырюльникомъ, но кровь ужь не пошла. Въ сторонѣ стоялъ весь избитый Матюшка и плакалъ, утирая слезы кулакомъ связанныхъ рукъ. Сидѣвшему на лавочкѣ Петру, тоже съ обезображеннымъ лицомъ и въ изорванномъ кафтанѣ, сотскій вязалъ ноги.

— Злодѣй, что ты надѣлалъ? сказалъ я ему.

Онъ взмахнулъ на меня глазами, потомъ посмотрѣлъ на церковь.

— Давно ужь, видно, мнѣ дорога туда сказана! проговорилъ онъ, и прибавилъ сотскому: — что больно крѣпко вяжешь? не убѣгу.

Въ толпѣ, между-тѣмъ, нѣсколько бабъ ревѣло, или, лучше сказать, голосило:

— Батюшка, кормилецъ мой! завывала одна.

— Ты что надсажаешься? али родня? говорилъ ей мужской голосъ.

— Ну, батюшка, какъ не надсажаться! все человѣческая душа, словно пробка выскочила! отвѣчала женщина.

— Пускай пореветъ; у бабъ слезы некупленныя, замѣтилъ другой мужской голосъ.

— О, о, о, ой! стонала еще другая баба: — куда теперь его головушка поспѣла?

— Удивительная вещь, удивительная вещь! толковалъ клинобородый мужикъ съ умнымъ лицомъ и, должно-быть, изъ торговцовъ.

— Какъ у нихъ это случилось? отнесся я къ нему.

— Пьяные, сударь, отвѣчалъ онъ: — Пузичъ съ утра, съ Ѳомкой пьетъ; пьяные-съ! По-началу они принялись вдвоемъ въ кабакѣ этого толсторожаго парня бить; не знаю, про што его и связали: онъ ничѣмъ не причиненъ!.. Цаловальникъ видитъ, что дѣло плохо: бьютъ человѣка не на животъ, а на смерть, караулъ закричалъ. Мы въ кабакъ-то и вбѣжали, и Петруха-то вошелъ. «За што, говоритъ, парня бьете?» и сталъ отымать, вырвалъ у нихъ его, да и на улицу; они за нимъ, да и на него. Пузичъ за волосы его сгребъ, а Ѳомка подъ ногу подшибаетъ, и Петруха—на моихъ глазахъ это было—раза два ихъ отпихивалъ, такъ Ѳомка и поотсталъ, а Пузичъ все лѣзетъ: сила-то не беретъ, такъ кусаться сталъ, впился въ плечо зубами, да и замеръ. Мы-было съ сотскимъ начали разнимать ихъ — гдѣ тутъ! за ноги хотѣли-было ихъ растащить, такъ Пузичъ какъ съѣздилъ меня сапогомъ по головѣ, такъ шабашъ—нали шабалка затрещала. Сотскій сталъ ужь кричать: «воды! водой разливайте!» я-было побѣжалъ зачерпнуть—прихожу: все ужь порѣшено. Какъ, говорятъ, Петруха-то оборани-

вался, да какъ ухватитъ его за-поперегъ, на аршинъ приподнялъ, да и хрясь о землю—только проохнулъ. А Козыревъ испугался, вскочилъ на своего живодернаго коня и лупмя почалъ его лупить плетью, чтобъ ускакать. Ребята тутъ смѣются ему: «Возьми, говорятъ, колъ; ишь плетью-то не пробираетъ, бока больно толсты!» Такой дуракъ: угналъ—словно не найдутъ.

Я вышелъ изъ толпы; мнѣ попался старикъ Сергѣичъ, проворно-шедшій туда своей заплетающейся походкой.

— Дѣдушка! слышалъ ли, что вашъ Петръ начудилъ? сказалъ я ему.

— Ой, государь милостивый! слышалъ, слышалъ! За-то его, батюшка, Богъ наказалъ, что родителя мало почиталъ. Тогда бы стерпѣлъ — теперь бы слюбилось, отвѣчалъ старикъ и прошелъ.

Потомъ меня нагнали барышни, перебиравшіяся отъ Арины Семеновны къ отцу Николаю. По просьбѣ ихъ, я разсказалъ имъ всѣ подробности.

— Гм!.. глубокомысленно произнесла младшая, Минодора.

— Что за народъ эти мужики! сказала въ носъ старшая, Нимфодора.

1 мая 1855 г.
Санктпетербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Питерщикъ. . . . . 5 — 58

II. Лѣшій. (*Разсказъ исправника*). . . 59 — 132

III. Плотничья артель. . . . . 133 — 226

LRBJa 14

LIBRARY OF CONGRESS
00025281378